НЕГОСУДАРСТВЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ

ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ

ОМСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ИНСТИТУТ

НАУКА О ЧЕЛОВЕКЕ: ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научный журнал

№ 1 (декабрь)

2007

Наука о человеке : гуманитарные исследования : Научный журнал. – 2007. – № 1 (декабрь). – 144 с.

Главный редактор – А.Э. Еремеев, д-р филол. наук, профессор,
ректор Омского гуманитарного института
Зам. главного редактора – О. В. Волох, д-р полит. наук, канд. юрид. наук, профессор

Редакционная коллегия:
В. О. Бернацкий – д-р филос. наук, профессор
А. А. Головин – д-р мед. наук, профессор
В. А. Евдокимов – канд. полит. наук, доцент
О. Ю. Патласов – д-р экон. наук, профессор
Н. К. Поздняков – д-р филос. наук, профессор
С. А. Мельниченко – канд. филос. наук, профессор
Т. В. Токарева – канд. пед. наук, доцент
Р. Р. Нейман – канд. экон. наук, профессор
М. Е. Рождественский – д-р мед. наук, профессор
В. И. Трушляков – д-р техн. наук, профессор

Редакционная группа:
Редактирование – Г.А. Диль, А.А. Лаптева
Компьютерная верстка
и художественно-техническое оформление – А.А. Лаптевой

За достоверность фактического материала
и научную ценность статей ответственность несут авторы и рецензенты

© Омский гуманитарный институт, 2007

Подписано в печать 28.12.07. Формат 84х108/8. Уч.-изд. л. 11,9. Печ. л. 9.
Заказ 6. Тираж 500 экз. (1-й завод – 100).

Номер отпечатан в полиграфическом центре издательства НОУ ВПО
«Омский гуманитарный институт»

Омск-105, ул. 4-я Челюскинцев 2а, тел. 28-47-42, e-mail nou_ogu@mail.ru

Свидетельство ПИ № ФС 12-1766 от 25.12.2007

СОДЕРЖАНИЕ

<u>РАЗДЕЛ I.</u> Государство, политика, управление ……..... 4

Смолин О. Н. Философско-экономические основы образовательной и научно-инновационной политики в современной России …….…… 4
Шрейдер В. Ф. Основание российской формы политической элиты ……..... 19
Голев А. В. Социально-политический феномен общественного мнения …… 27
Дубровина Д. Н. Феномен публики: современные трактовки и жизненное воплощение 34
Дубровин Н. Н. Историческое единство общества и развитие форм общественного сознания 39

<u>РАЗДЕЛ II.</u> Экономика, кадры, персонал …….... 46

Поздняков Н. К., Кролевец Ю. Л. Факторы и формы субъективного делового успеха 46
Нейман Р. Р. К проблеме эффективности инвестиций в человека ……. 53
Анисин А. А., Патласов О. Ю. Нормирование структуры активов и капитала ……. 61
Дмитренко Е. А. Распределительный центр в оптово-розничной торговле продовольствием …… 69
Лелеченко Ю. А. Совершенствование методов планирования себестоимости дорожно-строительных работ ……. 72

<u>РАЗДЕЛ III.</u> Социология, психология, педагогика …….. 84

Степнова А. П., Степнов П. А. Психологические проблемы ценообразования. Парадоксальность ценообразования в условиях российского рынка …….. 84
Зайцев И. В. Субкультура как один из параметров переходного сознания …… 86
Жбанков А. Б. Методологические аспекты национальной безопасности ……... 91
*Белая С. А.*Социально-экономические последствия бедности работающего населения (на примере Украины) ……. 99
Демченко Е. Н. Социокультурный контекст деятельности …….. 109

<u>РАЗДЕЛ IV.</u> Литературоведение, журналистика ……... 117

Евдокимов В. А. Влияние средств массовой информации на институциализацию социально-политических конфликтов …… 117
Тимофеева Л. Н. Власть прессы или власть над прессой: что выгодно обществу? ….. 119

<u>РАЗДЕЛ V.</u> Информационные технологии в образовании ……... 127

Алифанов О. М., Хохулин В. С. Роль космического образования в XXI веке …….. 127

<u>РАЗДЕЛ VI.</u> Научная жизнь ……...……..…. 135

Еремеев А. Э. Новые подходы к осмыслению миротворчества в русской классической литературе ……. 135
Рецензия на учебное пособие Р.Р. Неймана «Проблемы аудита и контроллинга персонала (управленческий подход)» …….. 140

РАЗДЕЛ I
Государство, политика, управление

УДК 32.001

О.Н. СМОЛИН,
д-р филос. наук, профессор, депутат Гос. Думы РФ

ФИЛОСОФСКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ И НАУЧНО-ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Автор рассматривает национальную безопасность как совокупность условий, обеспечивающих суверенитет и защиту стратегических интересов государства, а также полноценное развитие общества и всех его граждан. Предпринимается попытка сформулировать систему образовательных параметров национальной безопасности.

Модернизация. Национальная безопасность. Образовательная политика. Человеческий потенциал. Человеческий капитал. Интеллектуальный потенциал. Интеллектуальный капитал.

Philosophy-economic bases of educational and the scientific - innovative policy in modern Russia

The author examines the national safety as set of the conditions providing the sovereignty and protection of strategic interests of the state, and also high-grade development of a society and all its citizens. Attempt to formulate system of educational parameters of national safety is undertaken.

Modernization. National safety. An educational policy. Human potential. The human capital. A mental potential. Intellectual capital.

Исследование образовательной и научно-инновационной политики вообще, тем более в социумах, переживающих радикальные трансформации, невозможно без анализа социально-политической роли образования и науки. Важнейшими аспектами в данном случае становится воздействие этих общественных институтов на процесс модернизации и обеспечение национальной безопасности. Влияние образования и науки на процессы модернизации общества, хотя и не получило достаточно полного освещения в литературе, вполне очевидно. Напротив, взаимосвязь образования и науки с национальной безопасностью еще недавно воспринималась как нонсенс, либо интерпретировалась крайне узко (секретные научные разработки, в том числе новых видов вооружений, военная подготовка, обучение специалистов для спецслужб и т.п.). Между тем, не совпадая ни по объему, ни по содержанию, ни по аспекту отражения реальности, понятия «модернизация» и «национальная безопасность» с точки зрения их научно-образовательных аспектов имеют между собой много общего. Это не случайно, ибо в современном мире национальная безопасность любого народа может быть обеспечена только на базе успешной модернизации. Модернизация – одно из необходимых условий национальной безопасности, условие интегральное, определяющее, но не исчерпывающее.

Национальная безопасность в научно-образовательном измерении. Разумеется, при таком подходе проблема национальной безопасности должна быть выведена из плоскости национального вопроса. Национальная безопасность – не безопасность одного из этносов, проживающих на территории страны, пусть даже самого крупного, ведущего этноса. Это совокупность условий, обеспечивающих суверенитет и защиту стратегических интересов

государства, полноценное развитие общества и всех граждан. Такое понимание национальной безопасности вошло в мировую политику и науку от американского президента Т. Рузвельта, который предложил данный термин, через «школу политического реализма» до современных теоретиков.

Рассматриваемые в контексте воспроизводства человеческого потенциала, образование и наука выступают универсальным фактором как модернизации, так и обеспечения национальной безопасности страны, воздействуя на все без исключения формы организации макросоциальной (социетальной) системы, на все без исключения ее структурные элементы, а тем самым – на все уровни национальной безопасности (безопасность общества, государства, личности) и ее главные составляющие. Совершенно очевидно:

1) экономическая и военная безопасность современного государства немыслима без квалифицированных кадров;

2) технологическая безопасность невозможна без тех же кадров и научных разработок;

3) по поводу экологической безопасности зарубежные и отечественные специалисты по инвайронментальной социологии сходятся во мнении, что без новой культуры выживания, без так называемого инновационного обучения человечество обречено на катастрофу. Спорят лишь о том, сколько времени осталось цивилизации на осознание гибельности технологической экспансии, не подкрепленной духовным совершенствованием, – 40, 70 или 100 лет;

4) что касается безопасности культурного развития, выделяемой многими специалистами, то образование как фундамент культуры, несомненно, является ее основой, а наука – одним из важнейших компонентов, значение которого нарастает пропорционально уровню развития технологической цивилизации;

5) и, наконец, ни одна общественная система, ни одно государство не может нормально развиваться при отсутствии специфического феномена, «стержня» культуры – системы ценностей, объединяющей ее членов. Нация, лишенная своих ценностей, превращается в толпу или, хуже – в гигантскую банду. Одно из первых мест в формировании ценностей народа принадлежит образованию[1].

Интересно, что некоторые показатели научно-инновационной политики прочно и достаточно давно введены исследователями в систему параметров национальной безопасности. Так, по мнению Г.В. Осипова, одним из таких показателей является выделение на научные исследования не менее 2% от объема ВВП[2]. Однако в большинстве работ, посвященных национальной безопасности, образовательная проблематика вообще не выделяется, а равно отсутствует понимание непосредственной связи уровня национальной безопасности и степени модернизации страны. В этой связи представляется необходимым в первом приближении сформулировать систему образовательных параметров национальной безопасности. Эта система могла бы отчасти основываться на принятых в международной практике индикаторах, поставленных в иной контекст, и, в частности, включить в себя показатели, фиксирующие:

- долю расходов на образование от ВВП, от расходной части консолидированного бюджета и бюджетов различных уровней;
- среднее число лет обучения населения старше 16 лет;
- средние показатели уровня знаний обучающихся, получаемые при сравнительных международных исследованиях;
- долю выпускников образовательных учреждений среднего (полного) общего образования, учреждений всех уровней профессионального образования (за исключением послевузовского), признанных практически здоровыми по медицинским показателям;

---

[1] Образование и национальная безопасность России. Из доклада на парламентских слушаниях Государственной Думы Федерального собрания России 21 мая 1996 г. // Свободная мысль. – 1996. – № 11. – С. 75-82.

[2] **Осипов, Г. В.** Россия : национальная идея. Социальные интересы и приоритеты / Г.В. Осипов. – М. : Фонд содействия развитию социальных и политических наук, 1997. – С. 47.

• численность в расчете на 10 тысяч населения студентов высших учебных заведений, учреждений среднего профессионального образования, а также учащихся в системе начального профессионального образования;

• долю выпускников учреждений среднего (полного) общего и профессионального образования, имеющих положительную социальную мотивацию, выявляемую при социологических опросах.

Отражая основные аспекты проблемы (количественные, качественные, ценностные), данная система показателей отнюдь не является исчерпывающей и нуждается в дальнейшей разработке[3].

Образование и наука как основа модернизации России. В контексте государственных (национальных) интересов существует целый ряд факторов, объективно превращающих образование и науку в основу модернизации России. Назовем некоторые из них.

1. Высокий уровень развития этих социальных институтов в советский период. Как известно, СССР был второй научной державой мира и располагал одной из лучших в мире систем образования. Популярный тезис о том, что эта система была лучшей в мире, трудно доказуем, однако ее передовые позиции в докомпьютерный период подтверждены сравнительными социологическими исследованиями.

2. Высокая инерционность систем образования и науки, связанная с характером преемственности в культуре вообще, а также с длительным циклом воспроизводства и особой ролью моральных стимулов к труду в этих сферах общественной жизни, в частности. Эта высокая инерционность проявилась в ходе российских радикальных трансформаций 1990-х гг., когда качественные (по преимуществу деструктивные) сдвиги в области образования и науки (хотя к последней это относится в меньшей мере) были выражены значительно слабее, чем, например, в политической жизни. В то же время чрезвычайно сложными оказались задачи поддержания необходимого уровня названных социальных институтов как ключевых сфер культуры, обеспечивающих преемственность «старой» и «новой» общественных систем.

3. Ограниченность других модернизационных ресурсов, отвечающих требованиям постиндустриальной революции:

• индустрия и сельское хозяйство страны находятся в посткатастрофическом состоянии и нуждаются в модернизации, которая, в свою очередь, может быть осуществлена прежде всего на основе развития наукоемких технологий и кадров высшей квалификации, обладающих значительным творческим потенциалом[4];

• предложения ряда отечественных политических лидеров осуществлять модернизацию за счет увеличения добычи сырья (например, на основе соглашений о разделе продукции) приведут лишь к досрочному истощению невозобновляемых природных ресурсов и окончательному превращению страны в сырьевой придаток государств «золотого миллиарда».

Еще более бесперспективной представляется автору объявленная в высоких российских властных структурах стратегема о превращении страны в энергетическую сверхдержаву. Разумеется, пользуясь благоприятной рыночной конъюнктурой и, в частности, высокими ценами на нефть, можно некоторое время существенно влиять на международную политику в ближнем и дальнем зарубежье. Однако отдаленные последствия такой политики будут аналогичными результатам проведения стратегической линии, описанной выше, а именно:

• ускорение деструкции СНГ;

---

[3] **Смолин, О. Н.** Социально-философские аспекты государственной образовательной политики в условиях радикальной трансформации российского общества / О.Н. Смолин. – М.: 2001. – С. 89.

[4] Министр финансов России А. Кудрин объявил о намерении в 2007 г. обеспечить объем ВВП, равный его величине в 1990 г. Если этот прогноз будет реализован, во-первых, определится цена отечественных радикальных трансформаций в единицах исторического времени – 17 лет (мировой рекорд продолжительности экономического кризиса в мирное время, по меньшей мере, за четыре века Новой и Новейшей истории человечества); во-вторых, достижение выраженного в денежной форме объема ВВП 1990 г. отнюдь не означает, что этот объем будет достигнут и в натуральных показателях, поскольку значительную его часть образуют доходы от нефти, резко выросшей в цене.

• более активная переориентация стран СНГ и Евросоюза на других поставщиков энергоносителей и на альтернативные источники энергии;

• неверный выбор инвестиционной стратегии внутри России (стимулирование инвестиций не в высокие технологии и человеческий потенциал, но в топливно-энергетический сектор);

• в итоге – консервация догоняющего типа развития с высокими шансами остаться на обочине современного исторического процесса.

В этой связи создание громадного стабилизационного фонда на фоне хронического недофинансирования образования, медицины, науки и культуры представляется абсурдом, тогда как его превращение в инвестиционный фонд (фонд будущих поколений) – «категорическим императивом» для национальной безопасности и модернизации страны. Забегая вперед, стоит заметить: на взгляд автора, не менее половины дополнительных доходов федерального бюджета необходимо инвестировать в «человеческий капитал».

4. Исчерпанность возможностей осуществления «варварской» модернизации, причем как левого, так и правого толка. История России (и не только России) знает примеры того как модернизация общества осуществлялась за счет истощения, частичной деградации или даже частичного уничтожения главного ресурса общественного развития – человеческого.

Однако, во-первых, такой антагонистический характер прогресса был возможен либо на стадии доиндустриальной цивилизации (петровские реформы), либо на стадии экстенсивной индустриализации (сталинский «перелом»). Построение же постиндустриального общества в прямом и переносном смысле на костях миллионов людей представляется невозможным по причинам, связанным, с одной стороны, с принципиальным изменением роли «человеческого фактора» в современных индустриальных и социальных технологиях, а с другой – с продолжающейся в стране с 1992 г. демографической катастрофой.

Во-вторых, даже «варварские» модернизации в досоветский и особенно в советский периоды во многом базировались на форсированном развитии образования и науки, хотя этому развитию нередко придавался гипертрофированно идеологический характер. Вопрос о том, когда соответствующая необходимость будет практически реализована постсоветской отечественной политической элитой, остается открытым.

5. Ключевая роль образования для наращивания человеческого потенциала и его превращения в человеческий капитал. Поскольку данный аргумент является наиболее важным среди всех приведенных, остановимся на нем подробнее.

Как известно, понятие «человеческое развитие» и, соответственно, индекс развития человеческого потенциала как метод его измерения были введены, так сказать, в официальный международный научный и политический оборот ПРООН в 1990 г. в Докладе о развитии человека. Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) «отражает достижения каждой данной страны в обеспечении трех важнейших аспектов человеческого благополучия:

1. Здоровья и долголетия, определяемых ожидаемой продолжительностью жизни;
2. Образования, определяемого комбинацией двух показателей – грамотности взрослого населения и охвата населения тремя ступенями образования (начальным, средним и высшим);
3. Материального уровня жизни, определяемого величиной реального ВВП на душу населения, т.е. величиной, переведенной в доллары с помощью паритета покупательной способности.

Достижения в каждой из этих трех областей сначала оцениваются в процентах от некой идеальной, ни в одной стране еще не достигнутой ситуации:

1. Ожидаемой продолжительности жизни, равной 85 годам;
2. Грамотности и охвата населения образованием всех трех ступеней на уровне 100%;
3. Реального ВВП на душу населения на уровне 40000 долл.

Затем вычисляется простое среднее из этих трех индексов»[5].

Оставляя в стороне вопрос о достоинствах и недостатках методики расчета ИРЧП, отметим: официальное международное признание концепции человеческого развития фактически означает отказ от односторонне сформулированных целей общественного развития и односторонних экономических критериев его успешности (например, ВВП на душу населения). Напротив, эта концепция провозглашает в широком смысле слова благосостояние человека основой и единственной целью такого развития.

Процитируем еще одно справочное издание: «ИРЧП не является показателем, который может быть максимизирован обычным способом, т.е. допуская отставание какого-то «малозначимого» компонента. Концепция человеческого развития исходит из стремления к сбалансированности различных измерений и отрицает целесообразность какой-либо избыточности. При этом главной задачей вычислений ИРЧП является не определение его величины как таковой, а ранжирование на его основе различных стран и сопоставление рейтинга стран по ИРЧП и ВВП на душу населения. Если рейтинг по ИРЧП выше, чем по среднедушевому ВВП, это позволяет судить о большей ориентированности экономики страны на цели человеческого развития, и наоборот <…> Вне зависимости от уровня экономического развития (будь это индустриальные или развивающиеся страны) к странам с высоким уровнем человеческого развития относятся те, в которых ИРЧП > 0,8; к странам со средним уровнем человеческого развития – те, в которых 0,5 < ИРЧП < 0,8; к странам с низким уровнем человеческого развития – те, в которых ИРЧП < 0,5»[6].

Оставляя в стороне еще только разворачивающуюся в научной литературе дискуссию о соотношении человеческого потенциала и человеческого капитала[7], примем в качестве рабочей гипотезы идею, согласно которой человеческий капитал в широком смысле этого слова представляет собой не что иное, как человеческий потенциал, приведенный в действие и подчиняющийся закону самовозрастания, т.е. приводящий к дальнейшему наращиванию человеческого потенциала[8].

Как показывают специальные исследования, ведущая роль в формировании человеческого потенциала и человеческого капитала принадлежит именно его образовательной составляющей:

- по различным оценкам, эта составляющая образует от 60% до 80% всего человеческого капитала[9];
- хотя исторически уровень образования представителей общественной группы, как правило, определялся уровнем ее доходов, в современном обществе данная причинно-следственная связь все более превращается в свою противоположность: образование и повышение его уровня становятся основой роста доходов, а более образованные люди, как правило, оказываются и более обеспеченными[10];

---

[5] Консалтинг и тренинги Санкт-Петербурга / Электронный словарь тренера и консультанта. www. treko. ru / show_dict_514

[6] Словарь гендерных терминов. www. owl. ru / gender / 087.htm

[7] Различные концепции человеческого капитала систематизированы в работе: **Анишин, Е. В.** Человеческий капитал как совокупность социально-экономических отношений : автореф. дис.… канд. эконом. наук / Е.В. Анишин. – Чебоксары, 2006.

[8] Такая трактовка является социально-философским аналогом экономической интерпретации человеческого капитала В. Щетининым, который в широком смысле рассматривает его «как социально-экономическую форму нынешнего качества человеческого потенциала в масштабах всего общества. Этот потенциал принадлежит всем труженикам. Он становится капиталом, включаясь в производство» (**Щетинин, В.** Человеческий капитал и неоднозначность его трактовки / В. Щетинин. // Мировая экономика и международные отношения. – 2001. – № 12. – С. 49).

[9] **Анишин, Е. В.** Человеческий капитал как совокупность социально-экономических отношений : автореф. дис.… канд. эконом. наук / Е.В. Анишин. – Чебоксары, 2006.

[10] В постсоветской России эта зависимость также прослеживается, несмотря даже на дискриминационную политику в отношении заработной платы интеллигенции и других «бюджетников», проводимую правящей политической элитой, о чем речь пойдет ниже.

• образованность непосредственно, хотя и не решающим образом, сказывается на долголетии: образованные люди в среднем живут дольше, а разрыв в продолжительности жизни между женщинами и мужчинами у лиц этой группы существенно меньше, чем у людей с более низким образованием[11].

Обобщая, заметим: роль образовательной компоненты человеческого капитала столь велика, что, по мнению ряда авторов, среди всех его составляющих только она отвечает всем свойствам категории «капитал»[12]. В качестве рабочей гипотезы заслуживает внимания и следующее утверждение: образовательная политика в широком смысле этого слова формирует человеческий потенциал и далее – человеческий капитал. Образовательная политика в узком смысле – по преимуществу, интеллектуальный потенциал и далее – интеллектуальный капитал[13].

Между тем, приходится констатировать явное несоответствие между официальными заявлениями российских политических лидеров о важности развития человеческого потенциала и человеческого капитала в стране, с одной стороны, и отечественными показателями ИРЧП – с другой.

Так, выступая 9 февраля 2007 г. перед членами Общественной палаты в первую годовщину ее создания, первый вице-премьер правительства РФ и кандидат в президенты Д. Медведев сконцентрировался на развитии человеческого капитала, констатировал успехи реализации «приоритетных национальных проектов» и утверждал: «прямой задачей любого демократического государства является создание благоприятных условий для развития и самореализации людей, для развития того, что несколько наукообразно именуется человеческим капиталом»[14].

Однако данные международных докладов о развитии человеческого потенциала свидетельствуют: несмотря на формально высокие темпы экономического роста, несмотря на гигантские финансовые ресурсы, сосредоточенные в руках федерального правительства, несмотря даже на абсолютный рост некоторых составляющих ИРЧП (например, индекса благосостояния), в целом относительно других стран человеческий потенциал России становится ниже.

Международные измерения человеческого потенциала в советский период автору не известны, но есть основания полагать, что если бы они проводились, страна оказалась бы в лидирующей группе – скорее всего, вошла бы в десятку лучших. Косвенным подтверждением тому служит тот факт, что в кризисных 1991-1992 гг. Россия заняла по индексу человеческого развития 34-е место в мире[15] – так велик был запас прочности, а уже в 1995 г. опустилась на 72-е место в мире[16]. При этом в 1999 г. (в следующем после второго издания кризиса в 1998 г.) страна по ИРЧП заняла 55-е место[17].

А затем происходит «экономическое чудо наоборот». Достигнув в 1998 г. дна кризисной пропасти, с 1999 г. страна переживает экономический рост – в основном нефтегазовый. И тем не менее в денежном выражении экономика прибавляет в среднем по 6-7% в год. Начиная с 2001 г., доходы бюджета страны превосходят его расходы, причем на астрономические суммы. А по человеческому развитию РФ все больше отстает от других государств. В 2004 г. Россия по этому показателю опустилась на 65-е место в мире[18], а в 2005 г. – на 67-е[19]. Впереди

---

[11] Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2004 год. – М. : Весь Мир, 2004. – С. 71.

[12] **Анишин, Е. В.** – Там же.

[13] Существует и иная точка зрения, согласно которой интеллектуальный капитал включает в себя человеческий капитал, организационный и потребительский капитал (Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2004 год. – М. : Весь Мир, 2004. – С. 14)

[14] Цит. по: Стенограмма выступления Первого заместителя Председателя Правительства РФ Дмитрия Медведева на заседании Общественной палаты 9 февраля 2007 г. // www. viperson. ru / wind. php? ID=276504

[15] Отчет по человеческому развитию 1994. – Нью-Йорк : ПРООН, 1994. – С. 129-131

[16] Доклад о развитии человека за 1998 год. – Нью-Йорк ; Оксфорд : Оксфорд юниверсити пресс, 1998. – С. 130-132.

[17] Доклад о развитии человека за 2001 год. – Нью-Йорк ; Оксфорд : Оксфорд юниверсити пресс, 2001. – С. 141-144.

[18] Доклад о развитии человека 2006. – М. : Изд-во «Весь мир», 2006. – С. 283-286

[19] Доклад о развитии человека 2007/2008. – М. : Изд-во «Весь мир», 2007. – С. 229-233.

периодически оказывались такие страны, как Беларусь (53-е место в 1999 г.), Куба (50-е место в 2004 г.) и Ливийская Арабская Джамахирия (56-е место в 2005 г.).

Что касается слагаемых индекса человеческого развития, то картина выглядит следующим образом.

Показатели России в международных исследованиях по развитию человеческого потенциала[20]

Годы	Благосостояние		Долголетие		Образование	
	ВВП на душу населения	Место	Индекс	Место	Индекс	Место
1992	$ 6140	51	0,71	90	0,89	36
1999	$ 7473	55	0,69	98	0,92	29
2004	$ 9902	55	0,67	114	0,95	15
2005	$ 10 845	56	0,67	119	0,96	26

Данные, сведенные в таблицу, позволяют утверждать, что в 1991-2005 гг.:

1) индекс благосостояния вырос в абсолютном выражении более, чем в полтора раза, однако опустился в относительном (с 51 до 56 места). Другими словами, Россия существенно отставала от среднемировых темпов роста уровня жизни;

2) кривая индекса образования в абсолютном выражении также шла вверх, противоречиво изменяясь на фоне общемировых тенденций (например, опустившись с 15 места в 2004 г. на 26 место в 2005 г.);

3) падение индекса долголетия в абсолютном и относительном выражениях имеет катастрофический характер, причём парадокс состоит в том, что эта тенденция в годы экономического роста даже усиливается (см. ниже данные Росстата за 2005-2006 гг.).

Сошлюсь и на другие данные, которые приходилось видеть в печати.

Когда в конце советского периода стала публиковаться информация о социальных показателях нашей страны, граждане с некоторым разочарованием узнали, что, согласно различным измерениям, на шкале уровня жизни СССР занимает места от 19-го до 32-го. В последние годы такие же измерения дают нашей стране от уже упоминавшегося 56-го до 102-го места.

Советский Союз не стал лидером по продолжительности жизни, но не был и в числе отстающих. В конце 1980-х гг. по этому показателю страна соответствовала среднеевропейскому уровню. По заявлению М. Зурабова в Госдуме, в 2005 г. по этому показателю российские женщины оказались на 91-м месте в мире, мужчины – на 136-м. Тот же М. Зурабов на пленарном заседании Госдумы 23 марта 2007 г. прямо связал низкую продолжительность жизни в России с уровнем бюджетных расходов. Цитирую: «В последнее время мне достаточно часто приходится слышать вопросом о том, достаточно ли средств выделяется на финансирование государственных гарантий… бесплатной медицинской помощи в Российской Федерации. Должен вам сказать абсолютно ответственно, что средств достаточно, если мы предполагаем, что мужчина… будет доживать до 59 лет. Но если… в качестве одного из приоритетов будет сформулирована задача существенного увеличения продолжительности жизни… то… это другие объемы финансирования»[21].

Судя по официальной информации из Федеральной службы государственной статистики, продолжительность жизни, несмотря на все заявления властей по поводу «экономического чуда», по-прежнему падает:

- женщины: 2005 г. – 72 года, 2006 г. – 70 лет;

[20] Подготовлено на основе материалов: Отчет по человеческому развитию 1994. – Нью-Йорк : ПРООН, 1994. – С. 129-131 ; Доклад о развитии человека за 1995 год. – Нью-Йорк ; Оксфорд : Оксфорд юниверсити пресс, 1995. – С. 155-157 ; Доклад о развитии человека за 2001 год. – Нью-Йорк ; Оксфорд : Оксфорд юниверсити пресс, 2001. – С. 141-144 ; Доклад о развитии человека 2006. – М. : Изд-во «Весь мир», 2006. – С. 283-286; Доклад о развитии человека 2007/2008. – М. : Изд-во «Весь мир», 2007. – С. 229-233.

[21] Стенограмма пленарного заседания Государственной думы. –2007. – 23 марта.

• мужчины: 2005 г. – 58 лет, 2006 г. – 56 лет.

Другие международные исследования показали, что в последние годы по качеству жизни Россия занимала места от 73-го до 151-го[22], по экономической свободе – 120-е, а по т.н. индексу счастья (т.е. по удовлетворенности человека жизнью) – 167-е [23].

Возвращаясь к докладам ПРООН о развитии человека, заметим, что в последние годы в них введен еще один показатель: рейтинг ВВП на душу населения минус рейтинг ИРЧП. Согласно последнему Докладу о развитии человеческого потенциала, рейтинг России по этому показателю на 9 позиций хуже ее рейтинга по объему валового внутреннего продукта на душу населения[24]. В переводе на русский язык это подтверждает известную до банальности мысль: ресурсы страны в интересах человека используются плохо.

Из всего сказанного следует, что, во-первых, в современной России образовательная политика остаётся ключевым направлением повышения человеческого потенциала и его превращения в человеческий капитал. Именно и только она позволяет переломить тенденцию к нарастающему отставанию в этом отношении от наиболее передовых стран мира.

Во-вторых, методы реформирования науки и образования в России не могут быть заимствованы из других сфер общественной жизни, в том числе в силу высокого уровня развития этих социальных институтов в Советском Союзе и их высокой инерционности. Ныне для обеспечения модернизации страны сохранение высокого образовательного и научного потенциала важнее проведения реформ. Эволюция здесь принципиально предпочтительнее революций.

В-третьих, в любом случае императивом времени является формула: через образование и науку – к реформированию общества в интересах большинства народа.

Глобальный контекст российской модернизации

Проблема социально-образовательного детерминизма как новой философско-социологической парадигмы

В глобальном контексте роль науки и образования в модернизации и обеспечении национальной безопасности России связана с перспективами ее перехода к информационному обществу («обществу профессионалов», «обществу знаний» и т.п.). В связи с этим, в общественной жизни экономически лидирующих государств, происходит ряд качественных изменений[25].

Происходящие в современном обществе процессы в определенном смысле аналогичны тому, что совершались в период индустриализации, хотя и на качественно новом уровне. Как известно, в условиях доиндустриальной цивилизации до 90% населения были заняты в сельском хозяйстве при хронической нехватке продуктов питания и периодически возникающих «голодовках» целых регионов, стран и даже континентов. Однако, как впоследствии выяснилось, условием решения продовольственной проблемы, похоронившим «железный закон» Мальтуса, стало… переселение большей части крестьян в города и, соответственно, их перемещение из сферы сельского хозяйства в промышленное производство. Аналогичным образом, в настоящее время для того, чтобы обеспечить удовлетворение основных рационально обоснованных материальных потребностей человека, большая часть работников должна переместиться из сферы материального производства в производство

---

[22] **Дмитриева, О. Г.** Курсом на Кирибати / О.Г. Дмитриева. // Коммерсант. – 2006. – 2 ноября.

[23] Что такое счастье : Уайт and black // Прямые инвестиции. – 2006. – № 10. – С. 20.

[24] Доклад о развитии человека 2007/2008. – М. : Изд-во «Весь мир», 2007. – С. 230.

[25] Так, согласно далеко не полным данным, в начале 1990-х гг. «накопленный человеческий капитал в развитых зарубежных странах превышал объем вещного основного капитала в среднем в 1,5 раза, а вклад знаний и образования в прирост валового внутреннего продукта (ВВП) оценивался примерно в 60%». «Удельный вес сферы услуг в ВВП в начале XXI в. варьирует в пределах от 62% в Японии до 72% в США, а в ее составе опережающими темпами развиваются услуги социально-культурного профиля (сферы образования, здравоохранения, культуры, социального обслуживания и т.д.)» (См.: Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2002-2003. – М. : 2003. – С. 19).

духовное[26]. Точно так же, если в условиях классической индустриальной экономики ведущую роль в расширенном воспроизводстве играло так называемое первое подразделение первого подразделения (производство средств производства для производства средств производства), то в условиях постиндустриальной системы аналогичная роль обеспечивается воспроизводством человеческого потенциала и прежде всего – образованием[27]. Помимо этого, а отчасти благодаря этому, как было многократно показано отечественными и зарубежными экономистами (С.Г. Струмилин, Э. Денисон), уже в XX в. образование стало областью с наиболее высокой отдачей долгосрочных инвестиций.

В свете всего сказанного представляется возможным высказать следующую гипотезу: одним из главных философско-экономических оснований стратегии модернизации современного общества (в том числе, разумеется, и российского) должен стать социально-образовательный детерминизм, который выступает не отрицанием, но новой фазой развития детерминизма социально-экономического, ибо означает не отказ от признания определяющей роли экономической сферы в развитии общества, но признание ведущей роли образования в развитии современной экономики как фундамента общественной жизни. Эта гипотеза, в случае ее теоретического обоснования и доказательства, может стать новой методологической основой принятия управленческих решений и произведет значительные изменения в курсе отечественной социально-экономической политики.

Парадоксы федеральной образовательной и научно-инновационной политики в постсоветской России

В российском обществознании стало едва ли не общим местом мнение о том, что отечественная социальная реальность – реальность особого рода, которая изобилует парадоксами. Большинство писавших на эту тему, включая столь различных мыслителей, как П. Чаадаев и Н. Бердяев, видели причины такой парадоксальности в особенностях отечественного культурного развития. Намереваясь изложить ниже иную точку зрения, отметим в данном случае, что парадоксами изобилует также отечественная образовательная и научно-инновационная политика постсоветского периода, причем, это отнюдь не те парадоксы, другом которых поэт считал гения. Вот лишь некоторые тому примеры.

Парадокс 1: Утверждение экономического детерминизма в качестве основы отечественной государственной политики посредством критики… «экономического детерминизма».

Общеизвестно: новая экономическая и политическая философия в постсоветской России утверждалась ее «отцами-основателями» как противовес официальному «советскому марксизму». Характеристика последнего не входит в задачи автора, хотя, как представляется, именно к нему вполне применимы известные слова К. Маркса, отказывавшегося признать себя «марксистом». В данном случае важно другое: провозглашая основным методологическим пороком отвергаемого марксизма узко экономический подход, на месте отвергнутого «экономического детерминизма» его критики утвердили новую версию… экономического детерминизма. Причем в виде двух примитивизированных его разновидностей: монетаризма и концепции собственности как доминирующего, если не единственного, фактора экономической, а также социальной эффективности.

Во-первых, подобно тому, как на рубеже 1920-30-х гг. большевики определяли успехи «социалистического строительства» процентом коллективизации, так и антибольшевики (на самом деле – необольшевики наизнанку) в 1990-х гг. измеряли эффективность рыночных реформ процентом приватизированных отечественных предприятий. Как будет показано ниже, такой подход стал одной из главных методологических основ многочисленных программ приватизации государственных (муниципальных) учреждений образования и науки.

Во-вторых, важнейшим инструментом управления экономикой постсоветскими Правительствами было признано регулирование (точнее, предельное ограничение) объема

[26] **Бузгалин, А.** Теория социально-экономических трансформаций / А. Бузган, А. Колганов. – М. : ТЕИС, 2003. – С. 63.
[27] **Бузгалин, А.** Глобальный капитал / А. Бузгалин, А. Колганов. – М. : УРФФ, 2004. – С. 83.

денежной массы, и тем самым экономический детерминизм, признающий экономику фактором, непосредственно определяющим едва ли не всю общественную жизнь, был не просто сохранен, но редуцирован к детерминизму финансовому. Использование методологии экономического детерминизма, да к тому же в примитивизированной форме, означало, естественно, отнесение образовательной и научно-инновационной политики к периферийным направлениям внутренней политики государства со всеми вытекающими последствиями.

Между прочим, стоит отметить, что часть бывших советских марксистов, критикуя «новый» экономический подход и доказывая невозможность механического переноса рыночных отношений с Запада на почву иной культуры, в свою очередь, фактически опиралась на социо-культурный детерминизм М. Вебера. Впрочем, с инверсией традиционных методологий и политических платформ в постсоветской России мы еще встретимся.

Парадокс 2: Коллективный квазиэдипов комплекс в управленческих структурах.

Вряд ли в отечественной истории удастся найти другой период, подобный постсоветскому (а в особенности – первой половине 1990-х гг.), когда бы в составе правящей политической элиты было так много людей с учеными степенями и, вместе с тем, когда бы в мирное время наука и образование оказывались в столь критической финансово-экономической ситуации. Сторонник фрейдистской парадигмы мог бы, вероятно, написать научный трактат о том, как и почему представители научного и образовательного сообщества, попадая из академических сфер во властные структуры, будто обуреваемые комплексом Эдипа, способствуют уничтожению тех, кому они обязаны своим рождением в качестве ученых.

Весь мировой опыт XX в., и в особенности второй его половины, свидетельствует: при сколько-нибудь продуктивном экономическом механизме именно инвестиции в образование в долгосрочной перспективе оказывались наиболее эффективными и определяли успех модернизации общества. Практически все страны, сумевшие добиться на определенных временных интервалах экстраординарных темпов экономического развития (так называемого «экономического чуда»), за несколько лет до этого осуществляли серьезные финансовые «вливания» в сферу образования, во многом «чудо» и порождавшие. В свою очередь, в индустриально развитых странах экономический подъем и сравнительно высокий уровень жизни относительного большинства населения становились базой стабильности и демократии западного типа. Такая закономерность прослеживается в послевоенной истории Германии, Японии, Южной Кореи, Италии. В отечественной истории аналогичная закономерность, хотя и с учетом качественных различий между общественными системами, также проявлялась на протяжении ряда десятилетий (1930-1960-е гг.). Затем тенденция изменилась в худшую сторону, а в 1990-е гг. стала прямо противоположной[28].

---

[28] Так, согласно экспертным оценкам, в начале 1950-х гг. доля расходов на образование в ВВП составляла в СССР около 10% (См.: **Смолин, О. Н.** Социально-философские аспекты государственной образовательной политики в условиях радикальной трансформации российского общества : диссертация в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора философских наук / О.Н. Смолин. – М., 2001. – С. 109). По оценкам Всемирного Банка, в 1970 г. она равнялась 7%, в США, Франции и Великобритании в середине 1990-х гг. – от 5,3 до 5,5%, а в России в 1992 г. – 3,4% (См. там же). С учетом сокращения ВВП приблизительно вдвое в 1990-94 гг. расходы на образование в реальном исчислении составили в России середины 90-х гг. не более четверти к уровню расходов 1970 г. Принимая во внимание рост после 17 августа 1998 г. курса доллара почти в 4,5 раза, рост цен – не менее чем в 2,5 раза, при увеличении расходов на образование в федеральном бюджете 1999 и 2000 гг. приблизительно на 75%, а заработной платы работников образования – менее чем на 70%, представляется возможным оценить сокращение реальных расходов на образование в России во второй половине 1990-х гг. приблизительно еще в 2 раза.

Согласно заявлению председателя правительства РФ М. Фрадкова, к началу 2005 г. ВВП на душу населения в России оказался в 3-4 раза ниже, чем в других странах «восьмерки». При этом на здравоохранение в этих государствах затрачивается 6-8% ВВП, а в России – 3%; на образование, соответственно, 4-6% и менее 4%.

«Можно ли в таких условиях рассчитывать, – задал риторический вопрос премьер, – что без дополнительных финансовых вложений социальные реформы дадут ожидаемый эффект?»[28]. Увы, этот вопрос не нашел ответа в федеральных бюджетах на 2006 и 2007 гг. Так, в 2006 г. расходная часть бюджета выросла на 125%, а расходы по разделу «Образование» – примерно на 25%. Соответственно, в 2007 г. расходы федерального бюджета выросли на 147%, а расходы на образование (за вычетом сумм, перенесенных из других разделов) –

Парадокс 3: Попытка вхождения в цивилизацию по попятной траектории.

Отечественные политические лидеры (по европейским меркам «новые правые») на протяжении 1990-х гг. постоянно прокламировали намерения «войти в цивилизацию» или догнать ее, но в отношении образования и науки стимулировали движение едва ли не в прямо противоположную сторону. Во всяком случае, противо-цивилизационные тенденции в политике государства в отношении образования и науки явно преобладали над

примерно на 32%. Причем эти показатели наращивания финансовых вложений в образование оказались едва ли не рекордными.

В трехлетнем федеральном бюджете (2008-2010 гг.) расходы на образование увеличатся крайне незначительно – менее чем на 20% за три года:

2008 г. – 307,2 млрд. руб., +7%;

2009 г. – 313,6 млрд. руб., +2,1%[28];

2010 г. – 339,9 млрд. руб., +8,4%.

Для сравнения: финансирование армии вырастет примерно на 38% (что можно понять с учетом ее развала в 1990-х гг.), а на другие силовые структуры – почти на 45%. Похоже, российская власть (1) продолжает движение к бюджету полицейского государства и (2) опасается собственного народа больше, чем внешней угрозы. Вряд ли нужно повторять: профилактика преступности – лучший способ борьбы с ней, а потому соотношение расходов на образование и правоохранительную деятельность должно быть прямо противоположным.

Отдельная тема – национальный проект «Образование». Бюджетные ассигнования на его реализацию составят в 2008 г. 42,8 млрд. руб., в 2009 г. – 21,1 млрд. руб. При этом с 2009 г. планируется исключение из финансирования в рамках проекта следующих направлений[28]:

- внедрение в образовательных учреждениях инновационных образовательных программ;
- развитие сети национальных университетов и других образовательных учреждений;
- методическое обеспечение и информационная поддержка;
- приобретение автобусов для государственных и муниципальных школ в сельской местности;
- оснащение общеобразовательных учреждений учебным оборудованием;
- начальное профессиональное образование военнослужащих, проходящих военную службу по призыву.

Более того, с 2010 г. предполагается выплачивать даже ежемесячное денежное вознаграждение за классное руководство в размере 1 тыс. рублей за счет бюджетов субъектов Российской Федерации.

Все это означает, что к 2009-2010 гг. национальный проект «Образование» будет полностью свернут.

Еще более тяжелые потери понес в постсоветский период научный потенциал страны. Приведем мнение экспертов. «По сравнению с 1992 годом численность научного персонала сократилась почти вдвое: с 1532,6 тыс. человек до 870,9 тыс. человек. К началу 2004 г. в научном секторе исследованиями и разработками занималось 866,2 тыс. человек. Численность исследователей снизилась с 804,1 тыс. человек до 414,7 тыс. человек, т.е. также почти вдвое. Таким образом, утверждение об оттоке кадров из науки более чем справедливо» (См. : Сколько стоит Россия / под ред. И.А. Николаева. – М. : 2004. – С. 220.). По другим данным, в России число специалистов в сфере НИОКР сократилось с 1,9 млн. в 1990 году до 772 тыс. в 1999 году, а федеральное финансирование науки в 1990-х гг. – приблизительно в 20 раз. Несмотря на некоторое расхождение с данными, приведенными Председателем Правительства РФ М. Фрадковым на пленарном заседании Госдумы, авторы «Доклада о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации» рисуют в целом ту же картину: «На науку в России в последние годы направляется 1,6% ВВП. В развитом мире – в среднем не менее 2-2,2%, на образование – соответственно около 3% и 6%, на охрану здоровья 2,4-3,5% и от 8 до 14% ВВП. И это при кратном разрыве в объеме общественного продукта» (См. : Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2002 – 2003. Роль государства в экономическом росте и социально-экономических реформах. – М., 2003. – С. 28.).

Как уже отмечалось, согласно стандартам, принятым в индустриально развитых странах, предельно допустимым для национальной безопасности уровнем расходов на науку принято считать 2% ВВП. Что касается расходов на науку, то в 1990-х – начале 2000-х гг. они составляли приблизительно 0,3% от ВВП страны. Поскольку в Федеральном бюджете на 2005 г. раздел «Фундаментальные исследования и содействие научно-техническому прогрессу» был упразднен, определение этого показателя стало вообще затруднительным. В Федеральном Законе № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» от 23.08.1996 на протяжении восьми лет (1996 – 2004) действовал норматив об обязанности государства выделять на науку не менее 4% расходной части Федерального бюджета, однако в действительности эти расходы не превышали 2%. На совместном заседании Совета безопасности России, Президиума Госсовета и Совета при Президенте РФ по науке и высоким технологиям, которое состоялось 30 марта 2002 г., было принято решение довести расходы Федерального бюджета на науку до 4% к 2010 г. (т.е. поэтапно исполнить закон), а также утвержден график наращивания таких расходов по финансовым годам. Однако Федеральным Законом № 122 от 22.08.2004 (так называемый «закон о монетизации») положение о выделении 4% расходной части федерального бюджета на науку было из законодательства исключено. Почти одновременно Еврокомиссия приняла рекомендацию к странам – членам Евросоюза: увеличить расходы на науку за счет всех источников до 3% ВВП)

процивилизационными. Помимо приведенных выше данных о сокращении финансирования образования и науки, а также численности научного персонала, это относится и к такому ключевому направлению политики государства, как отношения собственности.

История образовательной политики индустриально развитых стран, а равно и европейских стран с переходной экономикой, не знает примеров сколько-нибудь массовой приватизации образовательных учреждений. Напротив, история постсоветсткой России примерами попыток такой приватизации изобилует. Так, в первой половине 1990-х гг. правительственными структурами были разработаны не менее пяти законопроектов, направленных на обеспечение «обвальной» приватизации в сфере образования; в 1998 г. – проект приватизации вузов[29]; наконец, в 2004 г. – предложения о приватизации учреждений дополнительного профессионального образования[30]. Между тем, для любого неидеологизированного специалиста последствия массовой приватизации образования очевидны:

- резкое сокращение бюджетного финансирования образовательных учреждений в связи с их превращением в негосударственные и, соответственно, уменьшением государственных обязательств перед ними в юридическом и социально-психологическом плане;
- вследствие этого качественный рост доли платных для гражданина образовательных услуг за счет бесплатных;
- в связи с крайне низким средним уровнем жизни и узостью средних слоев, представители которых способны оплачивать образование, радикальное сокращение количества обучающихся, превращение образования в привилегию для избранных;
- по причине дефицита финансов и отсутствия государственного управления превращение образовательной деятельности для многих учебных заведений во второстепенную, вытеснение ее коммерческой деятельностью, распродажа имущества, новый передел собственности под видом ее раздела, который и составляет «тайну» российской приватизации вообще;
- вследствие всех названных и неназванных причин – разрушение системы образования в короткие сроки.

Парадокс 4. Преумножение критикуемых ошибок прошлого.

Чем более новая, постсоветская власть критиковала ошибки прежней, тем более она их повторяла и умножала. В частности, после массированной критики социальной политики советского периода худшие черты ее последних лет – «остаточный» принцип финансирования культуры, науки, образования и обесценивание высококвалифицированного труда – оказались не преодоленными, но доведенными до логического конца[31].

Учитывая, что в индустриально развитых странах мира зарплата педагогических работников выше средней по стране, совершенно очевидно, что и в этом отношении российские «реформы» имеют противо-цивилизационный характер[32].

---

[29] **Смолин, О. Н.** Знание – Свобода / О.Н. Смолин. – М. : 1999. – С. 85-87, 106-114.

[30] **Смолин, О. Н.** Крестики – нолики / О.Н. Смолин. // Народное образование. – 2005. – № 1. – С. 20-27.

[31] Напомню: в 1940 г. зарплата работников образования практически равнялась ее уровню в промышленности (97%); в 1970 г. составляла 72,7%; в 1990 г. – 65% (См. : **Смолин, О. Н.** Знание – Свобода / О.Н. Смолин. – М. : 1999. – С. 164.); в 2003 г. она опустилась почти до 50%. По данным Федеральной службы государственной статистики в 2003 г. это отношение составило 51%. Выступая 20 декабря 2006 г. на пленарном заседании Госдумы, заместитель Председателя Правительства РФ А.Д. Жуков сообщил: «Результатом дополнительных мер по повышению оплаты труда отдельных категорий работников здравоохранения и образования стало улучшение соотношения между средней заработной платой работников этих отраслей и обрабатывающих производств. В августе текущего года это соотношение составило <…> по образованию – 57 процентов (в прошлом году – 52)». Даже Президент РФ в Послании Федеральному Собранию 2005 г. отметил: «В то же время реальный уровень оплаты труда в этих отраслях все еще ниже, чем в конце 80-х годов, а средняя зарплата в бюджетной сфере значительно ниже средней зарплаты по стране: из 18 ставок единой тарифной сетки 12 – ниже прожиточного минимума, то есть для большинства работников бюджетных организаций риски попасть в зону бедности крайне высоки. И столь унизительное положение мешает людям эффективно и творчески работать» (Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию Российской федерации. – Москва. Кремль. – 2005. – 25 апреля).

[32] На протяжении всего десятилетия 1990-х среди различных профессиональных отрядов работники образования и науки по уровню оплаты труда входили в первую пятерку снизу, наряду с работниками здравоохране-

Предложенный автором в качестве социально-философского основания стратегии модернизации России социально-образовательный детерминизм, среди прочего, предполагает и более высокий (по сравнению с теми, кто создает вещное богатство) уровень оплаты тру-

---

ния, культуры и сельского хозяйства. Лишь к концу первой «пятилетки» XXI в. зарплата в науке превысила среднюю по стране. В апреле 2004 г. ее уровень составил около 8000 рублей или 124 % среднего уровня по экономике» (Сколько стоит Россия / под ред. И.А. Николаева – М. : 2004. – С. 222.). Процитируем еще раз все тот же источник.

«Небезынтересно вспомнить, что в Советские времена самую высокую официальную зарплату получал Президент академии наук СССР: 700 рублей по должности плюс 500 рублей за звание академика, так называемую академическую стипендию. Итого получалось 1200 рублей. Если учесть, что средний оклад у Первых секретарей обкомов в то время был 500-600 рублей в месяц, становится понятным уровень материального благополучия главного Академика. Но тогда и простые ученые хорошо зарабатывали. Сейчас с начала 2003 г. «академическая стипендия» составляет 20 тыс. рублей в месяц (постановление Правительства РФ от 24 октября 2002 г. № 770). Академики РАН не обделены вниманием: надбавка превышает среднюю зарплату в отрасли почти в 3 раза!» (Там же. – С. 222).

К сказанному стоит прибавить, что, во-первых, зарплата профессора вуза в советские времена составляла 500 рублей, т.е. была сравнима с официальной зарплатой Первого секретаря обкома, а, во-вторых, что 20 тыс. руб. (или 700 долларов) – это достаточно скромный доход менеджера средней руки в более или менее успешно работающей московской фирме.

Как известно, на съезде профсоюза работников образования и науки 4 апреля 2005 г. министр А. Фурсенко говорил о двукратном повышении зарплаты педагогов в течение трёх лет. Через три недели, 25 апреля, Президент уточнил: «считаю необходимым в течение трех лет добиться повышения доходов «бюджетников» в реальном выражении не менее чем в 1,5 раза. То есть в ближайшие годы зарплаты «бюджетников» должны расти как минимум в 1,5 раза быстрее, чем цены на потребительские товары»[32].

Однако в действительности в последние годы темп «роста» номинальной зарплаты интеллигенции постоянно замедляется, а в реальном выражении (по отношению к товарам первой необходимости) она практически не увеличивается. Без учета скачущих цен по России в целом этот «рост» составил:

- в 2005 г. – 31%;
- в 2006 г. – 26%;
- в 2007 г. – 15%.

При этом, по данным независимых ученых, цены на товары первой необходимости в 2005, 2006, 2007 гг. выросли, соответственно, на 30%, на 25% и (по прогнозу) не менее чем на 25%.

Проектировки федерального бюджета на 2008-2010 гг., представленные министром финансов А. Кудриным депутатам Госдумы, в части роста зарплаты также вызывают уныние:

- 2008 г. – 15%;
- 2009 г. – 18%;
- 2010 – 6%;
- ➢ итого: 39% за три года.

Еще печальнее другое. Эти проектировки составлены с учетом денег, выделяемых на переход к отраслевым системам оплаты труда. Кто и сколько этих денег получит – пока не ясно. Если же считать только те деньги, которые предусмотрены на «повышение» зарплаты в федеральных учреждениях и которые люди получат наверняка, то выглядит это следующим образом:

- с 1 сентября 2008 г. – на 7%;
- с августа 2009 г. – на 6,8%;
- с 1 января 2010 г. – на 6,5%;
- ➢ итого: около 20% за три года.

Иначе говоря, трехлетний бюджет гарантирует интеллигенции и всем работникам бюджетной сферы:

- относительное обнищание – по сравнению с ростом зарплаты в других секторах экономики, которое А. Кудрин обещает на уровне 94%;
- абсолютное обнищание – по сравнению с ростом цен на товары первой необходимости.

По официальным прогнозам, инфляция в 2008-10 гг. составит около 20%. Однако нет сомнений в том, что повышение цен на товары и услуги первой необходимости за три года окажется значительно выше, чем планируемый «рост» зарплаты. Заявление Кудрина о том, что административными методами цены нельзя держать долго, означает более чем прозрачный намек на то, что весной надо ожидать их нового скачка. По некоторым оценкам, в отношении продуктов питания – до 50%. Обещанное повышение зарплаты с 1 февраля 2008 г. на 14% – это лишь запоздалая и неполная ее индексация. Короче: если в бюджет не будут внесены радикальные изменения, в 2010 г. российская интеллигенция и другие работники бюджетной сферы будут еще беднее, чем в 2007-м. При этом напомню, что дополнительные доходы федерального бюджета позволяют увеличить зарплату интеллигенции не в 1,5, а в несколько раз, и немедленно, а не за три года.

да работников, формирующих человеческий потенциал как главный двигатель постиндустриальной экономики. «От противного» доказательством этому тезису может служить тот факт, что индекс развития человеческого потенциала в России в последние годы периодически оказывается ниже, чем, например, в Белоруссии, где зарплата работников образования составляет 90% от ее уровня в промышленности.

Парадокс 5: Инверсия политических противоположностей – синдром «казарменного» либерализма и «либерального» социализма.

Согласно стандартным представлениям (впрочем, справедливым лишь отчасти), в условиях классической расстановки политических сил, социалисты, руководствуясь принципом справедливости, стремятся к созданию социальных гарантий для большинства населения путем перераспределения доходов граждан через бюджет (как иногда говорят, предпочитают делить «рыбу»). Напротив, согласно тем же представлениям, либералы ориентируются на стимулирование экономической активности граждан, создавая им возможности самостоятельно зарабатывать деньги (в аналогичных терминах – раздают «удочки»).

В противоположность этому, в постсоветской России образовательная и научно-инновационная политика правящей элиты, регулярно прокламирующей проведение радикальных либеральных реформ, тяготела, скорее, к принципу: ни «рыбы», ни «удочек». В то же время представители левой (в том числе социалистической) оппозиции регулярно отстаивали свободу для участников образовательной и научно-инновационной деятельности, включая свободу экономическую. Предвосхищая будущий анализ, приведем лишь один пример.

Как известно, в индустриально развитых странах организации, отнесенные к некоммерческому сектору, включая образовательные и научные, налогов не платят вовсе, либо пользуются широким спектром налоговых льгот. Среди прочего, такие льготы используются в целях привлечения в некоммерческий сектор частных инвестиций и создания тем самым системы многоканального финансирования образования и науки. Напротив, отечественные «радикальные реформаторы» на протяжении 1990-х гг. пытались ликвидировать (а в начале XXI в. в значительной степени ликвидировали) систему налоговых льгот для образовательных учреждений и научных организаций, восходящую в России к Указам Петра I. В постсоветский период эта система была предложена и долгое время защищалась парламентскими комитетами по образованию и науке, которые по составу депутатов и персоналиям руководителей представляли, преимущественно, левую политическую оппозицию.

Заслуживает внимания еще одно обстоятельство: представление о том, что все должны платить одинаковые налоги, наряду с квазиэгалитарной ваучерной приватизацией, выступает как очевидная политическая инверсия и пример того, как стереотипы примитивного «казарменного» коммунизма могут использоваться для введения не менее примитивного «дикого» капитализма с его колоссальным социальным неравенством.

Парадокс 6. Сочетание юридического фетишизма с юридическим нигилизмом.

На протяжении 1990-х гг. и в первые годы XXI столетия корни многочисленных проблем в образовательной и научно-инновационной политике массовое сознание (в том числе общественное мнение соответствующих профессиональных сообществ) нередко склонно было видеть в отсутствии или недостатках законодательной базы. На те же недостатки обычно ссылались и представители исполнительной власти, по большей части игнорируя в то же время действовавшие законы.

Так, все минимально необходимые для развития систем образования и науки законодательные решения были приняты еще в 1990-1996 гг., причем на уровне как парламентской, так и президентской ветвей власти. Однако они и не исполнялись, и не отменялись. Постоянно провозглашая приверженность правовому государству, исполнительная власть делала вид, что законы для нее не писаны, либо объявляла эти законы «популистскими», «неисполнимыми», «некачественными» и т.п. Сказанное относится, прежде всего, к большинству норм и

нормативов финансового характера, а также норм социозащитного характера в отношении обучающихся и работников обеих систем[33].

Возвращаясь к предыдущему парадоксу, стоит заметить, что ФЗ № 122 разрушил одновременно и социальные, и общедемократические (либерально-демократические) основы образовательного законодательства и законодательства в области науки. В результате его принятия из соответствующих законов были «вычищены» нормы не только «защитного» характера, но и положения, гарантировавшие академические свободы участникам образовательного процесса и экономические свободы образовательным учреждениям и научным организациям. Логика авторов закона оказалась не социальной, не либеральной и даже не бюрократической в смысле веберовской «рациональной бюрократии». Эта логика знаменует «реинкарнацию» бюрократии азиатской и отражает процесс «негативной конвергенции», т.е. объединения пороков (вместо достоинств) основных общественных систем XX в. (бюрократического социализма и, первоначального, но не менее бюрократического, капитализма).

Итак, спустя почти 15 лет постсоветской истории парадокс сочетания юридического фетишизма с юридическим нигилизмом ушел в прошлое, однако образовательная и научно-инновационная политика от этого не выиграли: курс на понижение (или, в лучшем случае, торможение развития) уровня человеческого потенциала отныне проводится в стране не вопреки закону, но на законном основании.

Парадокс 7: Консерватизм как фактор модернизации.

В результате реализации принципов радикального экономического детерминизма во внутренней политике государства в постсоветский период российская наука и система образования оказались в более тяжелом финансово-экономическом положении, чем многие отрасли экономики и социальные институты. Однако уровень их деструкции значительно меньше, а эффективность – существенно выше по сравнению с аналогичными социальными системами. В свое время это было признано такими организациями, как Мировой банк, специалисты которого в 1994 г. отмечали более высокий в среднем уровень знаний российских школьников в области естествознания и математики, чем во многих государствах организации экономического сотрудничества и развития, а также ЮНЕСКО, под эгидой которой на базе российских вузов выполнялся целый ряд международных проектов в рамках всемирного десятилетия образования.

В этой связи вполне обоснованным представляется следующий тезис: помимо исходного высокого уровня в советский период, помимо специфической мотивации и исключительного чувства ответственности ученых и педагогических работников, сформированного, в частности, «полутрадиционной» авторитарной советской общественной системой, именно инерционность, консерватизм данных социальных институтов, обеспечивая сохранение духовного потенциала нации, оставляет России шансы на модернизацию в будущем. Напротив, радикальная революционная ломка образовательных и научных институтов привела бы к безнадежному отставанию от наиболее передовых стран. Видимо, отечественная образовательная и научно-инновационная политика – это тот редкий случай, когда справедливой оказывается формула Франца Иозефа Штрауса: быть консерватором – значит маршировать во главе прогресса!

Рецензент: О.В. Волох,
д-р полит. наук, профессор ОГИ

[33] Ситуация изменилась лишь в начале XXI в. с появлением в третьей Госдуме достаточно прочного проправительственного большинства (так называемая «большая четверка», включавшая фракции «Единство», «Отечество – вся Россия», депутатские группы «Народный депутат» и «Российские регионы», а также по обыкновению примыкавшую к правительственному блоку фракцию ЛДПР). В этот период исполнительная власть могла уже позволить себе в значительной степени отказаться от юридического нигилизма, введя практику ежегодного приостановления всех предусмотренных законами, но не финансируемых, социальных обязательств при принятии федерального закона о федеральном бюджете на очередной год. Однако лишь вступление в силу ФЗ № 122 от 22.08.2004 придало действиям федерального правительства легальный характер, разумеется, не путем поэтапного исполнения действовавших законов, но посредством их отмены.

УДК 32.001

В.Ф. ШРЕЙДЕР,
д-р полит. наук, мэр г. Омска

ОСНОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ФОРМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ

Автор рассматривает процесс формирования понятия «элита». Переход от правящей элиты к партийной элите. Формирование новой элиты в постсоветский период. А также политические институты и фактическую власть в современной России.

Элита. Правящая элита. Партийная элита. Политическая элита.

Basis of the Russian form of political elite

The author examines the process of formation the understanding of elite. The transition from ruling elite to the party elite. The formation of the new elite, during the post Soviet period. And also political institutes and actual authority in modern Russia.

Elite. Ruling elite. Party elite. Political elite.

Становление государственности любого типа сопровождается делением населения на меньшинство и большинство. Термин «меньшинство» в политической науке (политической социологии, политологии и др.) трактуется по-разному: аристократия, управляющее или господствующее меньшинство, олигархическое или корпоративное, бюрократическое, партократическое и даже демократическое правление немногих. Меньшинством называют также властвующую или правящую элиту.

Понятие «элита» тоже многозначно. Классические формулировки принадлежат Г. Моске и В. Парето [1]. М. Острогорский и Р. Михельс дополнили теорию правящей элиты теорией партийной элиты [2]. Они доказывали, что организация политических партий далека от демократических настроений политиков и теоретиков народовластия.

Если для классиков элитаризма свойственно четкое противопоставление правящего меньшинства и остальной массы, то последующие исследователи (представители неоэлитарного направления и особенно приверженцы плюралистической концепции элит) смягчают и даже частично снимают это противопоставление при рассмотрении западных демократий, хотя и для них представление о неизбежности и необходимости правления меньшинства остается естественным. Так, Г. Лассуэлл, находясь на более либеральных позициях, нежели Моска, Парето, Острогорский, Михельс, обращает внимание прежде всего на вопрос открытости элиты, вставая в оппозицию к представлению о позитивности гарнизонного государства, однако и им элита определяется как небольшая группа людей, обладающих наибольшей властью. Или же Р. Арон к элитарному слою относит всех людей, находящихся на самых высоких ступенях иерархии в различных сферах общества и занимающих наиболее привилегированные позиции по уровню престижа и богатства. Словосочетанием «политический класс», по мнению Арона, правильнее обозначать «узкое меньшинство», реально выполняющее функции общего управления или руководства. Другими словами, при таком взгляде термин «правящий класс» находится между понятиями «элита» и «политический класс». Поскольку он включает в себя те привилегированные меньшинства, которые либо в силу своего морального авторитета, либо благодаря обладанию экономической или финансовой властью, не выполняя непосредственно политических функций, оказывают влияние как на тех субъектов, кто управляет, так и на тех, кто подчиняется [3].

Современная «западная» и российская социологическая и политологическая наука нередко указывает на то, что элитистскими теориями наиболее точно описываются традиционные или авторитарные и тоталитарные режимы. Именно в этих случаях обнаруживается их существенный эвристический потенциал. «Многие различия между элитистскими концепциями и плюралистическими трактовками сводятся как раз к вопросу о степени открытости этих групп, их связи с массами, их положению в системе распределения власти. Плюралисты во многом

основывают свои построения на концепциях «групп интересов» и «групп давления» (Артур Бентли, Дэвид Трумен, Нельсон Полсби) или «групп вето» (Дэвид Рисмен). Значительное распространение получила и концепция полиархии Роберта Даля, строящаяся на аналогичных принципах» [4]. Существующее на сегодняшний день многообразие определений понятия «элиты» позволяет выделить две группы: меритократические и властные (ценностные и стуктурно-функциональные, меритократические и альтиметрические).

Отечественная политическая наука при исследовании современного изменяющегося российского общества использует понятие «политическая элита» в применении не к начальному периоду преобразований. Сущность правящего слоя в этот момент наиболее адекватно определяется понятиями «бюрократия», «политбюрократия», «новый класс», «правящий класс», «господствующий класс», «лидерство» и др. В 90-е годы, время видоизменения правящего слоя, на это отреагировала и политическая наука, в которой постепенно происходило замещение понятием «элита» прежних наименований партбюрократии.

При помощи нового понятия ныне в отечественной политической науке властные отношения в российском обществе объясняются как в историческом, так и в современном их аспектах. Например, О.В. Гаман-Голутвина рассмотрела правящий класс России от боярства до советской номенклатуры через призму элиты. Она определяет элиту как категорию лиц, обладающих властью вне зависимости от того, какие факторы обусловили вхождение во власть – происхождение, состояние или заслуги [5]. В современном российском контексте используются самые различные понятия «элиты» – «экономическая элита», «политическая элита», «национальная элита», «бизнес-элита», «контрэлита», «околоэлитное окружение» и др. [6].

Однако меритократическое толкование политической элиты применительно к дореволюционной, советской и в определенном значении постсоветской России не всегда корректно, хотя сама постановка вопроса элитарности различных иерархических элементов общества и ее форм, включая политические структуры, вполне обоснована.

Проблема заключается в том, что в дореволюционной (1917) и постреволюционной России элита представляла собой преимущественно верхнюю и среднюю часть военно-государственной, а в СССР – партийной, государственной и хозяйственной бюрократии на различных уровнях. В политической системе этих эпох обнаруживается нечеткость границ между политической элитой и бюрократией. Элитарность других групп людей в различных видах деятельности по отношению к политической элите была еще более размыта, особенно это относится к сталинскому периоду.

Политической элитой, несмотря на множество интерпретаций, можно назвать небольшую группу людей, которые занимают определяющие позиции в сфере государственной власти и доминируют на этой основе над большинством народа. Или несколько иначе, «политическая элита – это внутренне сплоченное сообщество лиц, являющихся субъектом подготовки и принятия важнейших стратегических решений и обладающих необходимым для этого ресурсным потенциалом» [7].

Поскольку на современном этапе российской жизни элита формируется в процессе так называемого второго этапа приватизации из новономенклатурных образований и старой советской номенклатуры ленинско-сталинского времени и постсталинской эпохи, то ее анализ невозможен без содержательного взаимопроникновения и взаимодополнения ряда понятий, а именно: понятий элиты, класса, бюрократии, так как последние два точнее позволяют сформулировать те концепции, в рамках которых исследуется номенклатура, называемая политбюрократией, т.е. правящая или политическая элита советского общества. Другими словами, невозможно рассмотрение феномена номенклатуры исходя из какого-либо одного понятия. Каждый термин фиксирует лишь отдельные стороны организации, механизма функционирования, тенденций развития и трансформаций номенклатуры [8]. Недооценка этого привела, например, А.И. Фурсова к отказу по отношению к разным периодам в эволюции советского общества от таких основополагающих понятий как политика, класс, бюрократия, партократия и др. Все типы систем советской формы он описывает, используя один и тот же термин – «кратократия» (власть власти).

Советский и нынешний строй, облачившийся в одежды российской государственности, является хорошей иллюстрацией «известной» схемы эволюции любого режима. Правящий класс, как было обозначено выше, поочередно выступает то как «класс в себе» в ленинско-сталинскую эпоху, то как «класс для себя» в период бюрократического либерализма, то как «класс для других» в период перестройки и капитализации, но так же в бюрократическом измерении.

В деятельности правящей номенклатуры с ее «клиентально-патримониальной иерархией» в период советского режима время от времени происходило смещение акцентов либо в сторону упрочения данной иерархии, либо в направлении постепенного ее смягчения, когда видоизменялись как сама структура, статусное положение, интересы, так и формальные процедуры, и приемы политбюрократической системы правления.

В конце 80-х годов номенклатурная система формирования политбюрократической элиты была преобразована в самих своих основах. То есть при сохранении административных элитных позиций произошла, однако, их значительная трансформация, что связано в первую очередь с ликвидацией в 1991 г. политики и аппарата КПСС как части государства. Эти изменения и создали возможности для замещения элитных позиций претендентами в результате более открытой конкурентной борьбы, нередко хаотичной, поскольку специфически «формализованные» советские процедуры были упразднены или видоизменены.

Отличительную особенность протекающего ныне процесса трансформации советской номенклатуры можно определить как попытку перехода из «класса для себя» в постсоветский вариант «класса для других», т. е. класса, способного мобилизоваться для борьбы за свои групповые интересы на основе определенной стратегии, «коллективной или массовой стратегии».

Причем эта элита не только характеризуется преемственностью внутри номенклатуры, но она состоит из представителей прежней политбюрократии и новой собственности [9], образующих социальные группы, в значительной степени криминальные по своей сущности. Либеральная демократизация [10] и приватизация, произведенные «классом для других», на российском социальном пространстве явили беспрецедентный в мировой истории, организованный государственной властью способ изъятия народного достояния. Достаточно лишь таких примеров: 500 крупнейших российских предприятий с реальной стоимостью 200 млрд долларов были проданы всего за 7,2 млрд долларов. По подсчетам аналитического центра РАН 55% капитала и 80% голосующих акций при приватизации перешли в руки отечественного и иностранного криминального капитала [11].

Несколько обновленный правящий класс и сохранил власть, и приобрел собственность на легальных началах, став основным субъектом масштабного перераспределения в частное и акционированное владение народно-государственной собственности между основными, входящими в него кланами и картелями. Как следствие, во главе олигархической политической системы [12] в России оказались группы корпоративных интересов [13]. Соответственно массовые интересы по-прежнему плохо выражены и не имеют адекватной политической репрезентации [14].

В данном осмыслении современного социально-политического процесса все еще можно сказать, что российская национальная буржуазия не развилась до корпоративной организации. Имеет место значительное количество предпринимательских объединений, но они являются в основном частями «приятельских», «семейных», «клановых», а не союзами, которые представляют интересы этих объединений.

Наиболее заметным социальным эффектом неолиберальных рыночных реформ 90-х годов «по-российски» явилась капитализация и одновременно феодализация [15] номенклатурных по происхождению правящих групп, что способствовало дальнейшему развитию патримониального бюрократического капитализма. Клиентарно-олигархический способ включения во власть представителей деловых кругов воспроизвел и закрепил патримониально-бюрократический и монополистически-олигархический характер российской экономики (начало XXI века лишь незначительно изменило эту ситуацию).

Исследуя итоги выборов (2003), обществоведы говорят об основной роли бюрократии в социально-политическом процессе России. Современный политический режим, как и в 90-е годы XX века, воспроизводится различными понятиями в качестве системы или отдельных составляющих ее элементов – бюрократический авторитаризм, бюрократическая дума, бюрократический капитализм и др. [16]. По мнению большинства граждан российского общества, капитализация в нашей стране приняла криминально-чиновничий характер [17].

Мнение респондентов о том, кто в первую очередь выиграл в результате приватизации государственной собственности (процент от числа опрошенных по годам)

Категории населения	Авг. 1992	Янв. 1995	Авг. 1997	Нояб. 1999	Май 2000	Дек. 2000	Дек. 2002	Окт. 2003
Теневые дельцы	35	53	53	68	52	40	51	48
Работники управления / чиновники, управленцы	16	15	36	42	33	39	42	41
Демократы, новая номенклатура	23	21	42	41	27	25	29	24
Предприниматели	-	14	22	32	18	19	19	21
Партократы, старая номенклатура	15	10	22	32	23	17	19	18
Мафия вне России	14	11	20	33	16	16	16	16
Представители иностранного капитала	7	5	22	37	15	19	18	12
Работники торговли	12	2	10	20	-	10	10	5
Я и моя семья	-	1	2	4	4	4	3	4
Выиграет все общество	9	1	3		2	4	3	3
Интеллигенция, служащие	1	0	1	2	1	1	1	1
Представители других стран СНГ	1	1	5	5	1	1	1	1
Трудовые коллективы	3	1	2	4	2	2	2	1
Рабочие, крестьяне	1	0	1	0,5	1	0	1	0
Кооператоры	8	-	-	-	-	-	-	-
Затрудняюсь ответить	18	19	14	9	18	17	12	13

Российская олигархия (социальная, экономическая и политическая) – явление особого рода... «Строго говоря, олигархия – это определенный (наряду с другими) способ управления крупными организациями, основанной на власти как экспертизе, но не как богатстве. Что же касается олигархических начал российского посткоммунистического устройства, то они, скорее, возвращают нас к античному (в российском измерении – удельному времени) пониманию плутократии как режима, при котором власть и привилегии основываются на богатстве. Интересы собственности и собственной материальной выгоды, а не организация власти как таковая – вот что главное в российском нынешнем плутократическом режиме, при котором не только богатство производит власть, но и власть сама порождает богатство для приобщенных к ней» [18]. Следствием такого типа демократизации и приватизации стало то, что новые российские элитные группы выступают преимущественно в двух формах: компрадорской буржуазии («новые русские») и «новой администрации» (превращенной

формы советской бюрократии). Новые бюрократы по своей внутренней сущности значительно отличаются от советской политбюрократии, поскольку они «обуржуазились», превратив должностное место в частную собственность.

Российская действительность как в 90-е годы XX века, так и в начале XXI века демонстрирует парадоксальные социальные явления политического процесса. Поскольку трансформация номенклатурной системы привела не к укреплению служебной специализации, подтверждаемой квалификации, иерархии, твердому жалованью, обезличенным правилам служебной деятельности и карьеры (Вебер), не к установлению разветвленной системы публичного контроля (парламентского, финансового, собственно административного, информационного и т.д.) над бюрократическим аппаратом. Она привела лишь к демократизации административной среды. Иначе говоря, произошло сближение методов деятельности государственного аппарата и частного менеджмента. Однако это произошло не в форме «проверка на рынке» и «служба, ориентированная на клиента», т.е. служба, способная обеспечить естественные в современном смысле «индустриальные» материальные свободы и формы «постиндустриальных», постматериальных ценностей для так называемого среднего класса и остальных классов или слоев общества.

Несмотря на то, что современные, наиболее влиятельные группы выступают в таких формах, как «новая бюрократия» [19], «новые политики» и «новые русские», между ними создана в определенном смысле устойчивая связь, которая напоминает треугольник. В социально-политическом значении этим группам в настоящем обеспечивается информационная и общественная поддержка. Жизнь подтверждает, что треугольная форма взаимоотношений, где каждая вершина выполняет свою функцию, является наиболее устойчивой. Одну составляющую этого треугольника представляют патроны, т.е. государственные лица (политики), которые могут распределять финансы или обеспечить политическую поддержку другим субъектам социальных отношений. Вторая вершина – руководители финансовых, коммерческих, производственных структур, которые представляют частные и корпоративные интересы. Третий элемент треугольника – институты, осуществляющие функцию мобилизации и поддержки реализующейся политики, что важно в любых условиях развития общества, а тем более при смене руководства.

Является естественным и то, что наиболее мощные группы интересов являются фактической властью. Они не только оказывают давление, но и контролируют финансы, кадры, прессу, процесс принятия решений наряду с властью формальной – политическими институтами и их стратегами в традиционном понимании – лицами, принимающими решения, но в реальности нередко представляющими и озвучивающими власть, обсуждающими, согласовывающими и легитимирующими уже принятые решения. Характер деятельности субъектов, формальных и реальных, в процессе принятия политических решений определяется такими факторами, как система распределения властных полномочий; развитость институтов представительства интересов; политическая культура, присущая данному обществу; наличие определенных традиций и ценностей; правовая база, регулирующая процесс принятия решений.

«При определении роли и значения первых (формальных участников) необходим точный анализ устройства политических институтов и процедур принятия решений, тогда как для идентификации второй группы (реальных участников) больше подходит анализ исторической и национальной традиции, политической, экономической и социальной сред, развития конкретной политической ситуации» [20].

Вне зависимости от конфигурации элит, различающихся по своим функциональным позициям, – политическая, экономическая или идеологическая, – все они участники распределения или перераспределения функций, статусов и ролей между элитами и бюрократией в процессе перехода нашего общества из одного состояния в другое. Результатом этого процесса явилось преобразование советской формы правящего класса. Однако и при наличии названной треугольной плюралистической структуры элитных отношений настоящее состояние российского общества все еще следует определять по формуле «неустойчивого равновесия» [21].

Следует признать, что первые («настоящие») действия российского президента В.В. Путина и его администрации говорят о том, что политический (властный) маятник переместился из точки дезинтеграции. Он пошел в противоположном направлении, начался новый этап большей упорядоченности и централизации власти и управления. Однако попытки президента объединить страну (по-прежнему живущую «по понятиям») вокруг идеи порядка и диктатуры закона опираются главным образом на административные ресурсы, которые не всегда продуктивны [22].

Также совершенно очевидна проявившаяся в 90-е годы тенденция ослабления управления из-за его демократизации, что в определенной степени не обеспечивает устойчивость общества. Поэтому на сегодня немного оснований говорить о существовании в России меритократической правящей элиты («класса для других») – в наличии лишь более или менее стабильная группа, обладающая наибольшей властью.

Современный правящий слой вполне можно назвать *постноменклатурным патронатом* (с определенной долей условности). Этот термин отражает имеющийся тип господства в его генезисе и развитии. Произошла приватизация социальной силы распавшейся номенклатуры. Осуществлено частное присвоение средств и ресурсов власти, еще в существенной мере синкретичной, не разделенной на политическую и экономическую составляющие (и одновременно разделенной). Названное понятие указывает на элементы патримониального характера российской власти в качестве социальной нормы, постоянно воспроизводимой в системе отношений управляющих и управляемых, а также во взаимодействии властвующих институтов. Кроме того, в категории «постноменклатурный патронат» указаны наиболее действенные средства господства и обмена властными ресурсами – это патрон-клиентные отношения, частные (властные) консенсусы защиты и поддержки. На этапе все еще институциональной неопределенности личные связи и клиентарно-организованные социальные сети дополняют дефицит государственной власти. Одновременно патрон-клиентные отношения, пронизывая деятельность государственных и общественных институтов, не способствуют публичному (от имени народа и для народа) положению этих образований, лишают их гражданского правового содержания [23].

Об отсутствии «настоящей» российской элиты говорит то, что нет общеобязательных правил замещения элитарных слоев, нет четкого разделения элит по сферам деятельности, а также нет, и все еще (начало XXI века), определенной стабильности в обществе, – этого решающего фактора. Другими словами, формально есть все, что требуется с точки зрения либеральной теории для формирования меритократии (свободные выборы и т.д.). Но система власти и управления обществом далека от решения своей главной задачи – не поддерживает равновесия между интересами личности и общества, общества и государства, между требованиями порядка и стремлением к свободе.

Вместе с тем быстрые изменения системы формальных экономических и политических институтов запустили один из основных трансформационных процессов – социально-экономическую адаптацию. Даже в искаженной форме рыночные механизмы создали систему определенной ответственности хозяйствующих субъектов за результаты своей деятельности. В нашей стране идет процесс массовой выработки и усвоения моделей социально-экономической деятельности, в той или иной мере соответствующих сложившейся системе формальных институтов и неформальных отношений. Однако для адаптации примерно половины граждан России необходимы значительные изменения в функционировании формальных и неформальных институтов [24].

Библиографический список

1. **Гельман, В. Я.** Сильная исполнительная власть : президент и его правительство / В.Я. Гельман. // Политическая социология и современная российская политика. – СПб., 2000. – С. 211.

2. **Mosca, G.** The Ruling Class / G. Mosca. // The Logic of Social Hierarchies. – Chicago, 1971. – P. 252 ; **Pare, H. V.** Elites and Their Circulation / H. V. Pare. // Structured Social Inequality : A Reader In Comparative Social Stratifica : y – New York, 1969. – P. 35.

3. **Артемов, Г. П.** Политическая социология / Г.П. Артемов. – СПб., 200. – С. 156.

4. **Aron, R.** Social Class, Political Class, Ruling Class / R. Aron. // Class, Status, and Power. – L, 1967. – P. 204.

5. **Барзилов, С. И.** Провинция : элита, номенклатура, интеллигенция / С.И. Барзилов, А.Г. Чернышев. // «Свободная мысль». – 1996. – № 1 ; **Афанасьев, М. Н.** Правящие элиты и государственность посттоталитарной России / М.Н. Афанасьев. – М., 1996.

6. **Гаман-Гопутвина, О. В.** Правящие элиты России / О.В. Гаман-Гопутвина. – М., 1998.

7. **Афанасьев, М. Н.** Правящие элиты и государственность посттоталитарной России / М.Н. Афанасьев. – Воронеж, 1996 ; **Титов, В. Н.** Политическая элита и проблемы политики / В.Н. Титов. // Социс. – 1998. – № 7. ; Региональные элиты Северо-Запада России : политические и экономические ориентации / под ред. А.В. Дуки. – СПб., 2001. – С. 13-27.

8. **Гаман-Гопутвина, О. В.** Российские партии на выборах : картель «хватай всех» / О.В. Гаман-Гопутвина. // Полис. – 2004. – № 2. – С. 7.

9. **Ильин, В.** Государство и социальная стратификация советского и постсоветских обществ 1917-1996 гг. : опыт конструктивистско-структуралистского анализа / В. Ильин. – Сыктывкар, 1996. – С. 125. ; **Куколев, И. В.** Трансформация политических элит в России / И.В. Куколев. // «Общественные науки и современность». – 1997. – № 4. – С. 85-86 ; **Слепцов, Н. С.** Лидеры российских регионов : испытания плебисцитом / Н.С. Слепцов, И.В. Куколев, Т.М. Рысакова. // Социс. – 1988. – № 7. – С. 118-128 ; **Крыштановская, О. В.** Формирование региональной элиты : принципы и механизмы / О.В. Крыштановская. // Социс. – 2003. – № 11. – С. 5 ; **Гаман-Голутвина, О. В.** Там же // Полис. – 2004. – № 2. – С. 16-17.

10. Несмотря на то, что в России «богатые люди есть, класс капиталистов едва ли появился». См.: **Уайт, С.** Еще раз о посткоммунистической транзиции / С. Уайт. // Социс. – 2003. – № 11. – С. 24.

11. Под понятиями «либеральная демократизация», «демократизация административной среды», «самоуправление», «сетевые отношения» и т.д. «по-российски», автор воспроизводит те отношения в структурах власти, когда бюрократия занимается тем, что определяет сама эта структура. И чаще всего для себя, а не функционирует в рамках «формы» или инструкции «сверху» и, как следствие, происходит снижение эффективности управления.

12. **Руткевич, М. Н.** Трансформация социальной структуры российского общества / М.Н. Руткевич. // Социологические исследования. – 1997. – № 7. – С. 4.

13. **Крыштановская, О. В.** Трансформация бизнес-элиты России : 1998-2002 / О.В. Крыштановская. // Социс. – 2002. – № 8.

14. Ф. Шмиттер определяет государственный корпоративизм так: «Ограниченное число принудительных, иерархически ранжированных и функционально дифференцированных групп монополизируют представительство общественных интересов перед государством в обмен на то, чтобы государство само отбирало их лидеров и формулировало их требования и позиции». **Шмиттер, Ф.** Неокорпоративизм / Ф. Шмиттер. // Полис. – 1997. – № 2. См. так же : **Клепач, А.** Корпоративное управление в России / А. Клепач. // Вопросы экономики. – 1997. – № 12. ; **Перегудов, С. П.** Новый российский корпоративизм : от бюрократического к олигархическому. / С.П. Перегрудов. – М., 1988. ; **Перегудов, С. П.** Крупная российская корпорация в системе власти / С.П. Перегрудов. // Полис. – 2001. – № 3. ; **Перегудов, С. П.** Корпорации, общество, государство : эволюция отношений. / С.П. Перегрудов. – М., 2003. – С. 254.

15. **Мельвиль, А. Ю.** Демократические транзиты, транзитологические теории / А.Ю. Мельвиль. // Политическая наука в России : Интеллектуальный поиск и реальность. – М., 2000. – С. 361. См. так же: **Перегудов, С. П.** Корпоративный капитал в российской экономике / С.П. Перегрудов. // Полис. – 2000. – № 4 ; **Дилигенский, Г. Г.** К проблеме

социального актора в России / Г.Г. Дилигенский. // Куда идет Россия? Власть, общество, личность. – 2000. ; Международный симпозиум 17-18 января 2000 г. – М., 2000.

16. **Гуторов, В. А.** Гражданское общество : эволюция практической философии и современная реальность / В.А. Гуторов. // Стратегия формирования гражданского общества в России. – СПбГУ, 2002. – С. 67-68.

17. **Холодковский, К. Г.** Бюрократическая Дума / К.Г. Холодковский. // Полис. – 2004. – № 1. – С. 11. ; **Шевцова, Л. Ф.** Смена режима или Системы? / Л.Ф. Шевцова. // Полис. – 2004. – № 1. – С. 49 ; **Лукин, А. В.** Диктатура и жизнь / А.В. Лукин. // Полис. – 2004. – № 1. – С. 16. ; **Шевцова, Л. Ф.** Как Россия не справилась с демократией : логика политического отката / Л.Ф. Шевцова. // Pro et Contra, 2004. – С. 40.

18. **Левашов, В. К.** Морально-политическая консолидация российского общества в условиях неолиберальных трансформаций / В.К. Левашов. // Полис. – 2004. – № 7. – С. 36.

19. **Петухов, В. В.** Новые поля социальной напряженности / В.В. Петухов. // Социс.– 2004. – № 3. – С. 30. Также см.: **Тихонова, Н. Е.** Особенности дифференциации и самооценки статуса в полярных слоях населения / Н.Е. Тихонова. // Социс. – 2004. – № 3. – С. 22 ; **Давыдова, Н. М.** Материально-имущественные характеристики и качество жизни богатых и бедных / Н.М. Давыдова, Н.Н. Седова. // Социс. – 2004. – № 3. – С. 40-50.

20. «Новая бюрократия» не является однородной. Российская административная система включает в себя, по меньшей мере, две организационные подсистемы или две группы институтов бюрократической рутинизации. Первая группа институтов – это «рациональная» административная подсистема. Она основана на конституционном договоре, является его результатом и отвечает за такие направления: управление государственным имуществом, фондовым рынком, разработка налоговой политики, страховой и банковский надзор, антимонопольное регулирование и др. Вместе с тем в нашей стране продолжает существовать часть прежней патримониальной бюрократической структуры или подсистемы. Эти подсистемы не только существуют, но и конкурируют между собой за доступ к ресурсам. «Значительная гетерогенность российского общества обеспечивает различную конфигурацию данных подсистем в различных регионах страны, а также на федеральном уровне, уровне субъекта федерации и уровне местного самоуправления». **Кузнеченков, М. О.** Административное управление в современной России : опыт неоинституционального анализа / М.О. Кузнеченков. // Вестник КРАГСиУ. – 2000. – № 2. – С. 78-79.

21. **Шаулова, Т. В.** Субъекты права законодательной инициативы и их роль в процессе принятия решений / Т.В. Шаулова. // Политические процессы в России : институциональный, идеологический и поведенческий аспекты. – СПб., 2001. – С. 83.

22. **Согрин, В.** Там же. – С. 163-168.

23. **Ачкасов, В. А.** Региональная идентичность в российском политическом пространстве / В.А. Ачкасов. // Политические процессы в России : институциональный, идеологический и поведенческий аспекты. – СПб., 2001. – С. 106.

24. **Афанасьев, М.** Испытывая политические институты / М. Афанасьев. // Преобразования в России. – М., 1999. – С. 92.

Рецензент: Н.К. Поздняков,
доктор филос. наук, проф. ОГИ

УДК 32.001

А.В. ГОЛЕВ,
аспирант ОГИ, зам. мэра Омска

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Автор предпринимает попытку создания характеристики понятия «общественное мнение». Рассматривает особенности общественного мнения советского периода, развития социологии в период перестройки, развитие общественного мнения в демократических странах Запада. А также на примере выборных кампаний изучает коллизии формирования общественного мнения в г. Омске.

Социология. Общественное мнение.

Sociopolitical phenomenon of public opinion

The author makes an attempt to create the characteristic of conceptions the term " public opinion". He examines the features of public opinion in the Soviet period, development of sociology during reorganization, development of public opinion in the democratic countries of the West. And also, on the example of elective campaigns, studies collisions of public opinion formation in Omsk.

Sociology. Public opinion.

Общественное мнение – глубокое историческое явление, и его рассмотрение восходит к античной философии. Протагор определял наблюдаемый социальный феномен – «общественное мнение» – как мнение большинства. Согласно Платону, «публичное мнение может высказывать только аристократия». В дальнейшем направления анализа публичных, открыто наблюдаемых позиций и поведения находят отражение в развитии социально-философской мысли [1, с. 663].

В формационном синтезе изучение общественного мнения представляет интерес по отношению к социально-политическим системам XX века. В тоталитарном обществе происходит его сопряжение с массовым сознанием как скрытыми позициями общностей в оценках политических проблем и фактов реальной действительности. Общественное мнение – гамма социальных настроений в экспрессивной и человечески – прогнозной формах. Функциональная зависимость личности от доминирующих в социуме мнений состояла в том, что властью был «приготовлен совет» для вынесения конкретных общественно-политических суждений. В результате получала развитие регулярность согласования поведения индивидов, групп и слоев населения. В детальном смысле общественное мнение выражалось в оценочных, императивных, аналитических и конструктивных суждениях позитивного и негативного характера [2, с. 198]. Его предметная область распространялась на сферы социальной жизнедеятельности, сообразно общественному прогрессу в нее вовлекались наиболее актуальные события (неслучайно фундаментальное исследование Б.А. Грушана озаглавлено – «Мир мнений и мнения о мире»). Постепенно в поле зрения общественного мнения попадают явления, имеющие универсальный социально-человеческий интерес и допускающие дискуссионное звучание. Номинально его субъектами являются ведущие силы социального развития, хотя к мнению большинства, власть не прислушивается, даже если «знаком» отношения является одобрение.

Общественное мнение советского периода отличается монистичностью и заключает «корневое» начало поддержки мероприятий социально-политической жизни. Отсюда – акции всенародного энтузиазма, демонстрационного проявления положительных эмоций и чувств, единения и массового единодушия относительно текущих проблем общественной жизни. Разумеется, разнообразие и дифференциация мнений существовала, но о необходимой плюрализации ни одна из активно действующих групп вопроса не поднимала. Социальная логика «борьбы» и «столкновения» установок и оценок сводилась достижению

межролевого взаимопонимания, повышения степени согласия и примирения. Эти цели были всецело подчинены задачи партийно-политической пропаганды, реализуемой через выступления в прессе, на телевидении, непосредственно перед народом, в том числе на собраниях в коллективах.

Вместе с тем существование авторитарно-тоталитарного режима приводило к тому, что центры власти и общественного мнения все больше расходились между собой. На одном полюсе находилась официальная пропаганда, на другом – массовое общественное сознание. Поскольку трансформация социалистической системы имела негативный характер, институциональные средства выражения общественного мнения неадекватно отражали действительную жизнь людей. Реальные оценки и суждения в возрастающей степени проникали в «земные поры» социально-человеческих взаимосвязей и соответственно отдалялись от провозглашаемых курсов политики. В этом отношении феномен общественного мнения сопрягался с формами общественного сознания в конкретных формах неприятия политических, правовых, моральных, художественно-эстетических норм и критериев. Ложные и иллюзорные представления были свойственны наиболее идеологизированным и малопросвещенным слоям населения, в то время интеллигенция и ее различные группы в значительной степени оказывались «инакомыслящими». Спорадически провозглашаемые меры по демократизации общественной жизни не получили реального распространения, в частности, не допускались открытые выступления против социализма в печати, дискуссиях, в политических манифестациях. Если западная политическая система напоминала широкую арену столкновения мнений, в том числе в формах массовых и организованных акциях оппозиции, в условиях коммунистического режима действовало законодательство об антисоветской пропаганде и агитации. Лишь в приближении исторической перспективы преобразований, непосредственно в условиях горбачевской перестройки можно было говорить об общественном мнении как важнейшем элементе социального управления и основании принятия политических решений.

Определенным фактором развития этих процессов является отечественная социологическая мысль. Предметом ее анализа становится функциональная активность групп населения по отношению к аспектам жизни социума. Гарантом становления социологии как науки являлось не только расширение прав и свобод граждан, но и исследовательская активность ученых, их научное сотрудничество с представителями мировой ассоциации социологов. Так, впервые был поставлен вопрос о качестве, т.е. полноте выражения общественного мнения, количественных характеристиках учета и контроля гражданских мнений и позиций. Общественное мнение постепенно формировалось как важный социальный институт и социальная технология, хотя по-прежнему соотносилось с историческим процессом продвижения социализма к высшей стадии своего развития.

Наряду с этим были активизированы органы управления, которые поставили вопрос о применении результатов исследования общественного мнения в практике руководства социальными процессами и людьми. Это были первоначальные попытки предвещания эры гласности, доступности информации, репрезентативных опросов, которые стали возможными только сообразно коренной трансформации социалистической системы. Именно период перестройки (1985–1990) выявил широкие возможности общественного мнения как средства политической социализации населения. В частности, происходила самоидентификация личности, предприятий, коллективов, профессиональных и творческих групп в их новых общественных статусах. Общественное мнение превращалось в форму социальной политики как действенного инструмента оптимизации функций образования, науки, просвещения, производства, модернизации политической системы. Их публичный характер превратил данную сферу в основу активизации человеческого фактора, средство выявления стратегических путей развития общества. В этом отношении ферментом общественного дискурса явились первые неформальные объединения, дискуссионные клубы, их выход на общественно-политическую авансцену заметно расшатал устои тоталитарной системы.

Эпоха гласности и принятия консенсусных решений завершила круг политической эволюции социализма.

В демократических странах Запада этот процесс развивался сообразно укреплению институтов гражданского общества. В одном случае общественное мнение понималось как «сила», «инструмент» вовлечения массовых оценок и суждений в область принятия политических решений. В другом случае за данным феноменом закреплялся статус привилегированной системы заключений, с помощью которой можно эффективно воздействовать на поведение людей. Демократическая форма правления допускает существование общественного мнения как свободной, полустихийной сферы оценочных позиций, спонтанных проявлений воли и чувств, соответственно неподконтрольных институтам власти. Вместе с тем область коллективного и группового поведения призвана поддерживать масштабные социально-экономические преобразования, стратегические курсы политики. Общественное мнение не самовыразительность толпы, скорее публики, в границах публичного сектора высказывания мнений. Неслучайно К. Манхейм отмечал относительную стабильность политической и экономической власти в ее зависимости от публики как «приверженца» фиксированных позиций. Понятие «публика», – подчеркивает К. Манхейм, – указывает на форму ассоциации людей, которая базируется не на жизненных интересах и предсказуемом поведении, но лишь на мнениях, а им обычно свойственна флуктуация». При этом они проявляются в «крайне резких формах и в большем диапазоне, чем это имеет место в социальной жизни, основанной на традиции». Иначе говоря, когда престиж конкретного события или лица становится устойчивым и признаваемым, общество подходит к «той исторической стадии развития, на которой мнение публики становится всемогущим» [3, с. 120]. В этом случае общественное мнение отличается от выступлений и поведения толпы как случайного скопления людей (соответственно отходит на второй план интерпретация массового поведения Г. Тардом). Можно утверждать, что публика в своей первоначальной оформленности является тонкой формой «толпообразного поведения»; в свою очередь, толпа является грубой формой выражения публичного мнения.

Среди современных воззрений на природу общественного мнения следует указать концепцию Н. Лумана, в которой не признаются субъекты общественного мнения. Так, на основе расширяющихся каналов коммуникации в социуме обнаруживает себя спектр гласно развиваемых точек зрения. Гражданское общество становится «внимательным» к дискурсивно обсуждаемым темам, «вслушивается» в сущность актуальных проблем, как бы фокусируется на определенной тематизации, которая является эффективным каналом учета мнений граждан. Получается, что отдельные индивиды, группы участия, подключающееся население становятся истинными выразителями общественных настроений, и «на глазах» у публики мы сталкиваемся с приверженцами оценочных позиций, разноречивостью мнений по поводу конкретного содержания [4].

Рассуждения Н. Лумана не противоречат развернутой концепции Ю. Хабермаса о «дискурсах общественности» и ее «коммуникативной власти». Основная мысль Ю. Хабермаса заключается в том, что следует расширить трактовки «сферы политического» и, в частности, общественности необходимо «самоопределиться». Это значит, что актуализируется степень легитимации политического процесса. Население становится мобильным, «радикально светским», отходит от своего пребывания в тени общественной жизни. Фактически рассуждения Ю. Хабермаса о народном суверенитете являются синонимичными проблемам развития общественного мнения. Но его независимость не может мыслиться «как нечто, воплощенное в гомогенном народе или нации». Гражданские позиции сохраняют спонтанный характер, вместе с тем синтетически отдельные заявления и высказывания, проистекающих из «автономной общественности», должна формировать целостную «коммуникативную власть» граждан.

Как проявление недемократических симптомов существует «самопрограммирующая замкнутая циркуляция административных структур». Так, сфера управления программирует «саму себя», хотя и руководствуется мнением избирателей. Но, в сущности, она не отправляется от

мнений, «которые проистекают из процессов спонтанного, не направляемого формирования общественного мнения» [5, с. 62, 68, 69]. В дано случае юридические нормы и условности осуществления власти лишают людей возможности увидеть результаты своих мнений и суждений. По этой причине следует поставить вопрос о том, каким образом образовать структуру, которая в состоянии обеспечить общественным силам способность «обращаться на самих себя». По мнению Ю. Хабермаса, коммуникативная практика должна стабилизировать собственное гражданское начало, формировать общественный дискурс для поддерживания реальной, «неискаженной, подлинной политической общественности». Данный модус поведения граждан – отнесенность к себе самим и соответственно воспроизводство социума в своей суверенной самоорганизации жизни. Для Ю. Хабермаса самое наипростейшее – создание сети ассоциаций как воплощение рассредоточенного до предела суверенитета в «головах ассоциированных членов». Но не в этом заключается задача освобождения личности от системы контроля власти. Необходимы «бессубъектные формы коммуникации», которые управляют «дискуссионным образованием мнений и воли», что создает возможность улавливать направленность «политического разума». В этом случае появляются культурно-мобилизованные объединения общественности. В коммуникативных потоках народный суверенитет образует реальную власть и принимает конкретный облик. Подобная власть, подчеркивает Ю. Хабермас, не имеет захватнических намерений, ее язык не является намерениями людей в «осажденной крепости». Она выдвигает императивы на основе доводов, с которыми административная власть обязана обращаться инструментально, т.е. учитывать в своей практической работе. Естественно, что это требует развития политической культуры, правильно понятой политической свободы как привычки, необходимой социализации убеждений людей. Невозможно формировать разумную политическую волю без встречного движения со стороны «рационализированного жизненного мира». Этнос демократии требует от граждан добродетельных побуждений, что является основой «переплетенного» взаимодействия государственно-гражданской морали и частных интересов индивидов [5, с. 73, 74].

Пафос социально-философских рассуждений Ю. Хабермаса направлен против исключения из общественной жизни самого «духа» общественного мнения. С этой точки зрения новым взглядом на проблему общественного сознания является понятие «спирали молчания», которое соотносится с позицией изоляции индивидов. Боязнь оказаться на периферии общественной жизни заставляет их позитивно раскручивать «спираль молчания» и постепенно входить в круг совместных действий граждан. Обстановка гласности исключает негативный смысл данного феномена, и люди привыкают к безбоязненному высказыванию своих мнений. В крайних случаях усиление политизации общественной жизни порождает феномен «деформации общественного мнения». В оценках деятельности политических партий М. Дюверже выделяет два вида искажения мнения граждан. В первом случае – наиболее существенном – имеет место разрыв между распределением голосов на выборах и фактическим характером общественного мнения. Количество проголосовавших избирателей не есть само общественное мнение, если учитывать число воздержавшихся, не принимающих участие в выборах и т.д. Деформация второй ступени подтверждается разрывом между процентом голосов и процентом мест в парламенте (как соотношение избирательного и парламентского весов). Только пропорциональная избирательная система значительно снижает подобное искажение (6, с.45).

На основе существенных характеристик общественного мнения выделим теоретические и эмпирические аспекты формирования в современном обществе. Теоретические аспекты показательны в следующих направлениях анализа:

- деформация общественного мнения как политико-философская проблема, обработанное и необработанное общественное мнение как результат партийной пропаганды и условий политического режима;
- общественные настроения избирателей, их структурный характер, политическое воспитание, доминирующие традиции, социальная ситуация и поведение электоральных групп;

- специфика избирательного процесса в раннедемократических системах или в условиях молодой демократии, взаимосвязь форм общественного сознания и общественного мнения;
- типы политических партий (демократические, авторитарные, олигархические), характер их воздействия на общественное мнение, соотношение избирательных и политических режимов;
- национализация и регионализация как тенденции развития общественного мнения, социальное единообразие (унификация) и демократический персонализм как формы его выражения;
- социальная феноменальность политических измерений, стихийный и планомерный характер формирования общественного мнения, его предметность для социального психоанализа;
- общественное мнение в границах номиналистского подхода (униноминальной системы), соотношение номинализма и реализма; индивидно-личностные и групповые предпочтения;
- локальные и глобальные ориентации общественного мнения, в постиндустриальном обществе, социальная география, социальное пространство и время как факторы его развития;
- феноменальность поляризаций общественного мнения, эволюционный характер парламентских измерений партий, дуалистический режим голосования (выражения мнения), равновесные системы партий, гармонизация политических соглашений;
- амплитуды противоречий общественного мнения, социальная реальность и пропаганда;
- оригинальное и стандартное в поведенческом облике политических партий, мотивы тяготения партий к тоталитарным, авторитарным, либеральным, демократическим ориентациям;
- социальная демагогия и экстремизация современной политики, консерватизм и радикализм;
- искусственные мотивы единства и плюрализация политической жизни, политическая свобода и политическая принудительность.

Эмпирические аспекты анализа общественного мнения:

- распределение голосов избирателей как выражение общественного мнения, сверхпредставительные партии и характер деформации социальных позиций;
- искажения представительства общественного мнения в многопартийной системе, неадекватность его феноменальности в мажоритарной системе;
- общественное мнение в условиях первого и второго туров голосования, влияние партийных альянсов;
- техника и тенденции деформации общественного мнения, сравнительный анализ мотивов голосования во времени и по субрегионам;
- конкретные воздействия политических партий на общественное мнение и тенденции модернизации партийно-политической системы.

Рассмотрим конкретные коллизии формирования общественного мнения на основе выборных кампаний в городе Омске. Избирательный процесс марта 2007 г. имеет ряд существенных отличий. Обусловлено это, в первую очередь, изменениями в законодательстве, которые привели к уменьшению размеров электоральных округов. Эти новшества внесли соответствующие коррективы в деятельность органов исполнительной власти при организации выборов. Впервые избрание депутатов в Законодательное собрание Омской области проводились по смешанной системе – политическим спискам партий и одномандатным округам. Как показывает практика, голосование по партийным спискам приводит к снижению интереса избирателей к политическому процессу, поскольку для большинства граждан их

представители в органах власти становятся «обезличенными». Так, они перестают понимать, каким образом могут влиять на депутатов и чьи интересы они выражают, соответственно, по этой причине теряют интерес к выборам и становятся индифферентными. Для того чтобы избежать падения политической активности, администрация города Омска разработала модель электорального поведения, которая стимулировала бы избирательность позиций граждан. Выбор объектов осуществлялся следующим образом. При подготовке к проведению избирательной кампании городская администрация акцентировала ставку на те силы в обществе, которые придерживаются конструктивной идеологии. Как известно, критическая повестка дня, атмосфера склочности и постоянных «схваток» в СМИ вредит выборной кампании, особенно если рассмотреть ее с точки зрения необходимости повышения активность избирателей в процессе выражения своих предпочтений посредством процедуры голосования. Скандальность и общий деструктивно-критический фон, как правило, снижают явку избирателей, в то время как перед органами власти стоит задача обеспечить жителям города возможность воспользоваться конституционным правом голосования.

В этом отношении администрация г. Омска приняла решение поддерживать деятельность общественных институтов, которые формируют повестку дня, позволяющую развивать деятельные позиции жителей и повышать их интерес к политике в целом. Предстояло сделать сложный выбор до начала кампании. К этому моменту наибольшим конструктивизмом отличалось региональное отделение партии «Единая Россия». Периодически проявляли себя представители оппозиции – исключительно для выражения своего протеста, в их пикетах обычно собиралось не более двух-трех десятков человек. Традиционалистская идеология левых политиков прямо противоречила целям и задачам повышения интереса к политическому процессу и активизации населения для участия в выборах. Остальные представители общественности еще за полгода до выборов особой активности не отличались.

Когда до выборов оставалось более четырех месяцев, в нашем городе впервые возникло общественное движение, суть которого позволяет жителям в полной мере реализовать избирательные права. Это движение «Омская инициатива». Проанализировав цели и задачи нового общественного движения, а его поддержало большинство общественных организаций города, мы пришли к выводу, что «Омская инициатива» наиболее подходит для повышения интереса горожан к выборам. Его активисты призвали избирателей сформировать программу развития города на ближайшие годы, составив ее из предложений и пожеланий рядовых граждан. Общественники посетили каждую квартиру, каждый дом, провели анкетный опрос, с помощью которого пытались определить наиболее актуальные проблемы жителей Омска. На основе анализа конкретных данных им предлагалось составить программу действий, отвечающую запросам наибольшего числа горожан. Именно «Народную программу» активисты движения «Омская инициатива» передали будущим депутатам Омского городского Совета и Законодательного собрания Омской области. В свою очередь, администрация города решила всемерно оказывать поддержку новому движению, поскольку его деятельность позволяет реализовать механизм личного участия в выборном процессе, в определении судьбы своей территориальной общности. Так, при подготовке к выборам ведущей стала «идеология созидания», когда любой избиратель может повлиять на создание программы развития Омска. В общественной деятельности «Омской инициативой» исключалась огульная и безосновательная критика власти. Виды негативной критики нивелировались переводом критических замечаний и претензий населения к власти в русло создания единой программы по развитию города на пятилетие. Именно в рамках этой программы критика превращалась в конкретные предложения по изменению ситуации в наиболее проблемных сферах жизнедеятельности.

К моменту старта избирательной кампании отмечалось значительное число нейтрально настроенных жителей, которые не готовы были отдавать голоса ни одной из партий (около 20% по данным на январь 2007 года). Это означало, что пятая часть населения могла проигнорировать выборы и не прийти на избирательные участки. Появление мощного движения активизировало эти группы граждан, повысило «общий градус» политической

кампании. Социологические исследования показали, что почти треть жителей готовы активно поддержать «Народную программу». В разных возрастных группах это число колеблется, но нигде не опускается ниже 20%, что стало подтверждением довольно широкой поддержки населением «Омской инициативы».

В ходе кампании его активисты организовали массовое голосование за «Народную программу», в Омске ежедневно работало почти 40 пикетов. В каждом из них находилась урна для голосования, на счетчиках видеоэкранов города, в салонах автобусов и в эфире ряда телекомпаний постоянно демонстрировались цифры, выражающие число проголосовавших (данные ежедневно обновлялись). Активистам движения удалось усилить мотив массового участия в голосовании представителей электоральных групп, которые изначально не поддерживали ни одну политическую силу и вряд ли собирались прийти на выборы. За два неполных месяца за программу, которая была составлена из предложений омичей, проголосовало более 300 тысяч горожан. На конец февраля приходится кульминационная точка кампании. На митинге сторонников движения «Омская инициатива» «Народная программа» была передана на реализацию региональному отделению партии «Единая Россия», которое гарантировало исполнение всех ее пунктов программы. Именно с этого момента эмоциональный подъем достигает своего пика, и жители города располагают понятным мотивом для участия в голосовании.

Необходимо отметить, что администрация Омска при подготовке к выборам в марте 2007 года действовала строго в рамках законодательства РФ: не вмешивалась в деятельность общественных организаций и партий, никого не поддерживала в финансовом отношении, не призывала горожан отдавать предпочтение конкретным силам или представителям общества. Вместо этого создавались условия для эффективного проведения выборной кампании. Так, анализируя конструктивную направленность движения, руководство Омска публично выразило поддержку здоровым силам общества, стремящимся реализовать конституционные права и при этом выдвигать конкретные инициативы, направленные на социально-экономическое развитие города. Для формирования активной жизненной позиции предоставлялись страницы муниципальных изданий с целью разъяснения основных задач движения «Омская инициатива». Непосредственно общественная организация в выборах участия не принимала – этого не допускает законодательство. Так, существует ряд ограничений, по которым вновь созданное движение не обладает правом принимать участие. Но интересы общественной организации и администрации города Омска по увеличению активности избирателей совпадают «на все 100». Продемонстрировав населению Омска готовность мэрии не просто готовность поддерживать инициативу «снизу», но воплощать программу, созданную народом, она не просто располагает возможностью повысить уровень доверия к власти, но параллельно с этим запускается интенсивный механизм участия горожан в выборах. В частности происходит понимание того, что власть реально способна трансформировать жизнь к лучшему. Но для этого необходимо участвовать в выборах.

Таким образом, результатом мартовских выборов в Омске является то, что удалось удержать на одном уровне интерес к выборному процессу среди горожан. По сравнению с выборами в Государственную думу 2003 года число омичей, пришедших на избирательные участки, сократилось, вместе с тем изменился качественный состав электората. В день голосования на участки пришло больше омичей, настроенных на позитивное конструктивное развитие. Согласно социологическим исследованиям, заметно увеличилось число избирателей, отдавших голоса за партию «Единая Россия». Удельный вес возрос с 27 до 43% от числа избирателей, принявших участие в выборах, в абсолютном выражении количество голосов, отданных жителями города за единороссов, выросло в 1,2 раза. Во многом это результат деятельности движения «Омская инициатива», которое доверило реализацию своей «Народной программы» партии. Заметным успехом является создание спокойной конструктивной атмосферы проведения выборов: отсутствуют массовые проявления грязных технологий. Главной политической темой дня стало создание и принятие программы развития

города на последующие пять лет, причем на основе существенных направлений общественного мнения граждан.

Библиографический список

1. **Угринович, Е. А.** Общественное мнение / Е.А. Угринович. // Социология : энциклопедия. – Мн., 2003.
2. Общественное мнение : краткий словарь по социологии. – Мн., 1988.
3. **Манхейм, К.** Очерки социологии знания / К. Манхейм. – М., 2000.
4. **Луман, Н.** Власть / Н. Луман. – М., 2003.
5. **Хаберман, Ю.** Демократия. Разум. Нравственность (московские лекции) / Ю. Хаберман. – М., 1995.
6. **Дюверже, М.** Политические партии / М. Дюверже. – М., 2000.

Рецензент: О.В. Волох,
д-р полит. наук, профессор ОГИ

УДК 32.001

Д.Н. ДУБРОВИНА,
аспирант ОГИ

ФЕНОМЕН ПУБЛИКИ: СОВРЕМЕННЫЕ ТРАКТОВКИ И ЖИЗНЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ

Автор рассматривает соотносительность понятий «народ – публика – масса». Градации публики. Виды публичной активности. Неустойчивость соотношений между публикой и информационными взаимодействиями. Феномен политической игры как проявление публичности.

Народ. Публика. Масса. Собирательные группы. Публичность. Публичная сфера. Игра.

Phenomenon of public: modern treatments and vital embodiment

The author examines correlativeness of concepts «people – public – masses». Gradation of public. Kinds of public activity. Instability of parities between public and information interactions. A phenomenon of politics tricks as display of publicity.

People. Public. Masses. Collective groups. Publicity. Public sphere. Game.

В классификации собирательных групп особое место принадлежит новообразованиям публики – предметному интересу отраслей социально-гуманитарного знания – от социально-философских и социологических теорий до конкретных моделей управления. Анализировать «публику» («публичность») означает исследовать значимый пласт социального процесса. Прежде всего необходимо локализовать основания публичной сферы как открытого пространства общественного поведения. На наш взгляд, существенный смысл понятия «публика» устанавливает К. Манхейм. Речь идет о формах ассоциации, которые базируются не на жизненных интересах, но на мнениях и границах и большем диапазоне, чем это имеет место в традиционной социальной жизни, и которым, по мысли автора, свойственна «флуктуация» в резко очерченных границах [1, с. 121]. Публика предстает достаточно образованием в пределах собирательных групп, заключающих внешний характер познавательных устремлений и разнохарактерный объем впечатлений (она не поднимается до уровня существенного усвоения смысла событий и предметного содержания знаний). По аналогии, масса – то, что еще более разноречиво и событийно, в поверхностном порядке приходит на смену традиционным установкам поведения.

Эти наблюдения находят подтверждение в философском понимании К. Ясперсом соотносительного значения «народа – публики – массы». «Публика есть первая стадия проведения народа в массу», – подчеркивает К. Ясперс. Первенствующее понимание «народ» заключается в его квантитативности (внутренней качественности), глубинной основательности духовно-исторических ценностей. Следовательно, «публика» есть ступень, посредством которой народное самосознание и широкая представительность «срываются в массу» (она, напротив, малосущественное и примитивно мыслящее образование, именно как массовидное, недалекое и упрощенное). Для К. Ясперса публика не более чем «эхо», отвечающее событиям в культурно-художественной, коллизионно-политической жизни. «Сообщество» народа – подлинная жизнь, и как только она перестает существовать, появляется множество публики, необъятное и вновь воплощающее «мнения» в условиях окружающей состязательности, и тогда вновь ниже уровнем – только масса [2, с. 141]. Рассуждениями К. Ясперса предопределяется существенный разворот в понимании публичных действий в современном обществе.

Так, в оценке Ю. Хабермасом идей легитимного господства как появления самоорганизующейся общественности создается основание для «многоголосо дискутирующей публики», активной гражданской общности, причем даже в роли суверена государства [3, с. 40]. Но интерпретации феномена публики в более значительной степени связаны с ее афишированием как формы эгалитарного процесса, осуществлением регулятивного идеала и прогрессивных видовых проявлений, во имя которого допускается критика институтов демократии. Апелляции к «публичному пространству» или «публичной сфере» призваны доказать их правомочность и жизненный смысл для активизации социальных общностей. Например, Х. Арендт сожалеет о недопустимом ограничении публичности, У. Липпман связывает ее с конституированием граждан в условиях радикальной демократии, когда получают развитие ностальгические воспоминания о публике «во всем ее цвете» (античная агора, публичные собрания в новой Англии, европейские кофейни и т.п.) [4, с. 820]. Понятно, что в этом случае речь идет о формах открытого неформального общения, близкого по ощущениям людей духу общегражданского (народного) представительства. Обнаруживает значительный интерес типологическое разделение Ю. Хабермасом публики на «сильную» (институциональную) и «слабую» (неформальную). В первом случае она наделена организационными началами принятия решений, во втором – является неорганизованной и действующей в направлении первичной рецепции общественных проблем. Но в традиционном смысле публичная сфера пронизана открытостью, спонтанной выраженностью мнений и плюрализмом. Ю. Хабермас настаивает на появлении «сети» субкультурных публик, особенно в поле функционирования масс-медиа и, как следствие, развитие публичности внутри организационных структур, во множестве недифференцированных публичных аудиторий. В результате публичная сфера заключает систему подсфер в соответствии с объективными признаками (географическими, национальными, региональными, профессионально-образовательными, культурными, познавательно-тематическими) [4, с. 820].

На этой основе могут оформляться различные виды публичной активности: спонтанные и продуманные, мелкосерийные и относительно масштабные, асоциальные и социальные, абстрактно-критические и общественно-альтруистические, внесоциальные и компетентно-социальные. По мере развития этого процесса возможно появление «публики публик» как гигантского оформления общественной активности дискурсионного порядка. Но подобная феноменальность заключает и откровенно отрицательный смысл. Коммуникативные потоки и появляющаяся вследствие этого «коммуникативная власть» предполагают гибкость и переменчивость как необходимую основу множества мнений и тематизации потребностей. Но в данном контексте не происходит углубления сферы общественной политичности. По ироничному замечанию Д. Бурстина, массовые дискуссии интересны тем, что в них участвуют необразованные люди, «как вы или я». В результате создается информационная сеть сообщений и извещений, подобная повседневной жизни личности, общению в кругу элементарных занятий, общественно-политического фольклора, житейских взаимодействий. Функционирование публичности – уже не

«эхо» отдельных событий и мнений, но фактов образования социального пространства. С одной стороны, получают распространение ранее отгороженные человеческие локалитеты, с другой – появляются новые виртуальные сферы на основе техники современной интеракции.

«Публичность приватного», по Р. Барту, также сохраняется в форматах «рассекречивания» частных ориентаций и внутреннего мира в противоположность прежнему публичному одиночеству на основе активного потребления некогда «потаенного и сокрытого» [4, с. 820, 821]. В результате непреложная граница между публичным и приватным исчезает и в дальнейшем фактически переоформляется. Прежде всего изменяется незыблемый смысл приватного (в нашей стране с ним преимущественно связывают процесс перехода общественного имущества и государственной собственности в частное владение, но это существенное признание частной жизни, появление частных интересов, развитие негосударственной жизни социума). На этой основе формируется сфера «недопущения» общества, его публичных институтов в непосредственную жизнь граждан (в отличие от тоталитарной практики, оформлявшей «допуск» даже в обсуждение семейных конфликтов, коллизий внутреннего выбора личности). При этом законы и постановления об общественной диффамации подтверждают демократическую практику «далевой» дистанции самоориентаций граждан и публичного внимания.

Таким образом, рассмотрение феноменальной триады «народ – публика – масса» демонстрирует субстанциональность народного самосознания, могут приближаться социальные формы публичного поведения как «новой публики». Публика есть и будет достаточно распространенным, но общественно-видовым взаимодействием, малоадекватным гражданской общности. Переход публичного в «массу» означает резкое прерывание социальных связей и завершается революцией непосредственно «масс» как низкопробных слоев населения, маргиналов и люмпенов. Для сохранения устойчивого народного самосознания необходимо учитывать противоречивое соотношение публики и информационных взаимодействий. Рассмотрим этот процесс на примере политического игрового действия.

Политическая игра на публику – особые состязательные превращения, которые подчиняются общим закономерностям игрового действия. Если воспользоваться выражением Х.-Г. Гадамера, можно сказать, что поле политики заключает игру как «путеводную нить онтологической экспликации» [5, с. 147]. И прежде всего предполагает «священную серьезность» заодно с целевым характером деятельности, текущими заботами и интересами. Естественно, что игра своеобразно витает в воздухе политики. Народные избранники знают и признают, что это всего лишь «игра», но намного важнее достигаемые с ее помощью цели.

Не противоречат ли понятию разума и достоинству красоты, спрашивает Ф. Шиллер, «простая игра», «понятие игры». И добавляет: «Конечно, нам не следует в данном случае припоминать те игры, которые в ходу в действительной жизни…». Вместе с тем великий теоретик игры признает за стихией игрового действия великое начало человеческого бытия. «Человек играет только тогда, когда он в полном значении слова человек, и бывает вполне человеком лишь тогда, когда играет» [6, с. 302]. Речь идет об определенном типе поведения, по установленным правилам. Когда политик не захвачен репродуктивными занятиями, его внутренние силы начинают замыкаться «на себя». Это и есть начало игры, этим оно и полагается. Во многих случаях, интерес к политике заключает внимание именно к возможностям игры.

Ю.М. Лотман так объясняет ее существенный принцип: игра заключает одновременную реализацию фактического и условного поведения. Играющий понимает, что он участвует в неподлинной, нередко им же созданной ситуации (человек осознает, что перед ним «игрушечные» люди-персонажи) и не понимает этого (в начавшейся игре он имеет дело с реальными, нешуточными лицами). Ю.М. Лотман поясняет: живого тигра ребенок – только боится, чучело тигра, – ребенок не боится, но полосатого халата, наброшенного на стул и изображающего в игре тигра – он «побаивается», то есть боится и не боится одновременно [7, с. 133, 134]. Как и азартные занятия, публичные политические игры приносят «престиж и барыш», но во всех случаях важен интерес к процессу игры, отсутствие скованности и

обязательности (когда игра состоялась, люди образуют поля игры, в том числе в политике). Здесь есть элементарный произвол устраивать скандалы, в лучшем случае скетчи. Программа действий и поведения есть результат конкретного воления. Но игра не только результат политических пристрастий, поиска электоральных выгод и нового положения. Не случайно Л.С. Выготский в характеристике существа играющих заметил: не удовольствие от конфеты, а специфическое удовольствие от игры [8, с. 290].

Естественно, что игра тяготеет к публичности как открытой демонстрации удачливости, оригинальности, победных качеств и свойств. И. Кант отмечал: «Человек никогда не играет в одиночку… Наедине с собой он серьезен… Игру без зрителей можно счесть безумием» [9, с. 31, 32]. И вновь игровое действие заключает двухплановость: замкнутость и разомкнутость, т.е. возможность моментальных остановок и возобновлений. На манер театрализации в игре происходит обнажение ситуации и появление реплик на «тему дня». В игру могут включаться и эксперты-политологи, «играть» с фактами серьезно и вдумчиво, с наибольшим интересом и крайне общительно с коллегами, «перемахивая» с одного рубежа на другой. В это смысле игра никогда не заканчивается и постоянно возобновляется следующим действием. Х.-Г. Гадамер прав в том отношении, что «понятие движения взад и вперед настолько центрально для сущностного определения игры, что безразлично, кто или что выполняет это движение» [5, с. 149]. По этой причине игры политиков означают, что некто «играет» или «играется», нечто «разыгрывается». Попеременная направленность игрового действия порождает его убедительную состязательность. «Примат игры» означает, что она познается игроками в опыте. Можно утверждать, что не политик ставит задачу игре, а она сама определяет целевую программу играющих: это именно игра «во что-то».

Для более глубокого знакомства с феноменом игры следует обратиться к герменевтическому пониманию imago (образа). Начало игры, ее процессность есть репрезентирующая картина, в границах которой участники получают саморепрезентацию. Зрелищный характер игры превращает ее в политический спектакль, развернутое представление для публики. Так, она приближается в пределах слышимости, видимости арены (circus), внутреннего круга (cocus), площадки мнений (arope), пространства «появления». Согласно Ю. Хабермасу, публичная сфера – внеличностный феномен, предполагающий полуавтоматический взаимообмен мнениями, оценками, информацией. Вкус к групповому обсуждению, состязательность возгласов, акцентов, ударений также сближает ее с игрой. Если раньше это были публичные собрания, клубы, то сегодня зрелищные мероприятия ТВ – ток-шоу в предельно разноплановой жанровой структуре.

Ю. Хабермас считает ведущим видом публичной сферы институциональную публику как организацию сплоченных группировок в их официальных прерогативах, ведомой – неформальную публику, цель которой распознавание новых граней реальности, непознанных закономерностей в открытом, свободном, спонтанном обсуждении. Но живая переполненность неустоявшимися мнениями не есть «слабость» публики. В конечном итоге образуется интерференциональная, перекрывающая друг друга сеть публик. В глобальном масштабе эти «клубы-ячейки» могут инструментально адресоваться масс-медиа во все сферы жизни общества. Регионально-географический, этно-социальный факторы детерминируют связанность публичных подсфер различными «нитями». Общественные дискурсы тематизируются, в свою очередь, разделяясь на ситуативные, спонтанные, со статусом «случайно собравшихся», доходя до абстрактных представлений о «высшей публике». Пирамидальность публичных образований, их слоевая пространственно-сетевая структура образуют феномен «публики публик» [4, с. 820]. Его высшим выражением является общий «жизненный мир» людей в совокупности политических и неполитических обществ, политических и параполитических объединений граждан.

Разумеется, это – мир политического порядка, не сопоставимый с идеями «жизненного мира», как его понимает В. Дильтей. Философский призыв «Вглядимся в человеческий мир» имеет разностороннее значение, многокачественную реальность, познание которой не сводится к «освоению поверхностной реальности», но простирается до неразличимых глубин [10, с. 130].

Но может ли мир политики действительно погружаться в серьезные занятия, в которых нет и «тени игры»? Все зависит от выбора модели демократии, и лучше всего, если она будет наиболее адекватной новейшему времени. Так, следует указать делиберативную демократию, т.е. демократию обсуждения, – сравнительно недавно появившегося выражения для обозначения определенного подхода в политической философии [11, с. 44]. Данный вариант демократического развития по смысловой определенности в первую очередь сочетается с дискурсивной демократией Ю. Хабермаса.

В философско-историческом ракурсе справедливая политика должна быть свободна от принуждения и предрассудков взаимодействующих сторон, которые способны обратить качество совместной жизни. Конечно, «реальная политика» грешит различного рода издержками, «ссорами», недоразумениями. Фактически М. Вебер признает, что власть должна создавать возможность того, чтобы «некто» навязал свою волю «другим» (независимо от того, кто является автором – действующие индивиды или коллективные субъекты). Но в современном демократическом понимании постепенно формируется потенциал «общей политической воли» и, соответственно, «коммуникативной власти» (Х. Арендт, Ю. Хабермас). Этим типом власти «никто не может владеть», в ее границах формируется непринудительная коммуникация «равных граждан». Политическую власть недемократично накаливать, чтобы в последующем пустить в ход. Подлинная задача заключается в том, чтобы «удерживать в бытии публичную сферу для принятия консесуальных решений» [11, с. 46]. Стратегические линии политических интересов остаются, но не с целью утверждения исключительно собственных позиций. Вне этого участие даже в «демократической игре» оставляет поле проявлениям иррациональных сил, в лучшем случае имеет место простое собирание предзаданных политических предпочтений (что не способно формировать новаторскую политику, направленную на поиск новых решений).

В частности, сдвиг демократической практики к делиберативному идеалу означает поощрение людей не просто выражать свои политические мнения, обсуждения разума [12]. В этом случае поле коммуникативной власти не должна пересекать административная власть, тем более в подготовленных актах захвата и давления. Иначе коммуникация общественного дискурса будет неизбежно искажаться, и в ней уменьшится сила «лучшего аргумента». Так, разговорная телепередача «Как жить будем…», нацеленная на проявление социальных проблем омичей, должна в делиберативном смысле проводиться «без мэра» [13]. Но в этом случае с кем? В ней должны участвовать поляризованные общественные группы и слои, каждый из которых не может настаивать на собственном эгоистическом интересе (поскольку сразу же будет найден «контраргумент»). В результате участники предложат действительно важные и актуальные для граждан общественные решения.

Но для кого они будут иметь смысл? Прежде всего для «всех смотрящих», которые обладают правом демократического выбора власти. В противном случае, мы будем иметь рецидив запрограммированной, зарепетированной демократии, в границах которой удачно чувствуют себя политики-игроки, ловцы политико-игровой удачи.

Библиографический список

1. **Мангейм, К.** Очерки социологии знания / К. Мангейм. – М., 2000.
2. **Ясперс, К.** Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М., 1991.
3. **Хабермас, Ю.** Демократия. Разум. Нравственность (московские лекции) / Ю. Хабермас. – М., 1995.
4. **Трубина, Е. Г.** Публика / Е.Г. Трубина. // Социология : энциклопедия. – Мн., 2003.
5. **Гадамер, Х.-Г.** Истина и метод / Х.-Г. Гадамер. – М., 1989.
6. **Шиллер, Ф.** Собр. соч. : в 7 т. / Ф. Шиллер. – М., 1957.
7. **Лотман, Ю. М.** Тезисы к проблеме «Искусство в ряду моделирующих систем» / Ю.М. Лотман. // Уч. записки Тартуского госуниверситета. – Тарту, 1967. – Вып. 198.
8. **Эльконин, Д. Б.** Психология игры / Д.Б. Элькина. – М., 1978.

9. **Кант, И.** Трактаты и письма / И. Кант. – М., 1980.
10. **Дильтей, В.** Категория жизни / В. Дильтей. // Вопросы философии. – 1995. – № 10.
11. **Кусова, Н. А.** Делиберативная модель демократии и политика интересов / Н.А. Кусова. // Вопросы философии. – 2002. – № 5.
12. **Хабермас, Ю.** Примирение через публичное употребление разума. Замечания о политическом либерализме Джона Роупса / Ю. Хабермас. // Вопросы философии. – 1994. – № 10.
13. Общую характеристику передачи-форума см: **Шрейдер, В. Ф.** Социальная политика как ступени взаимоконтактов / В.Ф. Щрейдер. // Власть. – 2006. – № 3.

Рецензент: В.А. Евдокимов, доктор
политических наук, профессор ОГИ

УДК 32.001

Н.Н. ДУБРОВИН,
аспирант ОГИ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО ОБЩЕСТВА И РАЗВИТИЕ ФОРМ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

В статье рассматривается проблема многозначности и хрупкости исторического единства общества. Взаимодействие гражданского общества и правового государства. Противоречивость современного этапа развития России. Особая роль церкви в жизни современного российского общества. Взаимосвязь культуры и социальности.

Единство. Гражданское единство. Гражданское общество. Церковь. Культура.

Historical unity of the society and development of public consciousness forms

In the article the problem of a polyconsequence and fragility of historical unity of society is examined. Interaction of a civil society and a lawful state. Discrepancy of the present stage of development of Russia. A special role of church in a life of a modern Russian society. Interrelation of culture and a sociality.

Unity. Civil unity. A civil society. Church. Culture.

Гражданское единство – важнейшая составляющая стабилизации жизни социума во взаимодействии внешних и внутренних факторов. Актуальной проблемой является вопрос о сохранении демократического характера всеединения, гармонизации общественных отношений в условиях острых конфликтных взаимодействий, радикальной социальности. Социально-политическое единство общества предполагает взаимосвязанность сфер человеческой жизнедеятельности, исключает их резко изолированные друг от друга состояния. В этом случае происходит формирование реальных социальных общностей на основе взаимопонимания между людьми. В фактическом смысле единство является многозначным символом, который привносится в общественное сознание, актуализируется в периоды реорганизации жизни социума. В социально-философском понимании единство предстает в качестве компоненты исторического процесса, объясняющего развитие мира. Радикальные, экономические, социально-политические, индивидно-личностные модернизации неотделимы от единого переустройства социальной системы. Но определенная «хрупкость» единства заключается в том, что, как только оно закрепляется, общество обращается к новым проблемам. Их решение не обнаруживает прежнего состояния, и в этом смысле необходимо обогащать внутреннюю взаимосвязанность социально-человеческой жизни, прежде всего, развивать универсальные основы социального бытия. Именно ими определяется, насколько реальным является единство социума, качественная степень соединения всеобщего, частного и осо-

бенного. При этом демонстрация достижения тотального единства приводит общественно-политические устремления к упадку.

Сегодня остро ощущается необходимость нового баланса сил в отношениях между государством и обществом. Гражданская общность людей связывает свои надежды с государственной властью, но следует избавляться от иллюзий достижения гражданского конструктивизма в автоматическом режиме. С одной стороны, настоятельна устойчивая связь единых государственных и общественных устремлений; с другой – демократически направленная персональность политизации общества. Властные ориентации символически опосредованы, ими задаются степени свободы или несвободы по отношению к жизнедеятельности социальных слоев и групп граждан. Но символизация единства определяет типологические особенности поведения в универсальной совместности жизни. Конкретная личность может соотносить себя со смыслом единения на уровне ценностных установок, моральных принципов, образа действий и мыслей. Идея единства как «вечного принципа» базируется на сущностном понимании мира, объяснении его «высших», духовно-исторических универсалий. Речь идет об особой инстанции человеческого существования, без многочисленных движений «врозь» и «порознь». Именно единство завершает качество редукции всего «разрозненного» и не совпадающего между собой. В социально-человеческом смысле его достижение означает *большое общество, большой мир*, при исключении общего кризиса (сокрушения). Было бы неправильно отказываться от рационально понимаемого единства ради тотального и многомерного единообразия, которым фактически разрушаются скрепляющие центры социума. Необходимо удерживать современную жизнь в рамках демократического процесса, но актуальны вопросы: что представляет из себя демократия и как реально развиваются ее институты, каким образом обезопасить общество от «неудобств» свободы, добиваться осознания того, что именно дает обществу демократическая институциональность?

Понимание единства приближается к супермировоззрению, высокой качественности духовного осмысления мира и человека, закрепления исторически «векторных» взаимосближений и взаимообособлений. Оно также является условием оптимального многообразия сфер жизнедеятельности и одновременно средоточием нераздельности социальной реальности, ее «общностной» судьбы и единого надэтнического контекста. Таким образом, единство является символом выражения актуального политического времени на рубеже веков, эпохи общественных преобразований и целеустремлений.

Единство глобального мира не означает притязаний с целью господства одной системы над другой (ценностный смысл развития органически соотносится с всеобщим единством как целью истории). Его конкретная представленность заключается в том, что общество сплачивает людей, раскрывает потенциальные возможности взаимопонимания. Единство может вызывать сомнения, поскольку постоянно появляется и вновь исчезает согласованность действий людей. Но оно сохраняется как человеческая воля и универсальная потребность во взаимопонимании. Единство заключается в выявлении и объяснении событийного мира из общего корня. Единство ведет людей за собой, создавая представления о консолидирующем образе, завершенном во взаимности универсальных множеств. Крупнейший в XX веке исследователь единства К. Ясперс выделяет следующие всеобщие виды: единство народов по происхождению, языку, судьбе; единство религий в качестве «мировых религий», распространяющих жизненные позиции в сфере морали (этоса) и веры; единство государств в качестве носителей власти, формирующей все стороны существования людей; единство культур как единство фактического мира жизненных форм, институтов и представлений. Выделим для анализа единство общества и религии, осуществляющих влияние в сфере морали и культуры [1, с. 270, 271].

Для оптимального соотношения деятельности государства и насущных задач гражданского общества необходим эффективный анализ сущности и путей развития последнего. С точки зрения либерализма гражданское общество следует ассоциировать с человеческим обществом вообще. Вместе с тем оно может представлять собой, по мнению К.С. Гаджиева, «беспокойное поле боя», на котором сталкиваются разнообразные частные интересы. Как

результат, подобная общность не может являться «гражданской» до тех пор, пока не управляется политически, то есть под присмотром государства.

Наиболее отчетливо эта идея заявляет себя в процессе взаимодействия гражданского общества и правового государства, в процессе противостояния средневековой теократии (светское начало так же существенно, как и правовое основание). В этом случае устраняется соединенность политики и религии и утверждается их раздвоение. Так, религия начинает существовать в своем органическом объеме и истинном предназначении, отказе от политического характера. К.С. Гаджиев ссылается на логику марксистского высказывания: «Христианское государство нуждается в христианской религии, чтобы восполнить себя как государство. Демократическое же государство, действительное государство, не нуждается в религии для своего политического восполнения... ибо в нем осуществлена мирским способом человеческая основа религии» [2, с. 19]. Это значит, религия в государственной жизни выражает не общность, а различие и призвана осуществить духовное и социокультурное воспроизводство общества. В ряде случаев она нуждается в государственной поддержке, но как выразительница свободы совести каждого исключает государственное вмешательство.

В качестве реакции па тоталитаризм гражданское общество сразу же было объявлено самонастраивающейся, самоуправляющей системой. Следствием непонимания того, что это, по мнению И.Б. Левина, был отказ от самой его идеи, «отторжение завязей гражданского общества» (если воспользоваться выражением М. Гефтера). Попытки насильственного демократического построения гражданского общества придают ему конфликтный, агрессивный характер, вызывают ассоциации с западной моделью [3, с. 107, 112]. Задача состоит в том, чтобы ввести это понятие в цивилизационный контекст, в том числе с учетом исторических и культурных традиций России. Это значит, что формирование гражданской общности людей следует наполнить социальным содержанием, социально-этическими ценностями и нормами. В частности, решающим фактором являются мотивы самоорганизации граждан, которые получают позитивную санкцию не только со стороны больших организаций и объединений, но и на основе религиозно-этических максим, коренящихся в глубинных слоях отечественной культуры [3, с. 107, 118]. Именно этим обстоятельством определяется особая плоскость рассмотрения взаимосвязи гражданского общества и религии.

Российский гражданин, несмотря на исторические изломы своей судьбы, все-таки осознает ценность индивидуального, автономного существования. Известным является факт значительного вклада предпринимателей-старообрядцев в социально-экономическое развитие России (что позволяет сравнить с ролью пуритан-протестантов в формировании западного гражданского общества). Современный этап характеризуется, с одной стороны, болезненным переживанием разлома (слома) привычных представлений о патронажной функции, с другой – вызывает у людей энергию «сверхсоциализации», которая может быть направлена в сферу местного самоуправления, укрепления объединительных связей на низовых ступенях социума, солидаризации с «близким», «знакомым» человеческим уделом.

В результате кроме политизированных связей с государством, его структурами и организациями могут быть образованы «параполитические объединения» как способ развития гражданского общества (с целью утверждения свободной активности личности, ее бескорыстного мотивирования во имя общественного блага и развития гражданских ассоциаций) [4, с. 37, 38]. На этой основе способны заявить себя основные модели взаимодействия церкви и гражданской общности.

Современный человек не может быть полностью «выключен» из конкретного социального микрокосма (местной общины, церковного прихода, городской и организационной корпорации). Как подчеркивает М.Н. Кузьмин, не выделяющий себя из «рода» и общности индивид «типологично-сословен и религиозно специфичен». На наш взгляд, это не означает, что ему не могут быть присуши общегражданские качества. Человек необходимо настроен на преодоление трудностей, которые имеют конкретный социальный характер, порождают общественную солидарность, поддержку и взаимопомощь. При этом по-прежнему внешний

мир, который наполняется непонятными событиями, многовекторен, постоянно модифицируется и обновляется, может быть объяснен сакральным образом. Современная мифология и божественные очертания грядущего мира вновь наполняются реальным смыслом. В данном случае действующему индивиду следует сообщать необходимую сумму знаний, прививать устойчивые нравы и этикетные предписания, вплоть до моделей поведения культово-ритуального характера. Как и прежде, речь идет о «пластах народной культуры, интегрированной и венчанной в мифах, религиозных картинах мира, соединенности общества и человека, в центре которых Земля и Бог. Как подчеркивает М.Н. Кузьмин, организующей институцией культуры, сохраняющей идеологические и нравственные механизмы функционирования сознания и поведения, выступает церковь» [5, с. 59, 60].

Естественно, что подобная модель резко трансформируется в условиях интенсивной экономической деятельности, коммуникативных сетей, самоизоляции людей друг от друга (что и происходит в условиях «настоящего гражданского общества»). Но в этом случае психология гражданского равенства и общности не противостоит мотивам солидарности и братства. Отсутствие «предчувствия» гражданского общества в России не исключает воскрешение чувства собственного достоинства, активных усилий личности, ее инициативы и предприимчивости. Можно предположить, что именно церковь не позволит человеку замыкаться в себе. Ответственное поведение, личная совестливость соответствуют модифицированной христианской (католической) модели поведения. При этом недостаточной становится статическая картина религиозного объединения мира, должны быть преуменьшены сакрально-иррационалистические предпосылки понимания смысла жизненных ценностей. Но это не означает засилья рационализма в культуре гражданского общества, во всяком случае, по отношению к России. Светская идеология совмещается с освобожденной от подчиненности ролью религиозного сознания. Можно утверждать, что церковные организации «справляются» посредством своей модернизации со светскими институтами духовного (или бездуховного) производства. Со своей стороны, церковь способствует зрелости гражданского общества как относительно самостоятельного пространства социума, не допуская «направляемого» социально-политического развития. Во всяком случае, выступления высших иерархов РПЦ упреждают попытки западных идеологов и толстосумов прагматически использовать свободолюбивые порывы русской науки [6, с. 26, 27].

Таким образом, следует говорить об особой роли религии в условиях «позднего старта» гражданской общности людей. Естественно, что «интервенция» церкви в эту сферу ничем не напоминает регулирующее воздействие государства. Ее активность нацелена на расширение сферы гражданской активности и согласия, социативной интеграции, артикуляции общественной озабоченности, представление своего понимания социально-политической модернизации необходимой аналогии в случае отсутствия авторитетных лидеров. Все это должно способствовать не просто появлению цивилизационных черт общественной энергетики, но главным образом утверждению «нового российского человека», в противовес рыночному и вульгарному «новому русскому». Для церкви процессы общероссийской трансформации и гражданского воспитания в новой «прививке» чувства долга и ответственности, справедливости и порядка неотделимы друг от друга (постоянные ссылки на благотворный опыт и влияние Запада претят ей). Религиозное миропонимание по-своему освещает новый путь построения общества, освобождая его от разгула и стихийных проявлений, в том числе от того, что исторически считалось «святотатством» (глумление над историей страны, дискредитация ее выдающихся деятелей, системы вековечных ценностей и норм, устоев человеческого общежития).

Необходимость динамичных перемен корректируется церковью с позиций реальных возможностей и действительных результатов. «Волнообразные» накаты демократизации, которая означает малоприятные для общества явления (люмпенство, теперь уже от демократии; проникновение во власть полуинтеллигенции, мнимых деятелей искусства, прямых аморалистов), порождают общественную деградацию, негативные умонастроения, социальную напряженность. Религиозная регенерация действительных гражданских свобод способна возродить широкую общественную дискуссию в противовес количественному сбору ин-

формации «по всему миру». В результате духовно-интеллектуальные параметры общества приобретают отечественный, нравственно-человеческий вид, ориентированность на внутреннее положение российского социума. Это утверждает позитивную нацеленность действий как против формализованного мышления интеллектуалов, так и эмоциональной запальчивости массовых слоев населения. Если вспомнить триаду уровней Л. Ясперс: народ (как нечто существенное и обстоятельное) – публика (как переходная ступень превращения народа в массу) – масса [1, с. 141], то церковь явно стремится занимать позицию народного самосознания. Она активно обсуждает проблемы стратегического развития страны, ее положение в современном мире с позиций сохранения исторической самобытности и идентичности, открыто высказывая свое мнение о вредных российской действительности явлениях, неорганичных для общественного организма влияниях космополитического характера. Заявления высших иерархов способствуют усилению религиозной и нерелигиозной веры людей в судьбу отечества, воспитанию молодежи, ее развитию на нравственно основательных началах.

Церковь как организация и социальный институт способствует выработке социально-человеческой модернизации, оценке эффективности исторических этапов развития с позиций общегражданского миропонимания, качественного обновления устоев общества. Нарастающее «церковное представительство» в нравственно-гуманистическом смысле не отторгает широкие слои населения (взамен новейших измышлений о радостях демократии и преимуществах либеральности). Российское общество постепенно начинает понимать, что развитие экономической и социально-политической систем возможно только в границах культурно-исторического мировоззрения. В этом отношении соборные заседания и слушания РПЦ – форма общественного влияния, даже как необходимость «возглавить» российское обновление.

Когда церковь призывает к всеобщему согласию, она выражает институциональную основу гражданского общества, о которой говорит Ю. Хабермас (за что философ получил упреки в идеализме и утопизме). М. Фуко, напротив, считает, что поиск универсального согласия, всеобъемлющего консенсуса противоречит принципам демократии (участие в конфликте – часть свободы, маргинализация конфликтных действий превращает общественную систему в нежизнеспособную). В этом аспекте призывы церкви, имеющие успокоительный и примирительный характер, также можно объявить «антидемократическими» [7, с. 112]. Но вседозволенность, не сопряженность проявлений свободы с общепринятыми нормами поведения и порядка порождают социальную дезорганизацию, расшатывание общественной морали и нравственности. Так, выходки псевдохудожественного авангарда, универсальные постмодернистские нападки на Россию вызывают действительный гнев народа и негодующую реакцию церкви.

«Разум», «дискурс», «процедура» (Ю. Хабермас) – действительный путь общественного обновления, который избирает религия в современном обществе. Ориентация на социальную и историческую культуру позволяет ей утверждать спектр общегражданских устремлений. «Вертикальная власть» церковного миропонимания способствует уложению межчеловеческих взаимосвязей в горизонтальные сферы взаимосближения, согласия, мира и единства.

В частности, компонент культуры означает постановку важного вопроса о культурном самосознании человека, его тождественности выбору культурных ценностей, появлению культурного «образа – Я». Основу этого процесса составляет рефлексивный строй поведения человека, его жизненная судьба. Речь не идет о культурно-образовательной осведомленности, обретении себя в конкретной культурной системе, ее слоях и основаниях, культурно-поведенческом облике и смысле. В этом отношении отрицателен культурно-информационный конвейер, на котором тождественными становятся понятия «культурный» и «информированный» человек. Опасность этого явления заключается в чрезмерной прагматизации знания и образования, уравниванием культурно-образованного и профессионально (функционально) подготовленного человека. В этом случае культурно-воспита-

тельная социализация заменяется массово тиражируемыми ценностями вне творческого осмысления и восприятия, на основе видеопросмотров, электронных контактов с «картинками», «сайтами» и т.д. Так, проектная деятельность как заместитель творческого освоения действительности сама по себе является инструментом тиражирования готового знания – его переливание из одного сосуда в другой – и, соответственно, приводит к ненужной перегруженности сознания и психики людей. Предостережение К. Юнга – «Попробуйте освободить влечение цивилизованного человека» – фиксирует достаточно опасные явления [8. с. 183].

По-прежнему в образовательном пространстве «материки культуры» резко ограничиваются внешними сторонами квазикультурного бума вне реализации «человека образующегося», на основе собственной культурно-созидающей деятельности. Многие историко-культурные, ментальные, знаково-символические, ценностные составляющие культуры устраняются в современном информационном континууме. Необходимо интегративное образование, в котором разделы естественно-научного и гуманитарного знания взаимосвязаны между собой, в отличие от фрагментарного образования [9, с. 195]. Например, в отечественной культурологии эта линия известна как новое направление «человековедения», которое отражает социокультурную динамику общества, введение культурного контекста в образовательный процесс. Важно, чтобы живой человек был средоточием культуры, которая предполагает выбор (отбор) информации, чему сопротивляются «аппетиты» СМИ, телеэфирная многоканальность, но что обеспечивает многогранное развитие поля духовной культуры и оптимальных действий современного человека.

Система культурно-образовательной деятельности, развитие ее пространства не могут быть сугубо адаптационными, их нельзя сводить к отдельным культурно-информационным локальностям, культивированию навыков и приемов восприятия информации. В крайне незавидном положении оказываются такие виды духовной культуры, как художественная, эстетическая, нравственно-психологическая, которые ощущают на себе пресс массовидных форм информационной цивилизации, различных суррогатов духовного потребления, эмоциональных разрядок в форме пустой зрелищности и несбалансированного зрения событийного мира ценой нового снятия «культурных одежд».

Это актуализирует проблемы вхождения в мировую цивилизацию, взаимосвязи культуры и социальности, культуры как социообразующего фактора. В частности, приобретает новый смысл вопрос об истории отечественной культуры в двух основных формах (западнической и славянофильской). Современные «западники» воодушевлены цивилизационными проектами – «наконец-то» способствовать формированию новой России, тогда как славянофилы предпринимают крайние попытки воспрепятствовать этому варианту развития.

Известно, что за Востоком признается исключительная стабильность его социальных образований. Европейская цивилизация, напротив, отличается крайней подвижностью и разнообразием, изменчивыми трансформациями. При этом обе цивилизации создали системы великих культур, но одновременно имеет место их глубокая противоположность. Восток постулирует благоговейность отношения к предметному миру и требует постоянной овнешненности, на Западе это чувство принимает различные формы, вплоть до музейной закрепленности и консервации. Восточный человек не относится столь уважительно к своему культурному прошлому, его культура отличается стремлением непосредственно находиться в ней, т.е. принадлежать к единой культуре, вне изолированных единичных судеб и полной независимости. Культурный мир европейской цивилизации – предметный, чувственно-практический мир. Как особый генетический код, западная культура потенциально заключает фермент отчуждения, в том же процессе попыток преобразования мира, спонтанно активной деятельности [10].

Вместе с тем В.А. Лекторский считает, что бессмысленно обсуждать проблемы современной цивилизации, ибо существует путаница в собственных отечественных проблемах. Но сегодня изолированного состояния не существует. Мировая цивилизация переживает достаточно болезненные трансформации, при этом отечественные социально-культурные проблемы причудливо сочетаются с общецивилизационными переменами.

Культурная ситуация требует новых философских, мировоззренческих оснований. Культура ассоциируется с цивилизационными успехами в создании удобств и комфорта, однако в стороне остаются негативные явления дегуманизации и отчуждения (отпадения) человека от мира (явление декультурации) [11].

По этой причине необходимо преодолевать элитную самодостаточность, защищать принципы отечественной нравственной культуры, реализовывать функции культуры как меры по созданию «экологии человека» [12, с. 12–14]. Плюрализация культуры не означает снятия социальной ответственности, утраты гражданских позиций.

В целом можно заключить, что рыночные предпочтения далеки от образцов высокой культуры, естественно, что они не являются стихийным регулятором социально-человеческих отношений. Общество должно утверждать нравственно-этические требования и нормы, которые соответствуют отечественной культурной традиции. При этом тенденции постиндустриального развития устанавливают новые типы рациональности в ее высоком ценностном статусе. Одновременно процессы глобализации проблематизируют диалог культур и вместе с этим рефлексивное сознание, которое помогает оценить разные культурные «точки отсчета», ценности «культурных миров». Культурных заимствований становится крайне много. В результате возникает множество кризисов, которые воспринимаются как духовная катастрофа, всеобщая деградация, декультуризация, превращение образования и культуры в товарные знаки. Основополагающим препятствием на пути этого процесса является всеединство мира, развитие его универсальных оснований.

Библиографический список

1. **Ясперс, К.** Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М., 1991.
2. **Гаджиев, К. С.** Концепция гражданского общества : идейные истоки и основные вехи формирования / К.С. Гаджиев. // Вопросы философии. – 1991. – № 7.
3. **Левин, И. Б.** Гражданское общество на Западе и в России / И.Б. Левин. // Политические исследования. – 1995. – № 5.
4. **Соловьев, А. И.** Три облика государства – Три стратегии гражданского общества / А.И. Соловьев. // Политические исследования. – 1996. – № 6.
5. **Кузьмин, М. Н.** Переход от традиционного общества к гражданскому : изменение человека / М.Н. Кузьмин. // Вопросы философии. – 1997. – № 2.
6. Общий смысл угроз демократическому развитию России и ее внутренним объединительным тенденциям // А. Г. Володин. Гражданское общество и политика в России : смена парадигмы // Политические исследования. – 1998. – № 6.
7. **Калинин, И. К.** К дискуссии о гражданском обществе / И.К. Калинин. // Социологические исследования. – 2001. – № 4.
8. **Юнг, К.** Психологические типы. Философия, культура и образование (материалы «круглого стола») / К. Юнг. // Вопросы философии. – 1993. – № 3.
9. **Манхейм, К.** Диагноз нашего времени / К. Манхейм. – М., 1994.
10. **Зотов, А. Ф.** Культура, общество и образование. Философия, культура и образование (материалы «круглого стола») / А.Ф. Зотов. // Вопросы философии. – 1993. – № 3.
11. **Лекторский, В. А.** О философском взгляде на образование. Философия, культура и образование (материалы «круглого стола») / В.А. Лекторский. // Вопросы философии. – 1993. – № 3.
12. **Буева, Л. П.** Кризис образования и проблемы философии образования. Философия, культура и образование (материалы «круглого стола») / Л.П. Буева. // Вопросы философии. – 1993. – № 3.

Рецензент: В.О. Бернацкий,
д-р филос. наук, профессор ОГИ

РАЗДЕЛ II
Экономика, кадры, персонал

УДК 316

Н.К. ПОЗДНЯКОВ,
д-р филос. наук, профессор ОГИ;
Ю.Л. КРОЛЕВЕЦ,
аспирант ОГИ

ФАКТОРЫ И ФОРМЫ СУБЪЕКТИВНОГО ДЕЛОВОГО УСПЕХА

В статье рассматривается полемика приверженцев определяющего значения бизнеса в жизни государства и его граждан и приверженцев взаимосвязи нравственных сторон жизнедеятельности и экономики. Авторы склоняются к усилению культурно-этического фундамента индустриальных преобразований и вариативности моделей современного капиталистического хозяйства.

Экономика. Экономическое воздействие. Духовная жизнь. Нравственность.

Factors and forms of subjective business success

In the article the polemic of adherents of determining value of business in a life of the state and its citizens and adherents of interrelation of the moral sides of ability to live and economy is examined. Authors are declined to strengthening of the cultural – ethical base of industrial transformations and variability of models of modern capitalist economy.

Economy. Economic influence. A spiritual life. Morals.

Развитие бизнеса предполагает систему вознаграждений, связанных с мотивом достижений личности и соответствующим престижем. Универсальными формами подкрепления являются общественная известность и почет, в наиболее зримом выражении – слава. В анализе непосредственных и стабильных форм субъективного успеха К. Мангейм обращается к его конкретным проявлениям. Так, относительное постоянство карьерных достижений обеспечивается ростом гарантированного влияния в обществе, которое расширяет возможности распоряжаться его материальными ресурсами и распространять свое социальное влияние. Напротив, М. Вебер говорит о вероятностном смысле «шансов» и «возможностей» предпринимателей, которые превосходят факторы наличной выгоды, собственности или институционального положения. Последние являются показателем того, что данное лицо определенным образом контролирует имущественные активы и имеет широкое влияние в границах жизни социума [1, с. 119].

В то же время речь идет об относительно стабильном моменте, который гарантирует прибыль и различные дивиденды в зависимости от постоянства общественного устройства. Простой гражданин может считать «миллионера» абсолютно защищенным человеком, однако его положение с социально-экономической точки зрения может быть весьма неустойчивым. К. Мангейм выделяет градации успешности действий бизнесменов: «нестабильные» и «сравнительно стабильные» в противоположность «моральным» и «реальным». Полнота гарантий успеха определяется стабилизацией ценности действий в трех сферах: успех во власти, успех в экономической жизни, успех в карьере [1, с. 120]. Эти области предполагают взаимовлияние и конкретное усиление каждой. Продвижение по властным коридорам

обеспечивает успешность и эффективность экономической деятельности, и наоборот. Целостная эффективность карьеры способна перекрывать по значимости вышеуказанные сферы активности.

К. Манхейм содержательно раскрывает механику взаимообусловленности бизнеса и социума. Положение во власти предопределяет успешность действий на основе ожидаемой реакции окружающих, должностных лиц и подконтрольных статусов. Но непосредственные индивидуальные реакции не играют существенной роли. «Повседневная онтология» эффективного поведения подкрепляется структурой окружающего мира как сопутствующего «твердости» достижений. Успех «реален» в отличие от чисто «морального» признания. В результате рыночная экономика демонстрирует распространенность предсказуемых и подконтрольных линий поведения. Только с развитием цивилизованных отношений приобретает вес «просвещенный эгоизм индивидов», и позиции политической и экономической власти предстают взаимноуравновешенными [1, с.121].

Фактор переменчивости делового успеха предполагает учет гарантий безопасности и постоянства. Действующие индивиды стремятся к участию в тех сферах жизнедеятельности, которые гарантирует контроль над поведением окружающих. Это предполагает определенное «господство» или монополизацию, которые ограничены объективными пределами. По этой причине лишь отдельные, наиболее влиятельные («олигархические») силы имеют прямой доступ к властным позициям, высшим бюрократическим структурам и, как следствие, достигают канонизации делового честолюбия в границах общественного строя (громкие имена российских магнатов – лишнее тому подтверждение).

Переходные ступени этого процесса сводятся к следующему. Первоначально бизнес стремится укрепиться во власти (государственной, политической, партийной, военной и т.д.). По мере того как экономическая система приобретает рыночные черты и качества, акцент переносится на экономику, расширяются возможности ее контроля и одновременно усиления социального статуса предпринимателей. Согласно наблюдениям В. Зомбарта, «богатство посредством власти» уступает место «власти посредством богатства». В перспективе лица, располагающие властью и приобретающие новое статусное положение (вместе с ним богатство), переходят в разряд тех, кто богат и занимает положение, гарантирующее стабильные властные позиции.

В широком смысле социальный и экономический напор действующих индивидов намного превышает энергию усилий людей в культурной или спортивной сферах. Здесь успешность актов и контактов менее стабильна и долговременна, нередко предполагает переход в маргинальные слои. Деятели искусства и спортсмены попадают в разряд общественного признания и славы, но в последующем не могут рассчитывать на постоянство вознаграждений, соотнесенность с властными позициями. В свою очередь, экономическая деятельность конкретна, что исключает монопольное положение и постоянство планируемого успеха. Но ее основой являются постоянные честолюбивые устремления отдельных лиц и групп, которые совершают восхождение на вершины «общественного статуса». При этом не только всесилие, но и анонимность денег устраняет традиционную жесткость социальной структуры, ограничивает роль властных структур. Особый статус миллионеров и миллиардеров признается во всех обществах, понижает унитарность и личностный характер любых социально-массовых образований.

На индивидно-личностном уровне в условиях экономического господства получают развитие новые подконтрольные формы поведения. Действия граждан связаны с прямыми общественными и прагматическими интересами. По мнению К. Мангейма, существенный смысл приобретает не отсутствие формальной свободы, а необходимость придерживаться «правильного поведения», хотя возможность следовать переменчивым линиям индивидуальной судьбы не сокращается, а, напротив, расширяется. Экономическая необходимость является важнейшим инструментальным средством «приручения» социальных индивидов, формой их общественной адаптации. Как таковая власть и ее институты не способны проникать во все «ячейки социальной паутины», в то время как экономическая детерминация в

силу господствующего положения формирует тенденцию создавать и взаимоувязывать «рациональные линии поведения». В поле воздействия экономики втягиваются разнообразные типы активности, действий и реакций. К. Мангейм не случайно признает: «Деньги, несмотря на то, что их могущество предполагает и закрепляет свободу, тираничны и предопределяют индивидуальную судьбу в большей степени, нежели открытый деспотизм, скажем, в лице феодального князя, в распоряжении которого только политические средства принуждения. Экономические силы воздействия опираются на личный эгоизм и пристрастия человека, которые переводятся в разряд социальной интеграции. Соответственно, происходят качественные изменения в социальных функциях интеллектуального, духовного и культурного факторов общественной жизни» [1, с. 124].

В советский период обществу при всей его тотальной заорганизованности постоянно приходилось обращаться к фактору сознательности, сочетанию материальных и моральных стимулов, нравственно-этическим кодификациям. Так, в программных государственных заявлениях утверждался стратегический курс на достижение духовного богатства, нравственной частоты, эстетического совершенства. Но реально направлять и контролировать поведение граждан удавалось только в общественно-политической и военной сферах. Неподконтрольные аспекты образа мыслей и действий приводили к появлению «фабрики повседневной жизни», которая в случае уменьшения роли идеологического фактора порождала прецеденты негласного, «диссидентского», и в дальнейшем гласного возмущения. Разумеется, существовала система жизненных форм, которая была охвачена структурой социальной реальности, но и она не обеспечивала подконтрольность, достаточную шаблонность и необходимую гомогенность действий. «Надзор» государственного аппарата был бессилен гарантировать предсказуемое поведение даже служащих и чиновников, работников подведомственных структур. Достаточно вспомнить «расшатанность» рабочего дня сотрудников НИИ, различных бюрократических служб, сферы образования.

В результате общество не было «плотно» интегрировано, социальный контроль представал неэффективным, и властным институтам приходилось постоянно «цепляться» за идеологии, подобно тому как в посттоталитарный период государство активно обратилось к религии. Докапиталистическая ментальность обнаруживает тип социального устройства, в котором не существует разделения между традиционными идеологическими компонентами (высшее государственное, партийное, культурно-идеологическое духовенство) и воздействием силовых факторов (правоохранительная система, органы госбезопасности, давление партийного аппарата). На определенное время это гарантирует социальную интеграцию мнимо мирным путем, но радиусы эффективности воздействия государственных институтов неизбежно сокращаются. Силовые воздействия не способны «пронизать» социум и его подструктуры, «голая власть» бессильна, хотя может традиционно признаваться населением. Так, невозможно контролировать повседневные аспекты поведения, реплики, передачу слухов, частных мнений (подобно тому, как в советский период было невозможно повлиять на «разговоры на кухне», обмолвки мнений в общественном транспорте, за исключением целенаправленного сыска за отдельными гражданами). Только в условиях теократических режимов (правление шаха в Иране, тоталитарное руководство в Северной Корее, прецеденты кубинского единомыслия) можно было осуществлять надзор за рассуждениями граждан на улицах, передавать анекдотические ситуации в микрогруппах и т.п.

Таким образом, капиталистическое развитие экономики создает целостную систему социальной взаимозависимости, приводит к доминированию экономических факторов среды, что устраняет «пробелы» в структуре предсказуемого поведения. Соответственно, косвенный контроль путем культивации традиционализма уступает место «просчитыванию», «формированию» оптимумов поведения, что соответствует рационально понятным интересам социальных индивидов. Причем, данный план взаимоотношений, по мнению К. Мангейма, распространяется на иррациональные аспекты поведения. Так, ранее немотивированные отказы, случаи непослушания, преобладание эмоций во взаимоотношениях вовлекаются в орбиту социально интегрированных действий. Пережитки прошлого, отрицание

нововведений, реакция деклассированных слоев населения согласуются с предсказуемыми формами поведения. Там, где ранее властные структуры обнаруживали свою недееспособность, начинает преобладать доминация личной заинтересованности участников взаимосогласованных действий. В результате экономическая система демонстрирует свою эффективность и создает «фабрику повседневной жизни» вне традиционного влияния политико-идеологической системы [1, с. 125, 126].

Хотя доводы К. Мангейма достаточно убедительны, они продиктованы исключительно соображениями о формирующей силе экономической среды. История социально-философской мысли демонстрирует достаточную неоднозначность человеческого поведения в качестве «агента» социального развития. В частности, интерес представляют доводы С. Булгакова в полемике с идеями «экономического человека» как результата процесса возникновения нового типа экономики и новой формы хозяйственной жизни.

Прежде всего, С. Булгаков критикует социальную философию И. Бентама, в границах которой развивается «политическая арифметика», и общество предстает совокупностью «атомов», отталкивающих друг друга в силу противоположности движущих ими интересов. «Экономический человек» – машина в «подсчете» выгод и невыгод, стремлении достигать наибольшую выгоду с наименьшими затратами. На место «живых» индивидов поставлен «класс» людей, которые ничего не хотят знать и понимать, кроме материальных преимуществ и дивидендов. Политическая экономика обособляет от жизнедеятельности «образы Я» человека и, тем самым, закрывает перспективы его оригинального, собственного развития. Но личность не просто отражает окружающую реальность, она «вызывается» окружающей жизнью и не может операционализироваться в бесконечных трудозатратах. Собственно веберовский анализ «протестантской этики» в условиях капиталистического хозяйства приобретает исключительный характер социологического и политологического.

«Хозяйство ведет хозяин», он – всецело властвующий индивид в решении сиюминутных утилитарных задач и полной свободе от «проклятых вопросов» (совести, самореализующей деятельности вообще и т.д.). С этой точки зрения можно говорить о том, что вышеприведенное исследование поведения личности в эпоху индустриализма К. Мангейма является «перегибанием палки», наполнено «стилизацией» экономического духа без необходимых оговорок.

При этом мысли М. Вебера о взаимосвязи нравственных сторон жизнедеятельности и экономики более диалектичны, чем у прямых приверженцев новой системы хозяйствования. Хозяйственная этика является своего рода «куколкой», из которой предстоит вылететь «бабочке» капиталистических отношений. Из этого рождается особый «дух» – непосредственно религия нового общественного строя. С. Булгаков признает, что в его границах развивается сложный хозяйственный механизм, но критически волнует экономический рационализм, который соответствует технике, машинизированной механике, технологическим операциям. С одной стороны, насквозь утилитарный и своекорыстный человек есть проявление духа капитализма; с другой стороны, его поведенческие реакции следует расшифровывать как слепок хозяйственно-этических отношений. Организация жизненного процесса личности образует профессию, но и она может быть обращена к «высшим», духовно-культурным ориентациям. Для действующего индивида, «застигнутого» на рабочем месте, профессиональная принадлежность становится призванием людей, его должны посещать мысли о морально-методической дисциплине жизни, неустанном профессионализме как самоконтроле поведения. Отсюда – двойственный характер протестантской этики и необходимость ее трансформирования. Комментирующие рассуждения С. Булгакова по поводу «идеального типа» капиталиста и «эмпирически найденного среднего типа» сводятся к заключениям: господствующий экономизм есть неблагополучие личной жизни, нивелирование духовных факторов общественного развития. При этом С. Булгаков обращается и к тенденциям формирования православия и объявляет их основой «могучих средств воспитания личности, пробуждения у нее «чувства личной ответственности и долга», так необходимых

для экономической деятельности и всех остальных видов общественного служения [2, с. 56-59].

С. Булгаков осуждает фикции «экономического человека», которые овладели умами многих слоев общества, в том числе интеллигенцией. Соответственно, для деформированной реальностью русской науки необходимо решение общественных задач:

- освободиться от идейных фантомов экономического рационализма и раскрыть сложную природу нового типа человека в условиях капиталистического хозяйства,
- в непосредственно хозяйственной деятельности выявлять мотивы общественного служения и нравственного долга, только в этом случае создается благоприятная духовная атмосфера развития производства, оптимальная сфера распределения, обстановка экономического и социального прогресса,
- никогда не следует забывать о духовных предпосылках экономического оздоровления России, необходимости развития особой хозяйственной психологии как дела общественного самовоспитания.

Это значит, что модернизирующая операционализация идей «протестантской этики» М. Вебера русским философом создает основу понимания позитивного перелома в исторической судьбе России, логико-теоретическую базу осмысления переломных «вех» отечественного хозяйства и положения в нем человеческой личности. Для С. Булгакова западная цивилизация имеет «наполовину» гуманистические корни, склонность к усилению индивидуализма как проявлениям «невозрожденного человека» [2, с. 62-64].

Сегодня сравнительное осмысление преимуществ капитализма и социализма склоняется в пользу «энергичного перехода» к позитивному общественному устройству, в котором рыночная организация должна соответствовать адекватным формам политико-идеологического и социокультурного устройства. В частности, необходима социально-человеческая подготовленность к новым внутриорганизационным отношениям в границах рыночно-капиталистической реформы. Согласно П. Бергеру «сверхзадача состоит в том, чтобы добиваться проверки и опровержения ряда классических установок понимания развития капитализма, критического восприятия индивидуалистической культуры. Различные подсистемы общества (социальная, культурная, политическая) должны быть подчинены выбору обновленных механизмов распределения, вне «командных» методов управления поведением личности. При этом П. Бергер, как С. Булгаков, настаивает на взаимосвязи культурно-этических истоков рационального типа хозяйства и определенных религиозных установок. Феномен «рационализации» как основной двигатель современности следует подкреплять позитивными формами взаимосоглашений.

Разумеется, человеческая личность по-прежнему извлекает выгоды из своего профессионального положения, но «новый класс» – это и «знающий класс», объединенный наличием общей субкультуры. Отсюда – усиление культурно-этического фундамента индустриальных преобразований и вариативность моделей современного капиталистического хозяйства [3, с. 96, 101-104].

Естественно, что культурно-психологические основания профессиональной деятельности (шире – ее духовные компоненты) признаются далеко не всеми бизнесменами. Большинство из них считает себя прагматиками и, соответственно, разделяет утилитарно-прагматические воззрения. Это значит, что в большинстве видов деловой активности приходится считаться с конечным результатом, иначе говоря, стремиться не столько к знаниям, сколько к умениям его достигать. «Прагматисты в бизнесе, – подчеркивают Р. Фредерик и Э. Петри – знают, как достигать цели, как следует сделать свою работу. При этом часть бизнесменов признает необходимость сочетания деловых навыков с трудолюбием, этичностью действий и поступков, другая – отвергает подобные абстрактные вещи и подходы. Во всех случаях следует заставить «работать себя и других», «сами обстоятельства».

В свое время У. Джеймс подчеркивал: истинность идеи доказывается тем, обладает ли она ценой, причем в терминах эффективного опыта. Естественно, что моральная (нравственная) идея, не приносящая ощущаемой пользы, должна считаться ложной. Если невозможно

«оседлать» какое-либо теоретическое положение, оно становится в лучшем случае «не инструментально истинным». Таким образом, практическая целесообразность поступков должна быть ближе человеку, чем способы и результаты его мышления. Например, в современном менеджменте считается, что он развивается по своим внутренним законам, и обращение к «постороннему» (этике, культуре, духу) является отклонением от них. Разумеется, последние должны быть исключены, поскольку вовлекают специалистов-прагматиков в конфликт с обществом. Даже апелляции к социальной ответственности, по мнению М. Фридмана, объективно разрушают устойчивость современных организаций. Вновь «язык этики» – помеха в оптимизации деловых и личных целей современного работника, дискуссии о роли духовности и нравственности – деструктивны и безнадежны. Вместе с тем ряд сторонников прагматизма считают, что в бизнесе есть место этике. Прежде всего, речь идет о программах корпоративной этики, которая должна проникать во все культурные навыки организации производства. В этом смысле не существует конфликта между этическими требованиями и максимизацией прибыли (речь идет о двух видах практической деятельности). В конце концов, этическое поведение менеджеров становится стилем достижения целей корпорации. Но попрежнему этика не приобретает собственного статуса, ее признание не является условием постоянного присутствия в профессиональной деятельности [4, с. 72-74].

Дополнительный аргумент в пользу этики в бизнесе появляется при анализе его собственных экономических проблем. Приемлемый статус этических требований, как подчеркивалось, состоит в признании того, что их необходимо «терпеть», причем до тех пор, пока это не нарушает итогового баланса деятельности. Но Р. Фредерик и Э. Петри подчеркивают, что бизнес, как любое другое человеческое предприятие, должен внутренне осуществляться с учетом этики. Первый аргумент заключается в следующем: этическая позиция требует, чтобы мы считались с «другими», если их интересы поставлены на карту. Деловые решения имеют всеобъемлющие последствия, и это подразумевает принятие во внимание как экономических, так и социальных последствий для всех заинтересованных сторон. Второй аргумент направлен против позиции непосредственно делового прагматизма, который исключает этические требования. Необходимо учитывать интересы различных групп, поскольку они также способствуют достижению всеобщих целей (в противном случае неизбежно наносится ущерб значимым задачам развития социума).

Авторы приводят суждение У. Джеймса: в той мере, в какой человек чувствует, что нечто – хорошо, он и делает это нечто хорошим. Однако в случае, когда он «приручен» и «оптимизирован», ему следует понимать, что такое «хорошо» и что такое «плохо». Тогда действующий индивид будет делать только то, что хорошо и считать именно это хорошим, иначе вновь возобладает прагматическая позиция «святости» пользы и средств ее достижения: работник будет считаться создателем ценностей и вне его мнения рассуждать об установках поведения нецелесообразно [4, с. 74-75]. Это значит, что необходимо формировать потребности деятельности, которая допускает моральную рефлексию.

Но данная ситуация идеальна, поскольку в конкретных актах и контактах потребности конфликтуют и их согласование требует особых, эффективных усилий. Причем, согласно прагматизму, необходимо достижение следующего компромисса: достижение количественного удовлетворения потребностей, но при наименьшем числе жалоб и трудностей. Естественно, что подобная позиция не усиливает искренность человеческих взаимоотношений. Если нечто не ориентировано на перспективное получение прибыли, то и не имеет ценности. В результате вновь утраченной становится дискуссия о критериях приоритетности деловых соображений или этических требований.

В отечественной социальной философии анализ экономических преобразований сопрягается с детальным рассмотрением факторов духовной жизни. Дух (нематериальное начало) есть умопостигающие отношения к действительности. «Исторически ум, – определяет В. Даль, – общее название познавательной и заключительной способности человека, способности мыслить; это одна половина духа, а другая – нрав, нравственность, любовь, страсти...» В универсальной формуле В.С. Соловьева дух являет собой единство Истины, Добра,

Красоты. По этой причине «обездушивание мира коррелятивно, подчеркивает современный автор, его обескультуриванию [5, с. 56]. Это значит, что духовные ориентации предполагают поиск «блага» как ценности для других людей, бездуховные начала заключает в самом себе «животный человек», для которого благо только для себя может исключить благо всего мира [5, с. 57]. С этой точки зрения хитрость как неотъемлемое качество поведения в предпринимательском мире (расчет, вынашивание замыслов, проектов, ловушки для конкурентов) есть, по известному определению Г. Гегеля, «ум животного».

Именно духовное начало способно подчинить интересы личности в любой сфере деятельности интересам общества, судьбу конкретного индивида потребностям всечеловеческого общежития (что коренным образом отличается от постулатов делового прагматизма). Так, небезынтересным становится разделение Э. Фроммом жизненных ориентаций людей на стремящихся «быть» и способных только «иметь». Принцип служения, о котором говорит С. Булгаков, в случае распространения на профессиональную деятельность, заключает общеморальные характеристики, в предельном выражении «моральную моральность», как определял это явление И. Кант.

Вместе с тем современная экономическая реальность вновь заявляет примат «капиталистического духа» и, соответственно, прежнее значение эффективности, выгоды, расчетливых действий. «Деньги в сфере духа логика, – подчеркивает В.А. Кутырев – всюду деньги – всюду рациональность, расчет, эквивалентность» [6, с. 61]. Не случайным становится превращение действующих индивидов в акторов (actor), то есть активно действующих субъектов в сферах жизнедеятельности, вплоть до культурной и интеллектуальной. Это неизбежно разрушает целостность личности, приводит к «расщеплению» ее внутреннего мира. Но сегодня и среди «убежденных рыночников» появляется немало людей с критическим восприятием подобного рода явлений. Так, Европейское сообщество имеет своим лозунгом: «Рыночная экономика, но не рыночное общество». «Рыночный фундаментализм» подрывает основы развития культуры, искусства, образования, просвещения и, наконец, оказывает негативное влияние на «человеческий фактор» экономической жизнедеятельности. В западных странах экспансия экономики в сферы духовной жизни сдерживается объективно: производственные компании агрессивного рыночного типа трансформируются в креативные, адаптивные корпорации с превалирующим значением творческого, интеллектуально-культурного и образовательного факторов. «Человек-актор» потенциально направляется в своем развитии к личности, богатой человеческой индивидуальности.

Разумеется, это лишь начальные точки процесса модификации традиционной экономической жизни. В перспективе формирование не только духовной жизни общества, но и непосредственно духовности как основы самостроительства личности, перевода универсума внешнего бытия во «внутреннюю Вселенную» человека на этической основе [6, 21, 29]. Вместе с тем развитие самотождественности человека сопрягается с резкой трансформацией исторических обстоятельств, новой глобально-смысловой космогонией. Но это предполагает дальнейший анализ вышеуказанных проблем человека, его деятельности, бытия, духовного совершенства.

Библиографический список

1. О природе экономических амбиций и значении этого феномена в социальном воспитании человека / К. Мангейм. // Мангейм К. Очерки социологии знания. Проблема поколений – состязательность – экономические амбиции. – М., 2000.

2. **Давыдов, Ю. Н.** Вебер и Булгаков (христианская аскеза и трудовая этика) / Ю.Н. Давыдов. // Вопросы философии. – 1994. – № 2.

3. **Цыганков, А. П.** Вызов капитализма (П. Бергер о социальных ориентирах современного общества) / А.П. Цыганков. // Вопросы философии. – 1993. – № 12.

4. **Фредерик, Р.** Деловая этика и философский прагматизм / Р. Фредерик, Э. Петри. // Вопросы философии. – 1996. – № 3.

5. **Кутырев, А. В.** Духовность, экономизм и «после» : драма взаимодействия / А.В. Кутырев. // Вопросы философии. – 2001. – № 8.

6. **Крымский, С. Б.** Контуры духовности : новые контексты идентификации / С.Б. Крымский. // Вопросы философии. – 1992. – № 12.

Рецензент: Р.Р. Нейман,
канд. экон. наук, профессор ОГИ

УДК 658.3

Р.Р. НЕЙМАН,
канд. экон. наук, профессор ОГИ

К ПРОБЛЕМЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНВЕСТИЦИЙ В ЧЕЛОВЕКА

В статье рассматриваются проблемы содержания интеллектуального капитала в современном предпринимательстве. Возрастание роли гуманизации производства и гуманитарного образования в экономике, а также активизации самого обучающегося. Превращение инвестиций в человека в конкурентное преимущество компании.

Инвестиции в знания. Техническое образование. Гуманитарное образование. Гуманизация производства. Интеллектуальный капитал.

To a problem of efficiency of investments into the person

In the article the problems of the contents of the intellectual capital in modern business are examined. Increase of a role of humanisation of manufactures and humanitarian education in economy, and also activization of the trainee. Transformation of investments into the person into competitive advantage of the company.

Investments into knowledge. A technical education. Humanitarian education. Humanisation of manufactures. The intellectual capital.

В современном предпринимательстве, когда интеллектуальный капитал любой компании становится ее главным конкурентным преимуществом, проблема целесообразности инвестиций в человека и измерения их экономической эффективности приобретает все большую остроту. Эта проблема имеет чисто теоретическую составляющую, связанную с определением того, о чем же, собственно, идет речь. Если раньше утверждали, что на рынке труда продается и покупается не человек, а его способность к труду, то теперь принято говорить о том, что опять-таки не человек, а знания становятся основным товаром. Хотя, что из себя представляют такие знания, не совсем понятно. Фирма приобрела вместе с Microsoft Office Excel, но сотрудники продолжают работать с таблицами в Word, потому что к пользованию Excel они не приучены. Так какой смысл приобретать знания, если сотрудники ими не пользуются? Приобретая трактор за один миллион, фирма становится на миллион богаче. «Приобретая» человека, фирма, на первый взгляд, ничего не приобретает, а только увеличивает статью затрат. Вопрос о том, куда направляются инвестиции, на приобретение способностей к труду, знаний или на приобретение человека и его обучение, не является праздным, ибо существенно меняет сам характер инвестиций.

В основе современной концепции исследований проблемы инвестиций в человека все большее распространение получает понимание того, что речь идет даже не о знаниях, которыми человек обладает, а о доступе к знаниям, или умении в море информации находить необходимые средства решения возникающих в профессиональной деятельности проблем. И в еще большей степени речь идет об умении генерировать новые знания, или о тех знаниях, которые заново рождаются в ходе обучающей деятельности человека, здесь и сейчас.

Таким образом, обучение человека это не вооружение его знаниями, а актуализация его способностей селективно отбирать из ежедневно обрушивающегося на него потока информации полезные для решения его профессиональных проблем знания, и, соответственно, его способности на этой основе генерировать новые *ноу-хау*, то есть именно то «*знание-как*», которое вооружает фирму конкурентным преимуществом.

В этой связи встают три главных вопроса: 1) чему учить, 2) как учить, и 3) как результаты обучающей деятельности реализовать в конкурентное преимущество, увеличив тем самым рыночную стоимость компании.

Говоря о первой проблеме, принято уточнять, что речь идет не только о знаниях, а о знаниях, умениях и навыках, так называемых ЗУНах. Станут знания навыками и умениями или нет, в решающей степени зависит от установки обучающегося, его желания закрепить знания в навыки и превратить их в умения. Такие установки формируются в зависимости от системы ценностей человека, в результате которых одних научно-технический прогресс вооружает новыми средствами служить на благо отечества и близких, других – возможностью облагодетельствовать себя за счет обнищания или вымирания других, третьим дает в руки оружие устрашения, способное навести ужас на окружающих изощренными террористическими актами.

Вопреки распространенному мнению, что в экономике работают технические знания, а гуманитарные являются всего лишь досадным довеском, связанным с необходимостью использовать «человека» и его «способности к труду», вся история XX века и начавшегося XXI свидетельствует о возрастании роли гуманизации производства и гуманитарного образования в частности. Однако без достаточно объективной оценки эффективности вложений в образование вообще и, особенно, в гуманитарное образование трудно ожидать реального изменения инвестиционного климата в этой области.

На первый взгляд, нет ничего более далекого от необходимости в измерении экономической эффективности, как в случае с гуманитарным (или духовным) образованием. Однако отсутствие такого измерения не способствует увеличению инвестиций в эту, несомненно, важную часть жизни любого человека, коллектива и общества в целом. Проблема видится в необходимости решения, как минимум, двух задач:

- определения доли гуманитарных дисциплин в общих затратах времени и финансовых ресурсов на образование;
- определения доли затрат на гуманитарную составляющую в других дисциплинах.

Имеются в виду не только экономические и некоторые другие дисциплины, которые в значительной степени могут быть отнесены к гуманитарным, но и даже естественно-научные и технические дисциплины, поскольку они через проблемы экологии, эргономики, условий труда и других факторов воздействия на духовный мир человека затрагивают гуманитарные проблемы. Это, в частности, характерно для любого технического проекта, который, игнорируя гуманные потребности человека (понятие более широкое, чем потребности духовные), можно было бы значительно удешевить. Затраты, добавленные к техническому проекту из-за необходимости учета человеческого фактора, относятся к гуманитарным и в этом смысле не всегда признаются как необходимые. Они нередко рассматриваются проектировщиками как досадные довески к разумным и, на первый взгляд, достаточным расходам. Мировой опыт свидетельствует об обратном: гуманизация производства в развитых странах во второй половине XX века не прошла бы так успешно, если бы сама гуманизация не была экономически эффективной в первую очередь в сфере самого производства.

Если все экономические затраты разделить на технические и гуманитарные, то естественно, что предельное увеличение гуманитарных затрат может происходить только при адекватном предельном снижении технических затрат. Используя предложенный лауреатом Нобелевской премии Г. Беккером подход, можно утверждать, что

только в том случае увеличение гуманитарных затрат возможно,
когда их предельная полезность выше предельной полезности технических затрат.

Если попытаться ответить на вопрос, в чем же такая полезность могла бы измеряться, то нельзя не обратить внимание на то, что такая полезность может оцениваться только и только самим человеком, осуществляющим в том числе и техническую деятельность. Поэтому предыдущую формулу правильней было бы сформулировать наоборот:

только в том случае увеличение технических затрат возможно, когда их предельная полезность выше предельной полезности гуманитарных затрат.

На первый взгляд, дискуссия плавно переходит в область спора о том, что первично – курица или яйцо, однако в действительности существует очень весомый критерий, утверждающий первичность технических знаний, и он носит явно выраженный экономический характер: при помощи технических знаний можно больше заработать. Ведь общеизвестно, что даже заработки наших поп-звезд в значительной степени определяются теми техническими спецэффектами, которые они могут использовать. Чтобы творить, «физическое лицо» нуждается в материальных условиях жизни. При этом игнорируется, что отсутствие духовных ориентиров лишает «физическое лицо» права собственно называться человеком. Именно поэтому гуманитарные знания нуждаются в защите. (Как, впрочем, и технические, без которых возможности развития духовных потребностей человека были бы весьма ограничены.) Признавая важность обеих составляющих, вначале определим общий подход к оценке вложений в образование, а затем внутри них выделим значимость гуманитарных.

Цену любого продукта можно разделить на три части:

$$\uparrow Цена = \downarrow Материалы + \downarrow Энергии + \uparrow Информация$$

Поскольку развитие производства строится на ресурсо- и энергосберегающих технологиях, а цена при этом растет, то очевидно, что вся добавленная стоимость происходит из прироста информации. Экономически влияние прироста информации на добавленную стоимость можно измерить тем чистым денежным потоком, который он способен генерировать. Величина денежного потока в решающей степени зависит от дисконтного множителя, который в свою очередь зависит от степени рискованности проекта.

$\Delta ДС = \Delta ЧДП / (1 + к),$

где $\Delta ДС$ – прирост добавленной стоимости, $\Delta ЧДП$ – прирост чистого денежного потока, $к$ – коэффициент дисконтирования.

Риск инвестиций в знания возрастает с ростом скорости устаревания информации, что обусловливает высокое значение дисконтного множителя в формуле денежного потока, генерируемого приростом информации. Чем выше скорость устаревания информации, тем выше значение дисконтного множителя и, соответственно, ниже относительное значение эффективности вложений в знания при равных абсолютных значениях.

Из этого рассуждения можно утверждать, что сравнительная эффективность вложений в гуманитарное и техническое образование можно измерять скоростью устаревания знаний в той и другой сфере. Причем в области гуманитарных знаний скорость таких изменений обусловливается адаптационными возможностями человека и общества в целом. На взаимозамещаемости гуманитарных и технических знаний построена следующая матрица:

Адаптационные способности общества	Скорость изменения технических знаний	
	Высокая	Низкая
Высокие	Предельные полезности гуманитарных и технических знаний примерно равны $\Delta Г \cong \Delta Т$	Предельная полезность гуманитарных знаний ниже $\Delta Г < \Delta Т$
Низкие	Предельная полезность гуманитарных знаний выше $\Delta Г > \Delta Т$	Предельные полезности гуманитарных и технических знаний примерно равны $\Delta Г \cong \Delta Т$

Рис. 1. Матрица зависимости скорости изменений технических знаний от адаптационных способностей общества
Условные обозначения: $\Delta Г$ – предельная полезность гуманитарных знаний, $\Delta Т$ – то же технических.

Матрица иллюстрирует зависимость скорости изменений технических знаний от адаптационных способностей общества. Низкие адаптационные возможности общества замедляют скорость технических изменений. При высоких темпах технических изменений в обществе возрастает роль гуманитарного образования в обеспечении адаптационных способностей общества.

Именно гуманизация производства и возрастание роли человека выдвинули на первый план среди всех форм обучения такие формы, которые основываются на активизации самого обучающегося. Наибольшее распространение в этой связи получают тренинги. Хотя не все тренинги можно отнести к активным формам обучения, к сожалению, многие из них ограничиваются решением задачи натаскивания персонала на стандартные процедуры профессиональной деятельности, аналогичные методам дрессировки в цирке. Важна не столько внешняя форма проведения обучающей деятельности, сколько ее внутреннее содержание.

Наибольший интерес здесь представляют кружки качества *КК*, обучение через действие *ОД*, группо-динамические игры *ГДИ* и организационно-деятельностные игры *ОДИ*. У всех этих форм имеется много различий и много общего, позволяющего в практической деятельности не делать между ними выбора, а каждый раз использовать их наиболее эффективную комбинацию. С использованием компьютеризации и других средств так называемого электронного обучения (*э-обучение*, англ. *e- learning*), такое образование можно называть смешанным обучением (*с- обучение*, англ. *blended learning*).

Однако в любом случае такое *с-обучение*, по нашему убеждению, только тогда работает на увеличение интеллектуального капитала компании, когда оно базируется на определенных основаниях.

Во-первых, такое обучение, благодаря генерированию новых ноу-хау, практически стирает грань между собственно образовательным и самим производственным процессом, и не только в условиях специальных экспериментальных площадок, инновационных фирм и бизнес-инкубаторов, но и на обычных рабочих местах.

Однако гораздо важнее для производственного обучения включение *рефлексии* как неотъемлемого свойства процесса обучения, почему одно из определений такого обучения – *рефлексивное*. Это свойство процесса обучения присутствует уже в эмпирических кривых опыта и обучения Гендерсона, где именно рефлексия (см. рис. 2. «Пять пальцев рефлексии») позволяет через «множество мелких улучшений» повышать производительность каждого и компании в целом. Именно максимальная активизация рефлексивных способностей персонала позволяет организации из *обучающейся* превратиться в *самообучающуюся организацию*.

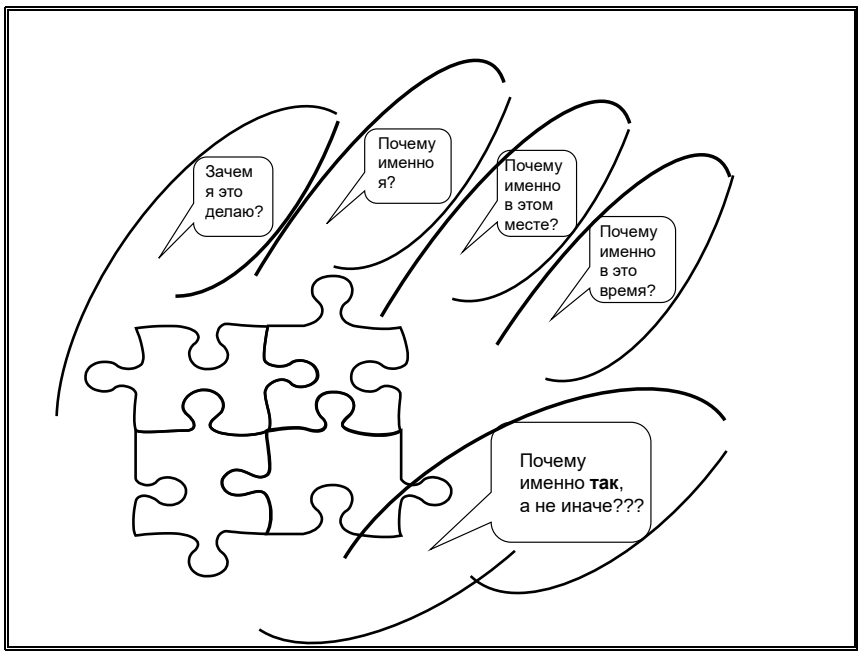

Рис. 2. Пять пальцев рефлексии

Методологически концепция рефлексивного обучения нашла наибольшее развитие в *ОДИ* Г.П. Щедровицкого и его последователей. В этом отношении, однако, нельзя не отметить, что концепция *ОД*, развитая Регом Ревансом и его последователями, значительно уступая в методологии, превосходит первую в практической направленности.

Практическую ценность *ОДИ* снижают два обстоятельства: первое – обычно у последователей Г.П. Щедровицкого, совершенно в духе традиционного заорганизованного обучения, слишком большое значение придается разработке программы и проекта *ОДИ*, хотя на практике не всегда для этого имеются условия и возможности. Сам Г.П. Щедровицкий говорил, что с началом игры организатор свои хорошо отработанные программы и проект должен выбросить в мусорную корзину, ибо он тоже должен играть.

Второе обстоятельство связано с тем, что полноценная *ОДИ* требует полного погружения играющих на срок не менее, как утверждают некоторые последователи, десяти дней. Нами разрабатывалась и в течение ряда лет успешно реализовывалась методика проведения *ОДИ*, ограниченная сроком в пять дней. Но даже частичного отвлечения (на пять дней) топ-менеджмента от решения текущих задач многие компании себе позволить не могут.

Так, в июле 2007 года Тобольский НХК поставил перед нами жесткое ограничение: не более двух с половиной дней. К тому же были крайне ограничены возможности полноценного проведения подготовительного этапа. И все же, несмотря на ряд ошибок, допущенных организаторами и игротехнической командой, во время игры за два с половиной дня были достигнуты те цели, на достижение которых обычно затрачивалось пять – десять дней. Самая сложная из них, поставленная перед нами заказчиком, – сформировать команду с учетом того, что накануне топ-менеджмент компании был почти наполовину обновлен.

Реальная действительность сформулировала перед образованием задачи, от которых она невозможно отмахнуться, если сохранять образование как профессиональную деятельность, включенную в современные бизнес-процессы:

- проводить обучение непосредственно на рабочем месте;
- решать производственные проблемы, не замедляя и не прерывая нормального протекания производственного процесса;
- отвлекать работников от производственного процесса только тогда, когда есть возможность обеспечить более быстрое и эффективное увеличение человеческого капитала компании.

Опыт показывает, что эти задачи можно решать, используя весь арсенал приемов, выработанных в таких формах образовательных процессов, как *КК, ОД, ГДИ* и *ОДИ*, и применяя современные возможности *э-обучения*. Последнее приобретает особую важность в связи с тем, что в практической деятельности даже таких организаций, как упоминавшийся Тобольский НХК, где топ-менеджмент проживает в одном городе, трудно отвлечь от производства и собрать коллектив даже на два с половиной дня. Тем труднее это сделать для компаний, чей персонал иногда рассредоточен по нескольким городам или даже государствам.

Существует мнение, что *э-обучение* обладает рядом существенных недостатков, к которым относят и невозможность проводить тренинги на расстоянии. Наш опыт недостаточен, чтобы делать выводы о преимуществах и недостатках *э-тренингов*, но, на наш взгляд, очевидно, что современные технические средства позволяют проводить такие тренинги в режиме он-лайн, хотя они и привносят определенные особенности. Но и другие формы тренингов имеют свою специфику, связанную с местом и временем проведения, количеством участников, используемыми техническими средствами, кстати, тех же электронных средств обучения (Интернет и др.). Такие особенности вовсе не свидетельствуют о преимуществах или недостатках, а остаются всего лишь особенностями.

Другая, более сложная проблема – как полученные ЗУНы и новые ноу-хау реализовать в конкурентные преимущества и реальное удорожание компании. В связи с этим обратим внимание на то, что в различных аспектах по-разному соотносятся понятия человеческий, интеллектуальный и организационный капиталы.

С позиций профессиональной оценки интеллектуальной собственности интеллектуальный капитал *ИК* включает в себя все то, что можно отнести и к человеческому *ЧК* и к организационному *ОК*:

$$ИК = ЧК + ОК$$

С позиций теории организаций человеческий и интеллектуальный капиталы являются частью организационного, как это трактует, например, Як Фитц-енц:

$$ОК = ЧК + ИК$$

С предпринимательских позиций логичней рассматривать интеллектуальный и организационный капиталы как часть человеческого:

$$ЧК = ИК + ОК$$

У многих авторов эти три понятия используются как синонимы, соответственно, когда говорится об одном, подразумевается включение в его содержание двух других. В то же время их можно развести по достаточно существенным основаниям, определив как разные направления инвестиционной деятельности.

В нашем понимании инвестиции в интеллектуальный капитал – это инвестиции в вооружение человека специальными техническими знаниями, позволяющими ему осуществлять свою профессиональную деятельность, и его ноу-хау, дающее ему конкурентные преимущества по отношению к другим. Они неотделимы от его носителя, соответственно интеллектуальный капитал компании выглядит как сумма интеллектуальных капиталов ее сотрудников. Однако если компания представляет собой некоторое целое, то, по определению Аристотеля, это целое больше суммы его частей. Этим целым компанию делает ее сетевая структура, или система коммуникаций между ее сотрудниками и отделами. В основе же коммуникаций лежит не техническая система (она только обеспечивает возможности коммуникаций), а способности людей коммуницировать друг с другом, понимать друг друга, взаимодействовать друг с другом, все это суть содержание организационного капитала. Инвестиции в организационный капитал – это инвестиции в гуманитарное образование человека, позволяющие ему адаптироваться в социальной среде, каждый раз на новой технической основе заново приобретая смысл своего существования, а также умение жить и

действовать вместе с другими сотрудниками и контрагентами компании для достижения общих целей ее миссии.

Таблица 1

Используемые достоинства различных форм обучения в рамках смешанного обучения (*с-обучения*)

Форма обучения	Достоинства		
КК	Коллективное выявление первопричин недостатков непосредственно участниками процесса с целью недопущения возникновения брака в работе	На любом из этапов никогда не происходит констатации законченности программы улучшения качества, ибо всегда есть место для множества мелких улучшений	…
ГДИ	Формирование благоприятного социально-психологического климата для группового взаимодействия	Оптимизация совмещения нервно-психической деятельности с физиодинамическими процессами в группах	…
ОД	Участники работают над реальными задачами или проектами, работа и учеба синергетически усиливают друг друга	Участники учатся друг у друга в ходе поиска решения реальных проблем, используя знания и опыт друг друга, участие «учителя» минимальное	…
ОДИ	Позволяет планировать, орг-проектировать и осуществлять сложные комплексные процессы коллективной мыследеятельности с использованием межпрофессиональной и межпредметной проблематизации…	Позволяет максимально мобилизовать эмоциональные, психические и умственные способности большого количества людей в сжатые сроки	…
э-обучение	Позволяет организовать взаимодействие в режиме он-лайн персонала, рассредоточенного на больших расстояниях, в т.ч. в различных городах и странах	Позволяет мгновенно использовать не только разнообразные базы данных внутренней сети Интранет, но и ресурсы мировой сети Интернет	…

Чтобы превратить инвестиции в человека в конкурентное преимущество, надо привести в соответствие с миссией компании позицию каждого из ее сотрудников, то есть каждого из сотрудников сделать соучастниками, авторами не только миссии компании, но и всех протекающих в ней бизнес-процессов. Только *с-обучение*, вобравшее в себя все возможности *активных* форм *рефлексивного* обучения, в рамках концепции самообучающейся организации может обеспечить решение такой задачи. Каждая из форм обучения имеет свои достоинства (см. табл. 1), и только «смешав» эти достоинства в рамках *с-обучения*, можно достичь максимального результата.

В каждом конкретном случае организатору обучения необходимо сделать выбор в пользу одной из форм, что не исключает использования арсенала дидактических средств, развитых в других. Напротив, даже применение традиционных обзорных лекций может украсить любое образовательное мероприятие. Сам выбор определяется целесообразностью и возможностями педагогического обеспечения процесса образования.

Таблица 2

Целесообразность применения и педагогическое обеспечение различных форм обучения

Форма обучения	Целесообразно применять в ситуации	Необходимое педагогическое обеспечение
КК	Непрерывного улучшения качества без коренного изменения организации производственных процессов	Минимальное педагогическое обеспечение
ГДИ	Когда ставится задача улучшения социально-психологического климата в коллективе, развития корпоративной культуры в отношениях между сотрудниками	Привлечение профессиональных производственных психологов, тренинг-менеджеров, коучей
ОД	В случае необходимости коренного улучшения или реорганизации бизнеса, внедрения новой деловой культуры или философии управления	Достаточно привлечения квалифицированных специалистов в той области, которая реорганизуется, с участием тренинг-менеджеров, коучей, психологов
ОДИ	При необходимости поиска новых решений, кардинально меняющих организацию производства, при реинжиниринге бизнеса, необходимости в сжатые сроки решить те задачи, которые при ОД требует более длительного времени	Необходимо участие профессиональной команды, владеющей методологическим аппаратом ОДИ, включающей тренинг менеджеров, коучей, психологов
э-обучение	Когда из-за рассредоточенности персонала и невозможности регулярных сборов применение других форм проблематично	От минимального привлечения до использования всех форм педагогического обеспечения

Библиографический список

1. **Беккер, Г. С.** Человеческое поведение : экономический подход / Г.С. Беккер. – М. : ГУ ВШЭ, 2003. – 672 с.
2. **Нейман, Р. Р.** Дидактика самообучающихся организаций / Р.Р Нейман. – Омск : Изд-во Омского гуманитарного института, 2004. – 144 с.
3. **Нейман, Р. Р.** Проблемы аудита и контроллинга персонала / Р.Р. Нейман. – 2-е изд., перераб. и доп.– Омск : Изд-во Омского гуманитарного института, 2007. − 316 с.
4. **Фитц-енц.** Рентабельность инвестиций в персонал : измерение экономической ценности персонала / Фитц-енц. – М. : Вершина, 2006. – 320 с.
5. **Щедровицкий, Г. П.** Организационно-деятельностная игра / Г.П. Щедровицкий. – М. : Наследие ММК, 2004. – Т. 1. – 288 с. ; 2005. – Т. 2. – 320 с.

Рецензент: О.Ю. Патласов,
д-р экон. наук, профессор ОГИ

УДК 330. 322 (075. 8)

О.Ю. ПАТЛАСОВ,
д-р экон. наук, профессор ОГИ;

А.А. АНИСИН,
аспирант ОГИ

НОРМИРОВАНИЕ СТРУКТУРЫ АКТИВОВ И КАПИТАЛА

В статье рассмотрены возможности для нормирования структуры активов и капитала на основе эффекта финансового рычага. Приведена методика нормирования соотношения заемного и собственного капитала и оборотных и внеоборотных активов. Доказано, что нормирование структуры активов и капитала является достижимым на уровне отдельных организаций, что позволяет сделать выводы не только о финансовом состоянии, но и резервах увеличения эффективности финансово-хозяйственной деятельности. Методика применима для коммерческих организаций различных отраслей, за исключением коммерческих банков, других финансовых, страховых, инвестиционных организаций.

Normalization of structure of assets and capital

In the article the opportunities for normalization of structure of assets and capital are considered on the base of effect of the financial lever. The technique of normalization of a parity of extra and own capital and circulating and over circulating assets is resulted. It is proved, that normalization of structure of assets and capital is achievable at a level of the separate organizations that allows to draw conclusions not only on a financial condition, but also reserves of increase in efficiency of financial and economic activity. The technique is applicable for the commercial organizations of various branches, except for commercial banks, other financial, insurance, investment organizations.

The capital. Circulating assets. Over circulating assets. Structure of assets. Structure of the capital. Financial and economic activity.

Цель работы – разработка методики нормирования структуры активов и капитала для использования в экономическом анализе хозяйственной деятельности предприятий (здесь и далее под предприятием понимается хозяйствующий субъект, который может включать в себя одну или более организаций).

Отметим, что если речь идет о группе предприятий, то для достижения наибольшей эффективности экономического анализа необходимо использовать данные, консолидированные по всей группе, т.к. в этом случае будет исключаться влияние дочерних предприятий на хозяйственную деятельность группы.

Эффект финансового рычага (далее – ЭФР) – приращение чистой рентабельности собственных средств, получаемое в результате использования заемных источников (европейский подход).

Главной особенностью приращения рентабельности капитала на величину эффекта финансового рычага является то, что существует возможность привлечь заемные средства, тогда, при превышении эффективности их использования над стоимостью их привлечения, произойдет увеличение рентабельности капитала.

Приведем формулу ЭФР, вытекающую из определения:

$$ЭФР = РСК_{ЗК} - РСК_{0} \quad (1)$$

РСК – рентабельность собственного капитала (здесь и далее в целях настоящей работы индекс ЗК характеризует действительный соответствующий параметр, а индекс 0 характеризует модельное значение параметра для предприятия, не использующего заемный капитал), иначе можно представить выражение ЭФР следующим образом:

$$ЭФР = \frac{ЧП_{ЗК}}{СК} - \frac{ЧП_0}{ЗК + СК} \quad (2)$$

ЧП – Чистая прибыль предприятия.

СК – Собственный капитал предприятия.

В международных стандартах финансовой отчетности чистая прибыль соответствует приросту чистых активов [6].

Модель предприятия, не привлекающего заемный капитал, полностью соответствует данному предприятию с учетом того, что весь его капитал является собственным, и прочими вытекающими из этого особенностями.

Собственный капитал – величина, рассчитываемая как разность между активами и обязательствами. При расчете собственного капитала признание отдельных статей бухгалтерского баланса в настоящей работе будет осуществляться с учетом следующих принципов, заложенных в международные стандарты финансовой отчетности (далее – МСФО) [5], которые отличаются от РСБУ (российские стандарты бухгалтерского учета):

- задолженность учредителей в уставный капитал не признается активом;
- отложенные налоговые активы не признаются активами (признаются в РСБУ);
- резервы предстоящих расходов не признаются обязательствами (признаются в РСБУ);
- отложенные налоговые обязательства не признаются обязательствами (признаются в РСБУ));
- доходы будущих периодов признаются обязательствами (не признаются в РСБУ);
- для расчета ЭФР используется средняя величина собственного капитала (при использовании промежуточных данных как средняя хронологическая).

Эффект финансового рычага можно рассчитать двумя способами:

1. Общий, в которой активы включают только имущество, имеющееся у предприятия на праве собственности, а также на условиях финансовой аренды, если оно учитывается у лизингополучателя;

2. Расширенный, в которой активы включают все имущество, которым предприятие распоряжается, в т.ч. арендованное.

В настоящей работе при определении активов мы будем использовать расширенный подход по следующим причинам:

- зависимость результатов экономического анализа от формальных аспектов (например, при финансовой аренде имущество может находиться как на балансе предприятия, так и за балансом);
- экономической сущностью договора аренды является предоставление активов во временное пользование, что аналогично договору кредита, по которому во временное пользование передаются денежные средства, которые тоже являются активами, но отличаются от арендуемого имущества обезличенностью;
- четкая физическая идентификация активов, переданных во временное пользование, не имеет особого значения для экономического анализа финансовой устойчивости.

Следует отметить, что в соответствии с МСФО активы в финансовой аренде учитываются на балансе у арендатора, а в операционной – за балансом [8].

Таким образом, в настоящей работе арендованное имущество мы будем признавать активами, находящимися в распоряжении предприятия.

Для целей настоящей работы заемный капитал берется на основе платных источников финансирования и включает:

- кредиты и займы;
- облигационные займы;
- лизинговые обязательства;
- обязательства по операционной аренде, учитываемые за балансом;
- прочие заведомо платные обязательства.

Данное правило применяется по причине прогнозирования значения заемного капитала, который возможно расширить, как правило, только за счет платных источников финансирования. Тогда величина арендованного имущества, признанная активами в пассиве бухгалтерского баланса отразится в форме заемного капитала.

Необходимо отметить, что для проведения качественного экономического анализа объекты внеоборотных активов, в т.ч. арендованные, необходимо оценивать по справедливой стоимости.

Теперь детализируем показатели чистой прибыли, приведенные в формуле (2):

$$ЧП_{ЗК} = (1 - СНП) \times (НР - РПО) - \Delta НП - ПНО_{\%} \quad (3)$$

$$ЧП_{0} = (1 - СНП) \times (НР - НА) - \Delta НП \quad (4)$$

РПО – расходы по обязательствам.

НР – нетто-результат, который определяется как сумма прибыли до налогообложения и расходов по обязательствам.

СНП – ставка налога на прибыль организаций, равная на текущую дату 24%.

НА – суммы налогов, которые предприятие уплачивало бы при наличии права собственности на арендованное имущество, которые включают налог на имущество, земельный и транспортный налоги.

В расходы по обязательствам включаются суммы процентов по кредитам и займам, арендная плата и процентная часть лизинговых платежей, а также прочие расходы, непосредственно связанные с привлечением и обслуживанием заимствований.

В соответствии с МСФО лизинговые платежи расходами не признаются, а признается расходами в случае финансовой аренды только амортизация объекта лизинга [8]. В соответствии с РСБУ лизинговые платежи не признаются расходами, только если предмет лизинга учитывается на балансе у лизингополучателя. Арендная плата по операционной аренде признается расходами и по МСФО и по РСБУ. В настоящей работе мы в отношении признания расходов по аренде будем придерживаться вышеобозначенных правил. Нельзя не отметить, что при признании расходов по аренде возможно появление налоговых разниц в следующих случаях:

- если лизинговые платежи, признаваемые для целей налогообложения, меньше амортизационных отчислений по предмету лизинга;
- если предмет лизинга был выкуплен до истечения срока амортизации предмета лизинга.

В настоящей работе указанные налоговые разницы мы не будем принимать во внимание.

В итоге мы можем выразить ЭФР следующим образом:

$$ЭФР = (1 - СНП) \times \left(\frac{НР \times ЗК}{Активы \times СК} - \frac{РПО}{СК} + \frac{НА}{Активы}\right) \quad (5)$$

Выше мы уже сгруппировали ряд показателей и определили абсолютные значения величин, оказывающих непосредственное влияние на ЭФР. Теперь определим относительные величины, которые характеризуют деятельность хозяйствующего субъекта и необходимы для определения ЭФР:

- экономическая рентабельность собственного капитала (ЭРСК), рассчитывается как частное от деления нетто-результата приведенного на собственный капитал, показывает: сколько рублей прибыли остается у предприятия до того, как оно понесет расходы по обязательствам и налогу на прибыль, на один рубль собственного капитала. Напомним, что мы соединили нетто-результат и чистые прочие налоговые обязательства (активы), а также расходы по обязательствам и связанные с ними постоянные налоговые обязательства.
- относительная стоимость привлечения капитала (ОСПК), рассчитывается как частное от деления стоимости привлечения капитала на заемный капитал, показывает:

сколько рублей тратит предприятие, обслуживая свои обязательства, на один рубль заемного капитала.

- приращение экономической рентабельности собственного капитала (ΔЭРСК), рассчитывается как частное от деления суммы налогов, которые предприятие уплачивало бы при наличии права собственности на арендованное имущество, на заемный капитал, показывает: сколько рублей экономит предприятие на налогах, беря имущество в аренду, на один рубль заемного капитала (данный показатель является зависимым от величины заемного капитала, но влияет именно на ЭРСК, а не на ОСПК по своему экономическому смыслу).

Теперь приведем конечную формулу ЭФР:

$$\text{ЭФР} = (1 - \text{СНП}) \times \frac{\text{ЗК}}{\text{СК}} \times \left((\text{ЭРСК} + \Delta\text{ЭРСК}) \times \frac{\text{СК}}{\text{ЗК} + \text{СК}} - \text{ОСПК} \right) \quad (6)$$

Для нормирования структуры активов и капитала мы будем использовать пороговый анализ ЭФР. Пороговый анализ как приложение к определению эффекта финансового рычага включает в себя для целей настоящей работы определение следующих показателей:

- пороговый заемный капитал (ПЗК) – такое значение заемного капитала для предприятия, при котором эффект финансового рычага равен нулю при прочих равных условиях;
- эффективный заемный капитал (ЭЗК) – такое значение заемного капитала для предприятия, при котором эффект финансового рычага достигает максимума при прочих равных условиях.

Рассмотрим зависимость эффекта финансового рычага от заемного капитала при прочих равных условиях. Тогда на рисунке представим функциональную зависимость ЭФР (ЗК) на условном примере:

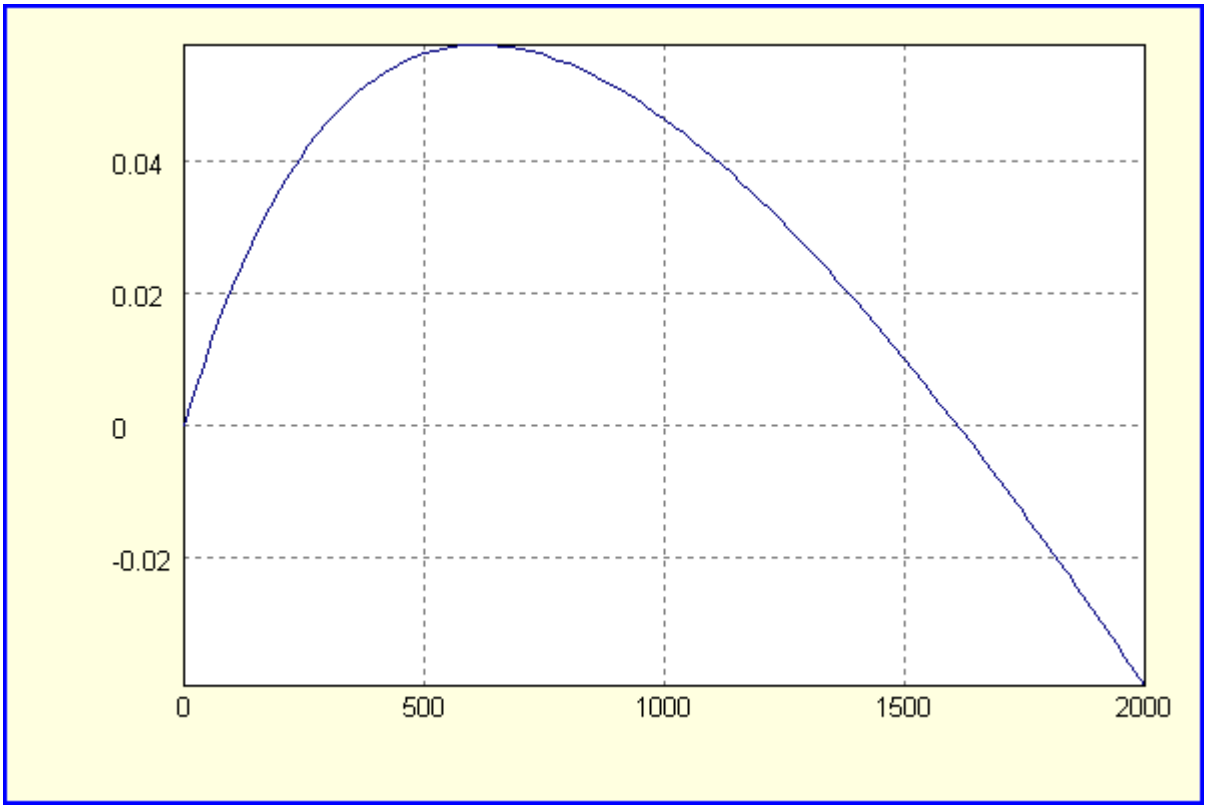

График функции ЭФР (ЗК)

Из формулы (6) видно, что зависимость имеет вид фрагмента одной из непрерывных ветвей гиперболы с одной диагональной асимптотой.

На рисунке видно, что при ЗК равном нулю ЭФР также равен нулю, при увеличении ЗК ЭФР возрастает, пока не достигает максимума при ЗК равном ЭЗК, при дальнейшем возрастании ЗК ЭФР уменьшается до нуля, при ЗК равном ПЗК, и ниже, при дальнейшем увеличении ЗК.

Вывод ПЗК подробно описан в литературе [10]. ПЗК выводится посредством решения уравнения, в котором дифференциал финансового рычага приравнивается к нулю.

Отметим, что ПЗК может в итоге получиться меньше нуля, это обозначает, что при прочих равных условиях получить прирост рентабельности собственного капитала за счет привлечения заемного капитала невозможно. В этом случае ЭЗК не рассчитывается.

Для вывода формулы ЭЗК определяется частная производная ЭФР по ЗК, используя формулу (6), и приравнивается к нулю.

Если рассчитанный ЭЗК подставить в формулу (6), то мы рассчитаем максимальное значение ЭФР при прочих равных условиях.

Используя показатели ПЗК и ЭЗК, а также принимая во внимание, что предприятие способно управлять уровнем заемного капитала, мы можем определить резервы и потери в отношении чистой прибыли:

- прирост (убыль) чистой прибыли за счет привлечения заемных средств (ΔЧП), рассчитывается как произведение собственного капитала и эффекта финансового рычага, показывает: на сколько рублей увеличилась (уменьшилась) чистая прибыль предприятия за счет привлечения заемного капитала;
- резерв прироста чистой прибыли за счет достижения оптимального уровня заемного капитала (РЧП), показывает: на сколько рублей чистой прибыли можно получить дополнительно, если заемный капитал достигнет эффективного значения, при прочих равных условиях:

$$\text{РЧП} = (\text{ЭФР}_{MAX} - \text{ЭФР}) \times \text{СК} \quad (7)$$

По аналогии с заемным капиталом можно рассчитать пороговый коэффициент автономии и эффективный коэффициент автономии, для чего достаточно в формулу его расчета подставить вместо заемного капитала ПЗК и ЭЗК соответственно.

В ходе нормирования структуры активов и капитала мы попытаемся определить нормативы соотношения внеоборотных и оборотных активов, а также собственного и заемного капитала, в частности, для коэффициента соотношения мобильных и иммобилизованных средств, а также для коэффициента автономии.

Нормативы соотношения оборотных и внеоборотных активов в настоящей работе мы будем получать через соотношение их абсолютных нормативов.

Все внеоборотные активы (ВОА) можно разделить на следующие группы:

I группа: ВОА, которые способны приносить экономические выгоды в настоящее время (основные средства; нематериальные активы; долгосрочные финансовые вложения; доходные вложения в материальные ценности);

II группа: ВОА, которые способны приносить экономические выгоды в будущем (незавершенное строительство или вложения в основные средства и НИОКР);

III группа: ВОА, которые не способны приносить экономические выгоды (любые вышеперечисленные непроизводительные объекты внеоборотных активов (например, объекты социальной инфраструктуры).

Все оборотные активы (ОА) можно разделить на две группы:

- зависимые от внеоборотных активов первой и второй групп (материально-производственные запасы);
- независимые от внеоборотных (НДС по приобретенным ценностям, дебиторская задолженность, краткосрочные финансовые вложения, денежные средства).

Зависимость объемов материально-производственных запасов от объемов внеоборотных активов может быть:

- прямопропорциональной, например, в связи с увеличением объемов производства растут запасы сырья;
- обратнопропорциональной, например, в связи с переоборудованием достигнута экономия сырья и снижены их запасы.

Определением необходимого уровня материально-производственных запасов занимается логистика, при этом необходимо учитывать индивидуальные особенности деятельности каждого субъекта в отдельности, чего возможно достичь, только находясь внутри предприятия, а для внешнего анализа это непосильная и не всегда нужная задача.

Исходя из всего вышеизложенного, далее материально-производственные запасы для целей настоящей работы будут привязываться к основным средствам, т.е. предполагается их изменение в той же пропорции, в которой изменяются объемы основных средств.

Объемы внеоборотных активов первой группы должны влиять прямопропорционально на выручку от продаж, т.к. приносят экономические выгоды, аналогично те же внеоборотные активы прямопропорционально влияют на себестоимость продаж, т.к. увеличение объемов реализации неизбежно влечет увеличение себестоимости реализации в той или иной степени, практически при любом виде деятельности.

Прочие доходы для целей нормирования принимать во внимание мы не будем, т.к. их извлечение не является целью деятельности предприятия.

Тогда далее разделим ВОА на следующие группы:

- внеоборотные активы производственного назначения (ВОАПН: основные средства; нематериальные активы) – внеоборотные активы, участвующие непосредственно в основной деятельности предприятия и способные приносить экономические выгоды;
- резервные внеоборотные активы (незавершенное строительство) – внеоборотные активы, которые примут участие в основной деятельности и смогут приносить экономические выгоды в будущем;
- внеоборотные активы в прочей деятельности: доходные вложения в материальные ценности, долгосрочные финансовые вложения) – внеоборотные активы, которые не предназначены для использования в основной деятельности, но способны приносить экономические выгоды;
- прочие внеоборотные активы – внеоборотные активы, обозначенные выше в третьей группе.

Прочие внеоборотные активы для целей настоящей работы признаются ненормируемыми, т.к. они находятся у предприятия для некоммерческих целей. При проведении внешнего анализа, как правило, неизвестно, сколько таких внеоборотных активов использует предприятие, в этом случае можно делать допущение о том, что таких внеоборотных активов у предприятия нет.

Поскольку внеоборотные активы производственного назначения влияют и на выручку (нетто) от продаж, и на себестоимость продаж, то можно выделить функциональную зависимость прибыли от продаж от внеоборотных активов производственного назначения. Тогда при условии прямопропорционального влияния привлеченный капитал при условии достаточности оборотных активов необходимо инвестировать во внеоборотные активы производственного назначения. В данной ситуации существует ограничение инвестиций во внеоборотные активы посредством занимаемой предприятием доли рынка и соответствующим ей платежеспособным спросом. Наличие данного ограничения указывает на то, что объемы продаж не могут возрасти свыше этой доли, а значит, рост внеоборотных активов производственного назначения не приведет к росту доходов от основной деятельности.

Параметры функциональной зависимости прибыли от продаж от внеоборотных активов производственного назначения можно рассчитать следующими способами:

- с применением корреляционно-регрессионного анализа для ряда предприятий одного вида деятельности;

- с применением методов интерполирования для одного предприятия с использованием данных за ряд лет;
- с применением линейной аппроксимации на данных одного комплекта финансовой отчетности (наибольшая погрешность, но простота и возможность проведения в условиях значительной неопределенности).

Линейная зависимость, если не используется корреляционно-регрессионный анализ, является наиболее подходящей в данном случае, т.к. она наиболее проста для применения в условиях неопределенности, а также минимизирует погрешность и упрощает прогнозирование.

Нельзя не отметить, что если анализируется группа предприятий, для каждого предприятия в отдельности, тем не менее, необходимо проделать аналогичный расчет.

Тогда зависимость прибыли от продаж (ПП) от внеоборотных активов производственного назначения будет определяться следующим образом:

$$\text{ПП} = \alpha + \beta \times \text{ВОАПН} \quad (8)$$

Если произвести необходимые подстановки, то будет видно, что эффективность инвестиций во внеоборотные активы зависит от знака разности между β и ОСПК. Если указанная разность положительна, то инвестиции во внеоборотные активы обоснованны и выбирается пороговый норматив, а если отрицательна или равна нулю, то инвестиции во внеоборотные активы необоснованны и выбирается эффективный норматив.

Тогда приращение заемного капитала можно определить следующим образом:

$$\Delta\text{ЗК} = \begin{cases} \text{ПЗК} - \text{ЗК}_1 \mid \beta > \text{ОСПК} \\ \text{ЭЗК} - \text{ЗК}_1 \mid \beta \leq \text{ОСПК} \end{cases} \quad (9)$$

Теперь рассмотрим нормирование оборотных активов, независимых от внеоборотных, в них включаются:

- НДС по приобретенным ценностям;
- долгосрочная дебиторская задолженность;
- краткосрочная дебиторская задолженность;
- краткосрочные финансовые вложения;
- денежные средства.

Как видно, все эти оборотные активы непосредственно связаны с платежеспособностью, за исключением долгосрочной дебиторской задолженности, которую мы для целей настоящей работы признаем ненормируемой, т.е. в норматив по оборотным активам она будет включаться в текущем значении.

Поскольку оставшиеся виды оборотных активов необходимы для обеспечения непрерывности финансового цикла и поддержания платежеспособности, то мы рассмотрим их в данном контексте.

Все эти активы необходимы для покрытия краткосрочных обязательств (КО), тогда рассмотрим все эти оборотные активы с позиции наиболее дестабилизирующего фактора неплатежеспособности, т.е. предположим, что из указанных активов все являются дебиторской задолженностью. Рассмотрим коэффициент покрытия обязательств (КПО).

Коэффициент покрытия обязательств мы рассчитаем как частное от деления поступлений денежных средств по операционной деятельности за период, за вычетом НДС и других косвенных налогов, на совокупность расходов за период за вычетом тех, которые не приводят к возникновению денежных обязательств, а также с поправкой на изменение сальдо по выданным авансам.

КПО показывает, в какой части за период предприятие способно за счет своей основной деятельности, не прибегая к дополнительным источникам финансирования, покрыть обязательства организации перед кредиторами. Тогда изменение данного коэффициента будет влиять на норматив по оборотным активам обратнопропорционально. А норматив

оборотных активов, обеспечивающих платежеспособность предприятия, на конец периода будет рассчитываться следующим образом:

$$Н^{П}_{ОА} = \frac{КО_1}{КПО} \quad (10)$$

Здесь и далее индексом 1 обозначается значение параметра на конец периода.

Таким образом, для целей настоящей работы все активы можно подразделить на следующие части (в скобках указано сокращение норматива, применяемое далее по тексту настоящей работы):

- активы, обеспечивающие платежеспособность предприятия (краткосрочная дебиторская задолженность, денежные средства, краткосрочные финансовые вложения, НДС по приобретенным ценностям; $Н^{П}_{ОА}$);
- материально-производственные запасы ($Н^{МПЗ}_{ОА}$);
- внеоборотные активы производственного назначения ($Н^{ПН}_{ВОА}$);
- прочие ненормируемые оборотные активы (ПОА);
- прочие ненормируемые внеоборотные активы (ПВОА).

Тогда формула норматива для коэффициента соотношения мобильных и иммобилизованных средств ($НК^{М}_{Им}$) будет выглядеть следующим образом:

$$НК^{М}_{Им} = \frac{Н^{П}_{ОА} + Н^{МПЗ}_{ОА} + ПОА_1}{Н^{ПН}_{ВОА} + ПВОА_1} \quad (11)$$

Для детализации формулы (11) необходимо рассчитать нормативы материально-производственных запасов и внеоборотных активов производственного назначения. Их значения можно получить, приняв во внимание следующие факторы:

- покрытие оборотных активов является приоритетным в сравнении с внеоборотными;
- материально-производственные запасы изменяются пропорционально внеоборотным активам производственного назначения.

Итак, мы рассмотрели способы нормирования структуры активов и капитала. Мы доказали определяющую роль эффекта финансового рычага при определении соотношения заемного и собственного капитала, а также способность эффекта финансового рычага повлиять на соотношение оборотных и внеоборотных активов. Это означает, что в итоге работы можно получить полноценную методику нормирования финансовых коэффициентов не только изложенных в настоящей работе, но и других с ними тесно связанных.

Библиографический список

1. Налоговый кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] – Режим доступа : http : // base. consultant. ru
2. Приказ МФ РФ № 10н, ФКЦБ РФ № 03-6/пз от 29 января 2003г. «Об утверждении порядка оценки стоимости чистых активов акционерных обществ» [Электронный ресурс] – Режим доступат : http : // base. consultant. ru
3. ПБУ 18/02 «Учет расчетов по налогу на прибыль» (утв. Приказом МФ РФ от 19 ноября 2002г. № 114н) [Электронный ресурс] – Режим доступа : http : // base. consultant. ru
4. ПБУ 15/01 «Учет займов и кредитов и затрат по их обслуживанию» (утв. Приказом МФ РФ от 19 ноября 2002г. № 114н) [Электронный ресурс] – Режим доступа : http : // base. consultant. ru / cons / cgi / online. cgi? req=home
5. Framework for the Preparation and Presentation of Financial Statements issued by the IASC in July 1988// [Электронный ресурс] – Режим доступа : http : // www. iasb. org

6. IAS 1 «Presentation of Financial Statements» // Commission Regulation (EC) No 2238/2004 of 29 December 2004 – «Official Journal of the European Union» L394 of 31 December 2004 [p. 4-27].

7. IAS 12 «Income taxes» // Commission Regulation (EC) No 1725/2003 of 29 September 2003 – «Official Journal of the European Union» L261 of 13 October 2003 [p. 61-87].

8. IAS 17 «Leases» // Commission Regulation (EC) No 2238/2004 of 29 December 2004 – «Official Journal of the European Union» L394 of 31 December 2004 [p. 83-96].

9. IAS 23 «Borrowing costs» // Commission Regulation (EC) No 1725/2003 of 29 September 2003. – «Official Journal of the European Union» L261 of 13 October 2003 [p. 215-219].

10. **Акулов, В. Б.** Финансовый менеджмент / В.Б. Акулов. // [Электронный ресурс] – Режим доступа : http : // media. karelia. ru

Рецензент: Д.М. Радичка,
к.э.н., профессор ОГИ

УДК 658.6

Е.А. ДМИТРЕНКО,
канд. экон. наук, доцент ОГИ

РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР В ОПТОВО-РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛЕ ПРОДОВОЛЬСТВИЕМ

Автор рассматривает проблемы продовольственной безопасности крупных городов и промышленных центров в современном мире и, в частности, в городе Омске. Приоритетность местных производителей продовольствия в условиях асинхронности рыночных процессов в регионах. Проблемы хранения и распределения по торговым точкам агропродовольственной продукции.

Продовольственная безопасность. Продовольственные ресурсы. Распределительный центр (РЦ).

Distribution centre in wholesale - retail trade of the foodstuffs

The author examines the problems of food safety of large cities and industrial centers in the modern world and, in particular, in the city of Omsk. The priority of local manufacturers of the foodstuffs in conditions of non synchronism market processes in regions. Problems of storage and distribution on shops of agrarian production.

Food safety. Food resources. Distribution centre (DC).

В современную эпоху крупнейшие города или тесно связанные агломерации близко расположенных городов, которые принято называть мегаполисами, играют в экономике ключевую роль. Одной из главных задач органов власти независимо от складывающейся политической и экономической ситуации в стране является продовольственное обеспечение крупных городов и промышленных центров отечественными продуктами питания. Решение этой задачи является одним из ключевых аспектов проблемы продовольственной безопасности. В настоящее время местные органы самоуправления, как властные структуры наиболее приближенные к потребностям людей, стали особое внимание уделять продовольственному благополучию подведомственных территорий, поскольку оно является основой социально-политической и экономической стабильности региона. И зависит от экономического потенциала конкретного города, его социально-политического положения и эффективности мер, принимаемых администрацией города по обеспечению его продовольственной безопасности [1].

Продовольственная безопасность – это обеспечение надежного бесперебойного поступления до потребителя всех необходимых видов продовольствия, в объемах, соответствующих

медицинским нормам потребления, удовлетворяющих спрос подавляющего числа жителей на продукты питания по доступным ценам и отвечающим всем требованиям по качеству.

Продовольственная безопасность города предполагает, прежде всего, наличие у него: устойчивых поставщиков продовольствия и продовольственного сырья; сформировавшейся системы предприятий розничной торговли и общественного питания; эффективной системы контроля качества продовольствия; развитой системы материально-технической базы всей товаропроизводящей сети, включая предприятия хранения, переработки, розничной торговли, общественного питания, транспортировки; системы мониторинга и прогнозирования состояния продовольственного обеспечения; заблаговременно предусмотренных возможностей для ликвидации возникающих причин, дестабилизирующих продовольственное обеспечение (прежде всего, наличие необходимых запасов, резерва) [2].

В отличие от многих стран мира с хорошо развитой рыночной системой продовольственного снабжения, в условиях асинхронности рыночных процессов в регионах обеспечивать город с населением более 1 млн человек, так сказать, непосредственно «с колес» достаточно сложно. Поэтому в таком городе как Омск необходимо создавать запасы продовольствия основных продуктов: мяса, масла, сахара и ряда других от 30 до 45 дней, а по картофелю и овощам – практически от урожая до урожая. Это дорогостоящее дело для тех, кто хранит эти запасы, а, в конечном счете, – и для города. Однако следует признать, что эти запасы практически исключают возможность (в случаях каких-либо непредвиденных обстоятельств с поступлением продовольствия) появления ажиотажного спроса, провоцирующего, как известно, рост цен на потребительском рынке.

Особенно актуальна такая проблема на рынке овощной продукции, цены на которую с января по май 2006 года в городе Омске выросли: на картофель на 12,1%, на капусту – на 81,1%, на свеклу столовую и морковь – на 30-31,1%, на лук репчатый – на 11,4 %[3].

В решении проблем обеспечения продовольственной безопасности города значительное место уделяется установлению и укреплению постоянных связей с товаропроизводителями и поставщиками сельскохозяйственной продукции, продовольственных товаров.

При формировании продовольственных ресурсов приоритет должен отдаваться местным товаропроизводителям. Даже если это на первых порах ведет к определенным издержкам в форме поддержки, в конечном итоге это дает возможность местным сельскохозяйственным товаропроизводителям не снижать объемов производства.

Для нормального функционирования продовольственного рынка необходима пропорциональность между объемом производства продуктов питания и мощностями инфраструктуры: емкостей элеваторов, хранилищ, холодильного оборудования, тарно-контейнерного фонда. Специальное внимание должно уделяться оптимальному пространственному распределению запасов пищевых продуктов [3].

В городе Омске на сегодняшний день предприятий, специализирующихся на хранении и складировании агропродовольственной продукции, насчитывается 32 единицы. При этом 17 из них – коллективные погреба индивидуальных владельцев, общая площадь которых не превышает 7500 м^2. Другие организации тоже не имеют больших площадей и достаточных емкостей для хранения и складирования продовольственной продукции. Торговые, складские помещения и хранилища имеют низкий уровень оснащенности торгово-складским оборудованием, холодильными установками, погрузочно-разгрузочными и фасовочными машинами и механизмами. Образование большого числа новых юридических лиц в результате процессов ускоренной приватизации привело не к росту емкостей хранилищ и улучшению их технического оснащения, а, напротив, к сокращению общего размера складских помещений инфраструктуры продовольственного рынка (в частности, за счет перепрофилирования) и ухудшению их технического состояния.

В последнее время в связи с оживлением розничной торговли и развитием торговых сетей для решения проблем, связанных с их экстенсивным путем развития, возникает необходимость оптимизации цепочек товародвижения и внутренних бизнес-процессов. Одним из инструментов для решения таких проблем является распределительный центр. Он представляет собой не

просто место по физическому хранению и перемещению грузов в структуре сетевой компании, а центр по рационализации товарных потоков – преобразованию поступающей от поставщиков товарной массы в готовые к реализации дробные ассортиментные позиции и быстрому распределению партий по торговым точкам собственным транспортом. Прогрессивная роль распределительного центра состоит в том, что он обеспечивает целостность процесса формирования торгового ассортимента от поставщика до торговой полки [4].

Собственный распределительный центр позволяет экономить на услугах посредников и добиваться лучших условий от поставщиков. Распределительный центр сам по себе не является панацеей: он только часть общего логистического процесса движения товара от производителя к потребителю. При наличии собственного центрального склада розничные сети могут эффективнее работать с поставщиками, управлять ассортиментом и запасом товаров в своих магазинах, проводить предпродажную подготовку товара.

Согласно имеющимся публикациям средняя стоимость распределительного центра (РЦ), если он строится на подготовленной территории (подведены все коммуникации), – $300-500 за м^2, на неподготовленной – от $600-800 за м^2.

Принцип работы распределительных центров, занимающихся оптовыми поставками, заключается в том, что компания закупает большое количество товаров, помещает их в хранилища и затем формирует заказы для клиентов, поставляя товары штуками, коробками или паллетами. Очевидно, что в этом случае один из важных источников повышения эффективности работы – уменьшение операционных расходов, что достигается с помощью автоматизированного решения, контролирующего товарный поток на каждой стадии цикла: прием, пополнение запасов, отбор, упаковка, поставка.

Наличие единого склада позволяет сократить складские площади в розничных точках до 30% от торговой площади.

Настоящий распределительный центр – это автоматизированный склад, в котором все хранящиеся позиции учтены и доступны в режиме on-line.

Преимущества работы через распределительный центр для сети это: централизация поставок для клиента; централизация финансовых потоков для клиента; единые цены на логистику для всей сети; снижение закупочной стоимости товара за счет централизованной поставки; возможность контролировать товаропотоки; возможность планирования поставок по каждой номенклатуре; получение любой информации об остатках, состоянии и движении товара в режиме on-line; адекватная оценка качества товара; доставка товара в магазин точно в срок, спецтранспортом с соблюдением температурных режимов транспортировки.

Для поставщиков преимущества (перед прямыми поставками в магазины) выражаются в значительном снижении транспортных расходов; в расширении возможностей для осуществления максимальной представленности согласованного ассортимента товаров в магазинах сети; в возможности снижения документооборота и связанных с этим расходов; в снижении трудозатрат по обеспечению товаров всей необходимой товаросопроводительной документацией (сертификаты и пр.); в росте объемов продаж товаров (в том числе, за счет оптовой торговли товарами).

В результате созданная многоканальная система товародвижения создаст на продовольственном рынке города Омска конкурентную среду и будет способствовать сокращению числа посредников, приведет к снижению розничных цен и будет отвечать интересам производителей, представителей оптовой и розничной торговли и потребителей.

Библиографический список

1. **Папело, В. Н.** Продовольственная безопасность России : современное состояние и механизмы обеспечения : учебное пособие / В.Н. Папело, А.Н. Радчиков, П.В. Скурихин. – Новосибирск : СибАГС, 2000. – 232 с.

2. **Черняков, Б. И.** Проблема продовольственного обеспечения регионов и социальная стабильность / Б.И. Черняков, О.Г. Овчинников. – М., 1999.

3. **Новоселов, А. С.** Рыночная инфраструктура региона : проблемы формирования и развития / А.С. Новоселов. – Новосибирск : ЭКОР, 1996. – 288 с.

4. **Аверьянов, А.** Распределительные центры как часть логистики : пространство, организованное в бизнес / А. Аверьянов. // Новости торговли : торговое оборудование. – 2004. – № 6. – С. 17-19.

Рецензент: Р.Р. Нейман,
к.э.н., профессор ОГИ

УДК 625.7

Ю. А. ЛЕЛЕЧЕНКО,
соискатель ОГИ

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕТОДОВ ПЛАНИРОВАНИЯ СЕБЕСТОИМОСТИ ДОРОЖНО-СТРОИТЕЛЬНЫХ РАБОТ

Рыночные отношения в сельском дорожном строительстве. Пути увеличения прибыли и снижения себестоимости. Научно-обоснованное планирование себестоимости работ. Приводится пример использования экономико-математической модели при планировании себестоимости дорожно-строительных работ организации «Омскавтодор» Омской области.

Стоимость. Себестоимость. Цена. Прибыль. Технико-экономические показатели. Экономико-математическое моделирование.

Perfection of methods of planning cost prices of road-building works

Market relations in rural road building. Ways of increase in the profit and decrease in the cost price. The scientifically-grounded planning of the cost price of works. It is given an example uses of economic-mathematical model at planning the cost price of road-building works of organization «Omskavtodor» of Omsk area.

Cost. The cost price. The price. Profit. Technical and economic parameters. Economic-mathematical modeling.

Осуществление рыночных отношений в дорожном строительстве выдвигают на первый план ряд актуальных вопросов, представляющих большой научный и практический интерес. К числу важнейших из них относятся определение величины прибыли, рентабельности и себестоимости дорожно-строительных работ.

Внедрение рыночных отношений невозможно без совершенствования методов ценообразования и планирования себестоимости, особенно в сельских дорожно-строительных организациях, для которых характерна определенная специфика условий производства дорожно-строительных работ низовых дорожно-строительных организаций. Поскольку прибыль определяется разностью между ценой продукции и ее себестоимостью, обоснованный уровень цен на строительную продукцию и реальное планирование задания по снижению себестоимости работ являются необходимыми условиями функционирования отрасли. Нашему обществу не безразлично, за счет каких источников финансирования увеличивается прибыль, поэтому повышение эффективности основных дорожно-строительных фондов, снижение себестоимости продукции и рост производительности труда – вот путь увеличения прибыли.

Развитие сельского дорожного хозяйства и быстрый рост индустриальной базы на селе, реализуемые в соответствии с основными направлениями экономического и социального развития автомобильного комплекса РФ на 2000–2005 гг. и до 2010 г., неразрывно связаны с выполнением намеченной на пятилетие программы дорожного строительства. Она играет важную роль в осуществлении рыночных отношений.

Стоимость, себестоимость, цена и прибыль представляют собой систему объективных взаимосвязанных показателей, имеющих огромное значение для разработки и выполнения мероприятий по увеличению роста рентабельности и благосостояния народа.

К числу основных форм, в которых используется стоимость в хозяйственной практике, относится цена.

Себестоимость органически связана со стоимостью и в то же время отличается качественно и количественно. В себестоимости практически осознается величина как индивидуальной, так и общественной стоимости, она играет основную роль в осуществлении хозяйственного расчета. Для выявления рентабельности производства дорожно-строительные организации должны постоянно соизмерять себестоимость производимой дорожной продукции с общественно необходимыми затратами на ее строительство – со стоимостью. Таким образом, себестоимость отражает уровень хозяйственного руководства строительства дорог, рост его технической оснащенности, совершенствование технологии и организации дорожного строительства.

Дорожно-строительная продукция отличается от продукции других отраслей материального производства своей неподвижностью и прикрепленностью к определенной территории района. Так не менее по своей экономической природе она является товаром. Товарная природа дорожно-строительной продукции предопределяет, как и в других отраслях народного хозяйства, действие закона стоимости. Важнейшими формами планомерного использования закона стоимости является плановая система цен, хозяйственный расчет, финансы и кредит. В этом отношении дорожное строительство ничем не отличается от других отраслей материального производства. Однако закон стоимости здесь проявляется в такой специфической категории, как сметная стоимость, которая отражает общественно необходимые затраты на строительство автомобильных дорог и выполняет роль цены на продукцию.

Возрастающее значение себестоимости работ связано не только с необходимостью углубления рыночных отношений в дорожно-строительных организациях в условиях рыночных отношений и совершенствования ценообразования – она является исходной базой построения цен.

В практической деятельности подрядных дорожно-строительных организаций, несмотря на эффективные методы руководства, при строительстве автомобильных дорог наблюдается несоответствие индивидуальных и общественно необходимых затрат, получаемых дорожно-строительными организациями в составе сметной стоимости.

Отрыв сметной стоимости от реальных издержек производства объясняется конкретными условиями выполнения работ, а иногда и примененными в дорожном строительстве сметными ценами и нормами в течение длительного периода (за последнее двадцатилетие изменение цен и норм в дорожном строительстве происходило в 1968, 1969 гг.) при наличии существенных сдвигов в методах производства работ, индустриализации и т.п.

В условиях рыночных отношений прибыли отводится первостепенная роль, так как она характеризует конечные результаты хозяйственной деятельности дорожно-строительных участков. Основным источником повышения рентабельности в рыночных условиях остается снижение себестоимости дорожно-строительных работ. От научно обоснованного планирования стоимости и себестоимости работ зависит рентабельность производства, а несоответствие индивидуальных затрат общественно необходимым приводит к отклонению цены строительной продукции от ее стоимости.

Планирование задания по снижению себестоимости дорожно-строительных работ по достигнутому уровню прошлого периода не позволяет полностью учитывать изменения условий производства работ в предстоящем периоде и вскрывать резервы строительно-дорожных организаций. Это ставит в экономически несопоставимые условия высоко- и малорентабельные строительно-дорожные организации, так как организации, не выполнившие в базисном периоде плана по себестоимости работ, получают на предстоящий период заниженное задание по сравнению с другими, и наоборот. Определение плановых затрат на строительное производство методом калькулирования на основе технико-экономических

расчетов является наиболее обоснованным, но этот метод трудоемок и длителен по срокам разности. В некоторых случаях практика и методы определения плановой себестоимости работ базируются на ускоренных показателях, заложенных в сметные нормы. Это не обеспечивает точности и достоверности плана, ибо такой подход не учитывает конкретных условий производства работ.

Проведенные исследования, а также анализ опыта работы передовых строительно-дорожных организаций показали, что одним из перспективных методов определения плановой себестоимости работ является расчет изменения издержек производства под влиянием технико-экономических факторов и мероприятий, характеризующих технические, организационные, хозяйственные, экономические возможности строительно-дорожной организации. Однако существующая классификация и перечень факторов требуют уточнения в зависимости от специфики отрасли.

Анализ опубликованных и фактических данных выявил, что условия дорожного строительства, особенно на селе, отличаются от условий городского и промышленного строительства рассредоточенностью и отдаленностью дорог от опорной базы и от предприятий стройиндустрии и в связи с этим передвижным характером работ, незначительными объемами строительно-дорожных работ в одном из отдаленных сел от райцентра; отсутствием подъездных путей ко многим строящимся автодорогам в осенне-зимний и весенний периоды.

Действие комплекса мероприятий и факторов в зависимости от организационного уровня, а также указанные особенности, присущие сельскому строительству, по-разному сказываются на величине издержек производства.

В связи с этим произведена группировка показателей с учетом специфики отрасли, что способствовало упорядочению взаимосвязи и взаимодействия различных факторов на уровне затрат и позволило сократить их общее число.

Рассмотрены факторы, которые оказывают определенное влияние на уровень затрат – непроизводительные потери рабочего времени; число множества строительных площадок; объем работ, выполненный собственными силами; трудоемкость работ, грузооборот автотранспорта, фондооснащенность производства; производительность труда, фондоотдача основных производственных фондов, численность работающих на строительстве дорог.

Показатели «количество строительных площадок» и «грузооборот автотранспорта учитывают» специфику производства работ.

В настоящее время в практике планирования и анализа находят применение современные методы математической статистики и средства вычислительной техники, в частности, построение корреляционных и регрессивных моделей.

В результате исследований выявлена необходимость совершенствования методов определения плановой себестоимости при строительстве автодорог с использованием многофакторных моделей и учетом конкретных условий производства работ на сельских дорожно-строительных участках.

Научно обоснованное планирование себестоимости работ по отдельным дорожным организациям может быть осуществлено не на основе анализа факторов, влияющих на уровень затрат строительного производства. Такие расчеты будут наиболее достоверны, если они строятся на оценке технико-экономических показателей, отражающих реальную действительность явлений. Для определения количественной оценки в экономических расчетах в последнее время широко используются методы математической статистики, которые позволяют определить степень влияния хозяйственных процессов в отдельности и в совокупности на основные результативные показатели. Применению этих методов должен предшествовать качественный анализ, который дает возможность установить сущность и причинную связь метода с изучаемыми процессами. В связи с проблемой методологии статистического (т.е. количественного) изучения форм развития капитализма в промышленности В.И. Ленин в своих трудах отмечал: «Лишь после того, как выяснены сущность этих форм и их отличи-

тельные особенности, имеет смысл иллюстрировать развитие той или другой формы посредством отработанных надлежащим образом статистических данных».

К. Маркс в работе «Капитал» также большое внимание уделяет качественному выявлению зависимости одних величин от других, изучению последствий количественных изменений и их динамики.

Деятельность дорожно-строительных организаций настолько динамична и взаимосвязана, что любое мероприятие приводит к одновременному изменению нескольких технико-экономических показателей. Поэтому до экономико-математического моделирования себестоимости работ целесообразно проводить технико-экономический анализ основных для данного вида исследований показателей с их аналитической обработкой, систематизацией, группировкой, сопоставлением и обобщением полученных результатов.

Технико-экономический анализ обследованных сельских дорожно-строительных организаций выявил различия в уровне затрат отдельных организаций, работающих примерно в одинаковых условиях, и величины отклонения фактической себестоимости от плановой и сметной. Установлено, что основными причинами превышения фактических затрат над плановыми являются:

- несоответствие расстояний перевозок дорожно-строительных материалов сметным и транспортным схемам. В 2000–2005 гг. по «Омскавтодор» перерасход по этой причине составил 55–60% всей суммы удорожаний по статье «Материалы». В то же время отдаленность строительства автомобильных дорог и отсутствие собственных баз в дорожно-строительных организациях вынуждает сельские дорожно-строительные участки перевозить материалы на значительные расстояния;
- одновременное производство работ на большой протяженности автомобильных дорог с малыми объемами работ на каждой из них. Как показали исследования, сельские дорожно-строительные организации, ведущие производство работ на 10 и более участках, имеют уровень тактических затрат выше на 6%, трудоемкость работ – на 20%, а потери рабочего времени больше, чем на 50% по сравнению с дорожным участком, осуществляющим строительство дорог на 5 и менее участках (в расчете на 1 млн. руб. объема работ, выполненного собственными силами). При рассредоточенном строительстве создаются менее благоприятные условия рациональной организации производства работ, применения методов поточного строительства и ритмичности работ, в связи с чем наблюдаются большие потери рабочего времени и низкая производительность труда;
- сравнительно небольшие объемы работ, выполняемые одной дорожно-строительной организацией. По обследованной совокупности, годовая программа одной дорожно-строительной организации составила 1,3 млн. руб. Увеличение объема строительных работ дорожно-строительной организации до определения границ в значительной степени отражает процесс концентрации дорожно-строительного производства, что способствует лучшей организации труда рабочих, рациональному использованию материальных ресурсов, основных производственных фондов и на этой основе повышению производительности труда, выраженному в уменьшении трудозатрат (чел.-дн.) на единицу продукции. Укрупнение строительно-дорожных организаций положительно влияет на уровень фактических затрат сельских дорожно-строительных организаций.

В таблице 1 приведена группировка дорожно-строительных организаций в зависимости от годовой программы выполнения дорожно-строительных работ и их технико-экономических затрат за период 1995–2000 гг. и 2000–2005 гг.

Таблица 1

Группировка дорожно-строительных организаций в зависимости от годового объема работ и технико-экономических затрат

Группа организаций	Годовой объем работ, выполненных собственными силами, млн руб.	Основные технико-экономические показатели в расчете на 1 млн руб. объема работ, выполненных собственными силами			
		Себестоимость, тыс. руб.	Трудоемкость, чел.-дн.	Потери рабочего времени, чел.-дн.	Грузооборот автотранспорта, тыс. т. км
За период до введения новых сметных цен и норм (2000–2005)					
Мелкие	0,8–1,2	1046	53302	1999	1509
Средние	1,3–2,0	1029	50420	1837	1368
Крупные	Свыше 2,0	952	35843	1669	1155
За период после введения норм сметных цен					
Мелкие	0,8–1,2	995	30382	1123	1296
Средние	1,3–2,0	961	27287	948	1225
Крупные	Свыше 2,1	916	26119	740	1150

Данные таблицы 1 показывают, что в крупных дорожно-строительных организациях по сравнению с мелкими себестоимость и трудоемкость работ соответственно ниже на 7,9 и 9%; потери рабочего времени меньше на 15-30%. Значительное снижение затрат на всех дорожно-строительных участках в 2000-2005 гг. свидетельствует о приближении индивидуальных и общественно необходимых затрат в связи с изменением, в частности, сметных цен и норм в строительстве;

- значительные потери рабочего времени из-за прогулов, простоев и административных отпусков. В среднем величина их по всему периоду составила 3–5% к отработанному времени. Сокращение потерь рабочего времени обеспечивает рост производительности труда, выполнение дополнительных дорожно-строительных работ и повышение рентабельности дорожного строительства;
- низкое использование строительной техники по времени и мощности, отсутствие своевременных ремонтов ее, отсюда снижение фондоотдачи. Существенное влияние на фондоотдачу оказали также невысокий в прошлом технический уровень дорожного строительства и интенсивный рост основных производственных фондов. По анализируемой совокупности наблюдаются опережающие темпы роста технической оснащенности дорожно-строительных организаций по сравнению с темпами роста объемов работ, производительностью труда. Так, по «Омскавтодор» основные производственные фонды увеличились в 2005 г. в 2,1 раза, в то время как объем работ – на 25%, выработка на одного работающего – на 21%, а себестоимость снизилась на 0,8%.

Технико-экономический анализ позволяет установить качественную закономерность и причинную взаимосвязь процессов, происходящих в обследованных дорожно-строительных организациях, и определить дальнейшее направление экономико-математического моделирования себестоимости работ для выполнения количественных зависимостей между изучаемыми показателями.

При установлении количественных зависимостей по методу наименьших квадратов одной из основных задач является определение вида функций, т.е. отчисление такого уровня, который наилучшим образом отражает связи изучаемых экономических явлений. Вопрос и обоснования типа кривой регрессии (формы связи) – сложный этап моделирования экономических процессов, так как в каждом отдельном случае приходится избирать индивидуальные способы решения поставленной задачи. Проведенные исследования влияния факторов на себестоимость работ позволили рекомендовать следующие методы выбора формы связи: использование известной теоретической закономерности в изучаемых процессах и наблюдениях с привлечением для их оценки методов экономического анализа между показателями; применение опыта и результатов предыдущих аналогичных исследований, критическое изучение и использование подобного рода исследований других специалистов с привлечением данных экономического анализа (по фактическим наблюдениям); наглядное (графическое) изображение фактических показателей, данные анализа и последующее сопоставление их с общеэкономическими закономерностями; комплексное использование теоретической закономерности, данных экономического анализа в сочетании с графическим изображением и результатами аналогических исследований.

Таблица 2

Уравнения зависимостей показателя себестоимости работ (*C*) от основных факторов-аргументов и их статистические характеристики

Факторы-аргументы	Уравнение парных зависимостей		Относительное среднеквадратическое отклонение (8)	
	За период до ввода новых сметных цен и норм	За период после введения новых сметных цен и норм	C_1	C_2
Объем работ, выполненный собственными силами (0,8) млн руб.	$C_1 = 949{,}3 + \frac{91{,}58}{0{,}8_1}$	$C_2 = 885{,}1 + \frac{100{,}1}{0{,}8_2}$	0,07	0,064
Непроизводительные потери рабочего времени (Р), чел.-дн.	$C_1 = 979{,}5 + 0{,}023\ Р_1$	$C_2 = 818{,}9 + 0{,}033\ Р_2$	0,064	0,061
Грузооборот собственного и привлеченного автотранспорта (Г)	$C_1 = 970{,}7 + 0{,}238\ Г_1$	$C_2 = 889{,}1 + 0{,}033\ Г_2$	0,066	0,068
Трудоемкость работ (Т), чел.-дн.	$C_1 = 879{,}5 + 0{,}0029\ Т_1$	$C_2 = 883{,}5 + 0{,}00244\ Т_2$	0,063	0,061
Объем применения бетонных конструкций (К), м^3	$C_1 = 1132{,}4 - 0{,}0578\ К_1 + + 0{,}000007\ К_1$	$C_2 = 931{,}2 + \frac{55778}{K_2}$	0,001	0,062
Количество строительства дорог (П), шт.	$C_1 = 997 + 1{,}21\ П_1$	$C_2 = 916{,}2 + 2{,}42\ П_2$	0,072	0,061

Примечание. Числовые значения показателей С, Г, Т, К, П, Р приведены в расчете на 1 млн. руб. объема дорожно-ремонтных работ, выполненных собственными силами.

В проведенном исследовании выбору формы связи предшествовали технико-экономический анализ между показателями. Например, на основе анализа выявлено, что с увеличением количества ремонта дорог происходит рост себестоимости работ. Графическое изображение между ними указывает на линейный характер связи, что и принято при определении количественной зависимости. После установления типа функции с помощью ЭВМ были найдены уравнения регрессии между себестоимостью и производственными факторами и их статистические характеристики. Вычисленные парные уравнения сведены в таблицу 2. На основании парных моделей в работе рассчитана величина себестоимости работ в зависимости от изменения каждого из факторов.

Проведенные расчеты, выполненные по формулам таблицы 2 (пункт 1), показали, что на первом этапе укрупнения сельских дорожно-строительных организаций от 0,8 до 2 млн. руб. наблюдается наиболее резкое снижение себестоимости работ. При дальнейшем росте годовой программы происходит снижение уровня затрат несколько замедленными темпами. Таким образом, одним из мероприятий по снижению себестоимости работ по дорожно-строительным организациям следует считать рост их объемов (на первом этапе до 2 млн. руб., а в дальнейшем до оптимальных границ).

Количественное изменение себестоимости работ в зависимости от грузооборота (рассчитано по табл. 2, пункт 4) приведено в таблице 3.

С увеличением грузооборота происходит рост себестоимости на ОД 8–0,82%. Данные табл. 3 позволяют рассчитать ожидаемое снижение уровня затрат от изменения среднего радиуса перевозки материалов либо принять положительное решение по применению более эффективных материалов.

В каждой дорожно-строительной организации по одним из рассматриваемых факторов достигнуты положительные результаты, по другим – неудовлетворительные, а отдельная группа мероприятий на планируемый период может быть решающей. Поэтому расчеты по уравнениям из табл. 2 помогут оценить эффективность осуществления различных организационно-технических мероприятий.

Таблица 3

Изменение себестоимости работ в зависимости от грузооборота

Грузооборот автотранспорта, тыс. т км	Рост себестоимости дорожно-строительных работ на каждые 10% увеличения грузооборота, %	
	За период до введения новых сметных цен и норм	За период после введения новых сметных цен и норм
500–900	0,19	0,18
900–1300	0,34	0,33
1300–1700	0,48	0,46
1700–2100	0,62	0,59

Разработанные парные зависимости могут быть использованы для количественной оценки себестоимости работ, обусловленных изменениями (в различных интервалах) величины производственных факторов, отбором существенных факторов для конструирования многофакторной модели себестоимости работ.

На основе комплексного применения методов качественного и количественного анализов работы сельских дорожно-строительных организаций «Омскавтодор» приводятся некоторые предложения по снижению затрат дорожно-строительного производства.

Моделирование как метод исследования включает в себя построение уравнений множественной регрессии, их анализ и оценку. Методической основной конструирования таких моделей является теория вопроса и результаты технико-экономического анализа, позволяющие охватить наиболее существенные связи изучаемых процессов и выявить главные факторы, влияющие на уровень затрат. Обязательным условием многофакторных моделей должно быть сохранение закономерностей и принципов планирования, соответствие результатам комплексного анализа экономических процессов.

Отбор факторов для построения уравнения множественной регрессии рекомендуется производить по предложенной методике в три этапа:

1. Технико-экономический анализ (качественный);
2. Применение методов математической статистики (количественный).
3. Совместное их использование.

На первом этапе выполняется подбор информации и факторов, включенных в государственную отчетность и измеряющихся в условном выражении; выявляются возможные дополнительные показатели в связи с отраслевой спецификой дорожно-строительного производства (рассредоточенность строительства сельских дорог); устанавливается примерное число показателей для дальнейшего анализа (число факторов, включенных в модель, должно быть меньше числа наблюдений в 8–10 раз); систематизируются исходные данные; подбираются единицы измерения показателей; производится технико-экономический (качественный) анализ, позволяющий установить причинное влияние показателей на себестоимость работ. В заключение осуществляется оценка отобранных показателей с точки зрения возможности их дублирования. Так, фондоотдача и фондовооруженность являются производными показателями от фондоемкости производства. Поэтому при включении в уравнение множественной регрессии необходимо выбрать из них главный, имеющий наибольшую меру влияния на уровень затрат.

На втором этапе устанавливается форма связи между себестоимостью и производственными факторами; решаются уравнения первых зависимостей; производится их оценка и отбор с помощью статистических характеристик.

На третьем этапе с помощью совместного использования данных качественного и количественного анализов выполняется отбор важнейших факторов, оказывающих существенное влияние на себестоимость работ.

В результате отбора по предложенной методике для построения многофакторной модели оставлены следующие факторы: грузооборот автотранспорта, трудоемкость работ, потери рабочего времени, объем работ; выполненный собственными силами, количество строящихся объектов, объем применяемых малых архитектурных форм, фондооснащенность дорожно-строительного производства.

Модель нельзя усложнять включением малозначащих связей, а также не допускаются при моделировании потерь и отдельных существенных зависимостей или нарушение некоторых закономерностей, так как в противном случае может снизиться эффективность действия моделей при планировании и анализе. Поэтому вышеизложенная методика отбора позволяет выявить существенные факторы (из многочисленной группы второстепенных показателей) и является основой составления наиболее достоверного уравнения множественной регрессии. Сочетание при этом качественного и количественного анализов дает возможность всесторонне оценить место и роль каждого фактора при определении величины себестоимости дорожно-строительных работ.

Общий вид уравнения множественной регрессии можно применять на основе данных технико-экономического анализа и уравнений парных зависимостей. Если парные уравнения линейные и не противоречат качественному анализу, то уравнение связи множественной модели примет линейный характер. Если же из большинства линейных парных зависимостей имеются одна-две нелинейных (в случае отсутствия комплексной программы алгоритма решения), то их необходимо привести к линейному виду с помощью соответствующего математического преобразования.

Для приведения к линеаризации зависимостей между себестоимостью дорожно-строительных работ, объемом применения старых дорожных конструкций и готовой программой работ значения О и К заменены их обратным выражением Z. После преобразования уравнение множественной регрессии принимает линейный характер. Определение параметров, вычисление системы нормальных уравнений и нахождение статистических характеристик решены на ЭВМ «Минск-22».

Как показали исследования, в целях эффективного действия многофакторных моделей необходимо провести оценку возможности использования их в дальнейших расчетах. Такая оценка осуществлена путем установления соответствия качественной характеристики данных уравнения множественной регрессии проведенным ранее исследованиям и общеэкономическим закономерностям. Оценка начинается с логического анализа и проверки знаков, стоящих в уравнении перед параметрами отдельных факторов-аргументов, и определения идентичности качественному и количественному анализам.

Анализ уравнения множественной регрессии показывает, что знаки перед параметрами совпадают с результатами проведенного ранее исследования, теорией вопроса и отражают экономическую сущность процессов, происходящих в обследованных организациях.

Достоверность и надежность многофакторных моделей оценивались с помощью статистических характеристик (коэффициента корреляции, l-критерия, коэффициента эластичности, диапазона максимального колебания), анализ которых выявил их высокую надежность и значимость. В результате в уравнение множественной регрессии включены существенные факторы-аргументы.

Наименование аргументов приведено в табл. 2, а единица измерения К2 в модели 1 дана в тыс. куб. м.

Качественное влияние аргументов на зависимую функцию в корреляционных, регрессивных моделях представляется системой средних величин. Каждая организация осуществляет свою хозяйственно-техническую деятельность при вполне определенных для нее конкретных условиях, которые не всегда могут учитываться и оцениваться методами существующей статистической отчетности и выражены в количественном исчислении как фактор.

В связи с этим применение моделей для планирования себестоимости дорожно-строительных работ требует дальнейшей привязки к индивидуальным условиям работы каждой дорожно-строительной организации.

В качестве метода привязки модели к конкретным условиям рекомендуется введение коэффициента использования производственных возможностей организации в базовом периоде. Коэффициент использования производственных возможностей (Ji) определяется путем отношения фактической себестоимости базисного периода к расчетно-базисной, которая рассчитывается по формуле (1) с помощью подстановки фактических данных базисного периода по каждому фактору. Если Ji больше единицы, то в данной дорожно-строительной организации коэффициент использования ниже, чем в среднем по группе анализируемых дорожно-строительных организаций, и наоборот.

Результаты исследования показали, что для реального определения плановой себестоимости работ в формулу (1) следует ввести коэффициент использования производственных возможностей, учитывающих конкретные условия производства работ низовой дорожно-строительной организации.

Предложенная формула (1) позволяет рассчитать плановую себестоимость на весь объем работ дорожно-строительных организаций, работающих в рыночных условиях. Дорожно-строительные организации, работающие в рыночных условиях, утверждают прибыль на весь объем работ.

Прибыль определяется как разность между ценой и себестоимостью реализованной дорожно-строительной продукции. Поэтому разработана также экономико-математическая модель для определения плановой себестоимости по сданным в эксплуатацию автомобильным дорогам для обследования сельских дорожно-строительных организаций, работающих в рыночных условиях.

Предложенная методика планирования себестоимости, учитывающая ряд конкретных условий производства работ каждой дорожно-строительной организацией основана на технико-экономическом анализе деятельности дорожно-строительных организаций и разработке многофакторных моделей. По формуле (1) дорожно-строительные организации могут определить величину затрат на производство работ задолго до разработки бизнес-плана.

В 2007 г. была осуществлена экспериментальная проверка предлагаемого метода планирования себестоимости работ по ДСУ, ДРСУ «Омскавтодор» Омской области и по формуле (1) определена расчетно-плановая себестоимость работ. Под расчетно-плановой себестоимостью принимается величина затрат на весь объем, установленная по предлагаемой методике. Плановая себестоимость на производство работ определена по существующим методам на предстоящий период.

Для планирования уровня себестоимости работ необходимо иметь на предстоящий период количественные значения основных факторов, входящих в состав экономико-математической модели.

Сопоставление показателей плановой, фактической себестоимости и рекомендуемой по методике расчетно-плановой для организации «Омскавтодор» приведено в таблице 4.

Сравнительный анализ данных таблице 4 показывает, что в рассмотренных сельских низовых дорожно-строительных организациях расчетно-плановая себестоимость работ, исчисленная по предлагаемой методике в совокупности с фактическими затратами, имеет наименьшее расхождение относительных величин по сравнению с отклонениями между плановой и фактической себестоимостью и позволяют более правильно определить предполагаемые затраты в дорожно-строительных организациях.

Таблица 4

Сопоставление показателей для «Омскавтодор»

Организация	Себестоимость работ, тыс. руб.			Отклонения фактической себестоимости, в % от	
	Плановая	Фактическая	Расчетно-плановая	плановой	расчетно-плановой
Тарская	889,3	900	897	1,20	0,30
Большереченская	982	977	983	0,51	0,61
Тюкалинская	963,6	985	964,5	2,15	2,08
Любинская	978,9	1008	989,5	2,40	1,80

Анализ результатов экспериментальной проверки методики определения себестоимости дорожно-строительных работ на примере организаций «Омскавтодор» Омской области дал возможность установить целесообразность ее применения в практике работы других дорожно-строительных организаций Новосибирской, Томской областей, находящихся в примерно аналогичных условиях сельского строительства. Кроме того, отдельные положения методики нашли применение в 2005 г. в некоторых организациях Тюменской области, что позволило повысить обоснованность планирования и анализа дорожно-строительного производства в этих подразделениях.

В заключение излагаются основные результаты, сформулированы выводы и предложения.

1. Практика определения плановой себестоимости дорожно-строительных работ в сельских подрядных организациях, основанная на достигнутом уровне, не всегда учитывает изменения в предстоящем периоде ряда факторов, характеризующих технический прогресс

и особенности производства работ. Это приводит подрядные дорожно-строительные организации в экономически несопоставимые условия, к колебаниям по отдельным организациям плановой и достигнутой величины затрат, что позволило повысить обоснованность планирования и анализа дорожно-строительного производства в этих подразделениях.

2. При действующей системе планирования себестоимости строительно-дорожных работ приближение плановой величины затрат к соответствующим реальным условиям деятельности сельских дорожно-строительных организаций может быть достигнуто путем разработки научно обоснованной методики планирования себестоимости работ с применением экономико-математических методов, с учетом характерных особенностей отрасли и конкретных условий производства работ на строительных участках. Важным этапом разработки такой методики является технико-экономический анализ себестоимости работ и определений парных количественных зависимостей.

Совместное применение технико-экономического анализа и методов математической статистики дает возможность подготовить предложения по снижению уровня затрат на дорожно-строительное производство, а также всесторонне оценить значимость и роль каждого показателя при построении уравнения множественной регрессии себестоимости дорожно-строительных работ.

3. Разработанные на научной основе многофакторные экономико-математические модели позволяют дорожно-строительным организациям рассчитать величину издержек на производство дорожно-строительных работ по факторным методам. С целью эффективного действия многофакторных моделей в практике планирования обоснована их качественная оценка с позиций технико-экономического анализа и теории вопроса. Предложенные модели для планирования себестоимости работ отражают экономическое содержание исследованных процессов, происходящих в рассматриваемых дорожно-строительных организациях.

4. Предложена методика планирования себестоимости СМР с применением методик корреляционного, регрессивного анализов, с учетом специфики отрасли и конкретных условий производства дорожно-строительных работ в сельских дорожно-строительных организациях, основанная на технико-экономическом анализе исследуемых показателей, парных количественных зависимостей себестоимости работ от производственных факторов; методике отбора существенных факторов; использовании многофакторных моделей с соответствующей оценкой и проверкой возможности применения их в практике планирования; экспериментальной проверке рекомендуемых методов.

5. Результаты исследований и материалы экспериментальной проверки предложенной методики, проведенной в организациях Тарского дорожно-строительного управления и в ряде других сельских дорожно-строительных организаций, показывают, что:

- полученные многофакторные модели вполне пригодны для количественного выражения объективно действующих закономерностей и удовлетворительно отражают влияние основных факторов на себестоимость работ;
- разработанные уравнения множественной регрессии с учетом коэффициента производственных возможностей позволяют планировать реальную величину затрат на дорожно-строительные работы;
- приведенные экономико-математические модели помогают определить целесообразность и очередность осуществления мероприятий по повышению эффективности дорожно-строительного производства;
- предложенные методы обеспечивают экономически сопоставимые условия, позволяют стимулировать разработку напряженных плановых заданий для низовых дорожно-строительных организаций и укреплять принципы единства экономических интересов в системе народного хозяйства.

Экспериментальная проверка показала, что использование экономико-математических моделей при планировании себестоимости снижает трудоемкость выполненных работ, увеличивает быстроту планово-экономических расчетов, высвобождает рабочее время плановых и других работников, обеспечивая им условия для всестороннего анализа различных

экономических ситуаций, особенно необходимых при подготовке к переводу всех сельских дорожно-строительных организаций на новую работу в рыночных условиях.

Библиографический список

1. Российский статистический ежегодник. 1994 : сб. ст. – М. : Госкомстат России, 1994.
2. **Лелеченко, А. М**. Фонды и фондоотдача / А.М. Лелеченко, Е.П. Панкратов, В.В. Бобылев.
3. **Бузырев, В. В.** Планирование на строительном предприятии : учебное пособие / В.В. Бузырев, Ю.П. Панибратов, И.В. Федосеев. – М. : Изд-ский центр «Академия», 2004.
4. **Николаев, В. П.** Введение в рыночную экономику строительства / В. П. Николаев. // Экономика строительства. – 1994. – № 4 ; № 3.
5. **Ткаченко, В. Я.** Экономика строительства : учебное пособие / В.Я. Ткаченко, А.И. Щербаков. – Новосибирск : СГУПС, 2002.
6. Экономика строительства : справочник / И.Г. Галкин [и др.] – М. : Стройиздат, 1989.
7. Экономические реформы и инвестиционная политика / Н.А. Волгин [и др.] – М. : РАГС, 1996.
8. **Лелеченко, А. М.** Совершенствование механизма образования прибыли / А.М. Лелеченко. – М. : ИНИОН 1988.
9. **Лелеченко, А. М.** Нужны новые подходы / А.М. Лелеченко. // Земля сибирская, дальневосточная. – Омск, 1989.
10. **Лелеченко, А. М.** Ритмичность в строительном производстве / А.М. Лелеченко, М.М. Макаренко. – М. : ВНИИНТПИ, 1990. – С. 7.

Рецензент: О.Ю. Патласов,
д-р экон. наук, профессор ОГИ

РАЗДЕЛ III
Социология, психология, педагогика

УДК 338.5

П.А. СТЕПНОВ,
канд. экон. наук, доцент ОГИ;

А.П. СТЕПНОВА,
аспирант ОмГПУ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ. ПАРАДОКСАЛЬНОСТЬ ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОГО РЫНКА

В статье обсуждаются проблемы ценообразования в переходных условиях российского рынка. Авторы полагают, что характерные особенности ценообразования в России весьма специфичны по сравнению с мировой практикой по причине наличия феномена ментального гистерезиса потребителей.

The psychologist problems of price-making The paradox of Russian price-making

The article discusses problem of price-making in transitional conditions of Russian market. The authors consider that the traits of Russian price-making are very out-of-order in comparison with other counties on account of phenomenon of consumer's mental hysteresis.

Ценообразование в целом и конкретные цены в частности являются важнейшими факторами, определяющими потребительский выбор и поведение покупателей. Именно правильно выбранные стратегия и тактика ценообразования являются залогом успеха предприятия во многих случаях. Цена – это наиболее видимый, сильнодействующий, вызывающий быструю реакцию рынка маркетинговый инструмент. Успешная работа коммерческих предприятий невозможна без грамотной ценовой политики, базирующейся на знании сущности, взаимосвязей и закономерностей поведения рыночной цены.

Формирование цен осуществляется, как правило, по единой схеме. В процессе коммерческого ценообразования комплексно анализируется ряд социально-экономических условий, вырабатывается ценовая стратегия и тактика, определяется приемлемый для фирмы метод ценообразования и страхования цены от невыполнения. Как известно, в зависимости от типа товаров существуют два альтернативных подхода к ценообразованию: затратный и ценностный. При рассмотрении их становится ясно, что если затратный подход является чисто экономическим, то ценностный учитывает в большей степени психологические аспекты личности потребителя.

Согласно затратному подходу, ценообразование определяется посредством осуществленных затрат на производство и реализацию товаров. Затратное ценообразование включает определение постоянных и переменных издержек на производство товаров и услуг. Издержки определяют неизменную цену товара. Также в данном подходе принимают во внимание устанавливаемый объем прибыли. Затратный метод ценообразования в значительной степени не ориентируется на динамику рыночного спроса и его эластичность, т.е. чувствительность к

изменению цены товара. Именно ориентация почти исключительно на затратный механизм в политике ценообразования СССР оказалась одним из главных факторов, разрушивших экономику страны через дестимуляцию непосредственных производителей.

Ценностный подход принимает в качестве отправной точки ценообразования субъективную ценность предполагаемого товара, определяемую покупателем. Цена товара при данном подходе подтверждает его ценность в представлении покупателя. Поэтому в случае ценностного ценообразования ориентируются на предпочтения потребителей. Главное, что определяет спрос на товар и его цену, – такие его качества как относительная редкость и новизна. (Впрочем, определение интенсивности спроса порой затруднительно, поскольку касается новых товаров, о которых многие могут иметь только отдаленное представление.)

В условиях относительной перенасыщенности современного рынка товарами, т.е. преобладания предложения над спросом, при изучении условий сбыта основное внимание стали уделять изучению поведения потребителя. С этой целью потребителей классифицируют, т.е. разделяют на типы согласно основным психологическим особенностям поведения на рынке. Существует множество подобных классификаций, опирающихся на самые разнообразные критерии. Потребителей можно разделить по критерию использования товара на массовых и индивидуальных [1]. По психологическим характеристикам потребителей делят на шесть типов: карьеристы, интеллигенты, обыватели, независимые, гедонисты, подражатели [5]. Модели поведения представителей каждого типа обусловлены их мировоззрением и иерархией ценностных установок в их сознании. Если говорить кратко, то можно сказать, что для «карьеристов» наиболее значимо достижение высокого социального статуса, для «обывателей» – чувство стабильности, для «интеллигентов» важнее всего собственное духовное развитие, для «гедонистов» – ощущение полноты и радости жизни, для «независимых» – сознание собственной свободы, а «подражатели» стремятся максимально повторять стиль жизни и поведение людей, являющихся для них эталоном. Поведение людей во всех этих случаях вполне укладывается в понятие эффектов Гиффена, Веблена, сноба, присоединения к большинству и т.д. Но самое общее разделение определяет всего два типа потребителей – потребитель функционального психологического типа и потребитель установочного типа [2, с. 107]. Для первых характерно предпочтение новых видов товаров и услуг, а также тот факт, что полезность потребляемого продукта для них начинает снижаться после потребления его определенного количества (наступает перенасыщенность). Второй тип характеризуется ориентацией на традиционные виды товаров и услуг и иерархичное построение потребностей.

Возвращаясь к политике ценообразования, следует отметить очевидность того факта, что различие в методах ценообразования имеет психологическую природу. Оценочный подход ориентируется на потребителя функционального психологического типа, стремящегося к новым товарам и впечатлениям, а затратные методы предполагают направленность на психологическую модель потребителя установочного типа с его направленностью на удовлетворение общих для всех первичных потребностей биогенного характера. Но, как бы то ни было, для правильной политики ценообразования, как уже было неоднократно сказано, важно учитывать особенности потребительской психологии, что весьма специфично происходит в условиях современного российского рынка.

Причин тому несколько. Во-первых, постперестроечная экономика России демонтирует удивительную устойчивость института специфического российского монополизма – всякий раз, выходя на траекторию развития на рыночных принципах [3], народное хозяйство страны практически мгновенно (в масштабе исторического времени) превращается в комплекс монополизированных структур, чрезвычайно склонных к сговору за счет потребителя.

Во-вторых, «раздаточная» экономика позволяет держать на грани прожиточного минимума свыше половины населения – пенсионеров и большую часть «бюджетников». Это, в свою очередь, позволяет бизнес-структурам, посредническим и торговым, «выжимать» сверхприбыли через действие «эффекта Гиффена» (по оценке «Левада-центра» с официаль-

но объявленным Росстатом уровнем инфляции (9% за прошлый год) согласны менее одной шестой части россиян. Те, кто старше 40 лет и находится в нижней части социальной лестницы, ясно ощущают, что цены на товары первой необходимости растут быстрее инфляции [5].

В-третьих, в РФ очень ярко проявляется эффект ментального гистерезиса, когда даже по прошествии десятилетия после гиперинфляции первой половины 90-х годов XX века, население страны с необычайной легкостью провоцируется на ажиотажный спрос и потребительскую панику.

В-четвертых, российские бизнес-структуры со стороны общественного мнения часто обвиняются в социальной безответственности и неумеренной жажде наживы. С этим нельзя согласиться хотя бы потому, что бизнес всегда таков, каково общество и государство. Когда само общество категорически не желает превращаться в так называемое «гражданское», а государство зарплатной политикой в бюджетной сфере выступает главным провокатором сверхэксплуатации в масштабах уже всего рынка труда, то обвинять бизнес-сообщество в необузданности генетически заложенных в нем качеств некорректно, даже просто глупо.

Наконец, что, возможно, самое главное, – потребление «высокодоходных» слоев российского общество практически выведено из-под влияния всех психологических и экономических специфичных для РФ факторов, так как основную массу товаров и услуг высший слой потребляет либо в виде импорта, либо за границей, а удовлетворение первичных потребностей занимает в данной страте мизерную долю от общих доходов.

Таким образом, очевидна парадоксальность ценообразования в условиях современного российского рынка, характеризующаяся бесконтрольным и нелогичным ростом цен на товары первой необходимости (т.е. на основные товары потребительской корзины потребителя установочного типа) и стремлением увеличить количество потребителей функционального типа при том, что нет объективных предпосылок к этому.

Библиографический список

1. **Данченок, Л. А.** Маркетинг : учебное пособие / Л.А. Данченко. // Московский государственный университет экономики, статистики и информатики ; Московский международный институт эконометрики, информатики, финансов и права. – 2005. – 620 с.

2. **Машков, В. Н.** Психология экономики / В.Н. Машков. – СПб. : Изд-во В.А. Михайлова, 2001. – 188 с.

3. Монополии и экономическая политика царизма в конце XIX – начале XX века : сб. ст. – Л. : Наука, 1984. – 64 с.

4. http : // www. aif. ru

5. http : // www. reclama. su / viewtopic. php? t=2059

Рецензент: О.Ю. Патласов,
д-р экон. наук, профессорОГИ

УДК 316.7

И.В. ЗАЙЦЕВ,
канд. филос. наук, доцент ОГИ

СУБКУЛЬТУРА КАК ОДИН ИЗ ПАРАМЕТРОВ ПЕРЕХОДНОГО СОЗНАНИЯ

В статье рассматриваются причины образования субкультуры. Ее роль в истории. Субкультура как аспект переходного сознания в период перехода от прежней социальной системы к новой. Формы проявления субкультуры.

Субкультура. Культурно-исторические закономерности. Социальная система. Переходное сознание.

Subculture as one of parameters of transitive consciousness

In the article the reasons of formation of subculture are examined. Its role in history. Subculture as aspect of transitive consciousness during transition from former social system to new. Forms of display of subculture.

Subculture. Cultural – historical regularities. Social system. Transitive consciousness.

Проблема переходного сознания всегда присутствовала в социальном и антропологическом поле философского знания. Наиболее яркое свое отражение она находила в социокультурном пространстве человеческого бытия. А именно, выражаясь через всевозможные субкультурные образования. Именно на примере феномена субкультуры как одном из элементов, составляющих переходное сознание, мы можем увидеть те или иные аспекты становления и развития данного сознания.

Субкультура является неотъемлемым феноменом человеческого существования и социального бытия. Она существовала на всем протяжении развития человека и общества. При этом понималась и рассматривалась не как постоянно присутствующая категория культуры, а с позиций временной данности, которая возникает в различных социальных средах, находящихся на периферии основной линии развития культуры. Так исторически сложилось, что субкультура всегда понималась как нечто вторичное, не заслуживающее пристального внимания исследователя. Во многом это связано с тем, что, по словам С. Московичи: «Наше научное мышление возведено в ранг нормы для любого мышления... наша логика, принятая как единственно законная, заклеймила иные типы мышления и убеждения, не анализируя, и отнесла их к низшему уровню…»[1].

Образование субкультуры обусловлено целым комплексом специфических причин, в той или иной мере способствующих ее появлению в культурном пространстве различных народов, сословий и государств. Генезис субкультуры подразумевает под собой причины как внутреннего, так и внешнего характера. Субкультура появляется в силу самых разнообразных складывающихся политических, экономических, религиозных обстоятельств и ситуаций (всевозможного рода реформы, кризисные явления, войны, революции и т.д.). Также субкультура образуется в ходе эволюционных изменений (межрасовое и межэтническое взаимодействие, при горизонтальных и вертикальных перемещениях в процессе социальной мобильности отдельных индивидов и общественных групп и т.д.). Можно со всей уверенностью заявить, что расцвет субкультурных образований характерен для переходного сознания в период трансформации как социальной структуры в отдельности, так и всей системы в целом. «Подобные переходные эпохи – это те «узлы» истории культуры, в которых и происходит смена культурно-исторических циклов, – замечает И. В. Кондаков. – В них получает завершение то «старое», что сохранилось на протяжении предшествующего цикла, и складывается то «новое», чему предстоит развиваться в следующем цикле; при этом «старое» и «новое» в переходный период подчас неразличимо перепутывается, смешивается,

создавая характерное пространство «смысловой неопределенности», в которой противоположность соседствует на равных, так сказать, во «взвешенном состоянии». Важно понять, какие культурно-исторические закономерности господствуют в данные переходные («смутные») периоды и управляют сменой парадигм в истории культуры»[2].

В любом случае становление субкультуры происходит путем самоотрицания старого качества, а не его уничтожения. «Отношение отрицательного с собой есть **отрицательное** отношение, есть, следовательно, отличие единого от самого себя, **отталкивание** одного, то есть полагание **многих одних**, **–** пишет Г. В. Ф. Гегель. – Со стороны **непосредственности** для-себя-сущего эти многие есть сущие, и отталкивание сущего одного становится поэтому их отталкиванием **друг друга** как наличных… становится их взаимным **исключением** друг друга»[3]. То есть мы должны понимать, что субкультура есть явление многокомпонентное и многокачественное. Э. Гуссерль отмечал, что системы явлений далеко не всегда тождественны и в реальной действительности возможны некоторые отклонения от нормы, но «отклонение само должно сперва конституироваться как таковое, и может конституироваться лишь на основе самой по себе предшествующей нормативности»[4]. Именно тот момент, что субкультура всегда «отпочковывается» от нормативной (официальной) культуры заставляет многих исследователей указывать на вторичность данного феномена. Но если быть до конца объективными, то зададимся вопросом: существует ли в социальной природе какое-либо явление, феномен, который не имел бы корней, изначальных посылок?

Необходимо также помнить, что субкультура, вопреки обыденному мнению, не обязательно должна формироваться и присутствовать только на социальном «дне». Такое возможно исключительно как результат процесса люмпенизации, который подразумевает под собой понижение социального статуса, своеобразный «выброс» вовне общества (класса, группы и т.д.) нежелательного или лишнего человеческого «материала». Непривязанность и невключенность в какой-либо определенный слой общества изначально делает субкультуру внеклассовой. Субкультура – феномен, имеющий «блуждающую» природу, ее носителей можно встретить во всех слоях и структурах социальной системы. Появление субкультуры подразумевает некий сбой в структуре социальной целостности, который выбивает некоторые лишние, ненужные для нее или жестко не фиксированные, либо разложившиеся элементы, которые затем отправляются в «свободное плавание» по социальному организму системы. Субкультура может находиться на всех уровнях социального организма.

Субкультура, будучи по своей природе образованием постоянно меняющимся, способна изменять окружающее социокультурное пространство. При этом она способна влиять на будущее официальной культуры, так как является своеобразным пионером, проводником нового и в новое. Конечно, не всегда роль субкультуры в истории носит конструктивный характер. Но при изменении общественных условий, в периоды социальных кризисов или потрясений, она способна предложить нечто новое, соответствующее новым складывающимся социальным реалиям. Субкультура – не **застывшее** целое, а тотальная **текучесть, подвижность**. Как некая, пусть даже и несколько эфемерная, целостность субкультура имеет ту особенность, что какие-либо из ее разновидностей со временем исчезают, чтобы освободить место другим субкультурным образованиям. И если ранее какая-либо из ее форм вбирала в себя когда-то ничтожно малое число людей по сравнению с настоящим периодом времени, то другая пожинает сегодня щедрые плоды.

Так, мы должны понимать и принимать субкультуру не как отрицательный феномен. Здесь мы встречаемся, скорее, с **отрицающим** моментом истории, нежели отрицательным фактом ее развертывания в социальной действительности. Преодолевая шаблонность заданности, субкультура, тем самым, ставит под сомнение приоритетность устоявшихся стандартов содержания социального сознания. Она является своеобразным вызовом данной культур-

ной ментальности, противовесом Традиции, одновременно являясь ТРАДИЦИЕЙ. Именно в процессе адаптация к своим возросшим возможностям социальная система стимулирует качественные скачки в развитии, поскольку они становятся альтернативой саморазрушению. При этом эволюционно востребованными становятся элементы и качества, латентно присутствующие в системе, но прежде бесполезные и не настолько вредные, чтобы быть активно отбракованными. Накопленный ресурс актуально избыточного разнообразия обеспечивает устойчивость в изменившихся обстоятельствах. Когда наработанные схемы жизнедеятельности становятся контрпродуктивными, то какие-либо из латентных качеств приобретают доминирующее значение и вокруг образовывается новая структура. Со своей стороны, новая структура, первоначально чуждая «метасистеме», образует дополнительные механизмы внутреннего и внешнего взаимодействия и в перспективе – исторически беспрецедентную реальность. Таким образом, эволюционная модель смещает акцент с проблемы возникновения к проблеме **сохранения** новой системы. П.А. Сорокин отмечает, что «…разнообразные и вечно новые процессы развития культуры состоят… из непрерывной замены отживших систем вновь рождающимися. Вся история социокультурного мира несомненно демонстрирует себя как вечно новая, неисчерпаемая в своей творческой деятельности, в своих разновидностях, преобразованиях и разнообразии в каждый момент своего существования»[5].

Естественно, любая трансформация (переход / изменение), будь то на уровне сознания, культуры, социальной системы не проходит безболезненно, без тех или иных деформаций. Однако процесс этот неизбежный и необходимый в принципе для сохранения самой системы. П.А. Сорокин по этому поводу пишет, что «все великие культуры, сохранившие творческий потенциал, подвергались как раз таким изменениям. С другой стороны, культуры и общества, которые не изменили форму и не смогли найти новые пути и средства передачи, стали инертными, мертвыми и непродуктивными»[6].

Глобальная система массовых коммуникаций выступает мощным фактором нивелировки культурных различий. Ответом на их наступление в XX и еще более в XXI столетиях является запрос на идентичность (национальную, религиозную, социально-групповую, личностную). Сегодня этой проблемой озабочены во всем мире, в том числе в индустриально развитых странах. Однако «попытка сконструировать новые идеологии по образу и подобию уже известных – как, например, новую русскую «национальную идею» – оборачивается крахом, – отмечает А.В. Захаров и продолжает. – Вместе с тем получают распространение идентификации парадоксального типа: «предприниматель-коммунист», «православный нацист»… индивиды не «прилепляются» накрепко к определенным культурным образцам и традициям, а **свободно меняют их, подобно маскам**, в зависимости от конкретной коммуникативной ситуации… Формирование социально-культурной идентичности происходит как **«сверху»**, так и **«снизу»**, в результате весь процесс, в целом, приобретает стихийный, непредсказуемый характер»[7]. Подобные многочисленные субкультурные группы представляют собой довольно слабый конгломерат, состоящий из самых разнообразных элементов (половозрастных, профессиональных, этноконфессиональных и т.д.). Они плохо и мало взаимодействуют между собой, но, в общем плане, являют единую картину социальной системы, которая начинает утрачивать свою культурную целостность.

На уровне социального сознания субкультура присутствовала всегда и проявляла себя в основном через различного рода и вида неформальные образования. Субкультура является если не альтернативой официальной, традиционной культуре, то представляет собой некую, постоянно функционирующую, плюралистическую поливариантность ей. Она присутствует практически во всех статусных стратах общества[8]. Но субкультура не занимает стабильного места в этих социальных группах и не носит всеобщего характера, а находится в процессе постоянного изменения и одновременно – становления. В любой отрезок времени она мо-

жет возникать и исчезать в какой-либо из социальных групп или же, конституировав себя в ней, стать вполне легитимным явлением культурной действительности (например, криминальное арго в современной России вышло не просто на уровень рядового обывателя, но стало практически нормой в СМИ). Момент перехода от прежней системы к новой характеризуется появлением внутрисистемных маргинальных элементов. Это выражается в наличии различных субкультур, которые не всегда сразу замечаемы, так как «культурное сознание до поры до времени улавливает лишь то, что обозначено системно… [субкультура] обнаруживается, когда система уже созрела для перехода. Инновационная субкультура первоначально хаотизирует систему, но впоследствии... она заново ее упорядочивает и интегрирует»[9]. Периоду маргинализации культуры свойственно возникновение специфического типа пограничного (переходного) сознания, «которое, отражая и воплощая хаотизированное состояние культуры, может быть связанным и со старой, и с новой систематикой. При этом… переход границы не есть отсечение старого, а, скорее, напластование нового на старое, их конкурентное и симбиотическое сосуществование»[10]. Весь период сосуществования старой и новой культуры характеризуется переходным (маргинальным) состоянием всех областей социального. Но постепенно связи между частями целого преодолевают симбиотические отношения и, синтезируясь между собой, приобретают новую культурную форму и содержание, рождая иную систему. В момент перехода (бифуркации) социального организма, когда появляется новая целостная система, прежняя традиционная культура низводится до уровня субкультуры и, соответственно, либо люмпенизируется, либо маргинализируется. Первый вариант возможен при наличии довольно большого количества носителей прежних культурных традиций, а также некоторую вписанность их в новую систему. Во втором случае у распавшейся (маргинализировавшейся) культуры есть несколько способов существования в новой социальной действительности: 1) архаизировавшись, остаться в социальной памяти в качестве мифов, фольклора и т.д.; 2) быть жизнеспособной на уровне сохранившихся социальных, этнических и других реликтов, не оказывая сколько-нибудь серьезного влияния на всю остальную, «всеобщую», культуру в силу малочисленности и закрытости своих носителей (например, парсы в Индии, копты в Египте); 3) аннигилироваться до полного своего исчезновения; 4) смешавшись и синтезируясь с фрагментами других субкультур, со временем вернуться в социальную реальность. Но последнее возможно только при очередном разрушении социальной целостности, в период появления следующего **нового целого.** Но и тогда она не сможет принять прежний вид, а будет лишь в каких-то общих чертах напоминать прежнюю культуру. Одним из примеров может служить культура чернокожего населения Карибских островов, отличная как от культуры западно-африканской прародины, так и от доминирующей официальной западноевропейской традиции (креольский язык, значительная доля расовой «гибридизации», синтетическая религия вуду и т.д.)[11].

Субкультура как аспект переходного сознания не есть альтернатива осознанности, потому что осознанность – это завершенная форма – пространство, в его оформленности (ограниченности) и посредственности (шаблонности), – тотальной данности. Доминирование стандартности в значительной степени снижает творческий потенциал бытия. Отсутствие каких-либо изменений, невозможность реализации новационных идей делают проблематичным дальнейшее развитие сознания, а значит, и культуры как таковой, так как любое движение в этом случае направлено на воспроизведение заданности.

Э. Фромм указывал, что «у человека должна быть возможность отнести себя к какой-то системе, которая направляла его жизнь, придавала ей смысл; в противном случае его охватывают сомнения, в конечном счете парализующие его способность действовать, а значит, лишающие его способности жить»[12]. Субкультура является результатом взаимодействия различных социальных условий и экзистенциальных потребностей человека. А по мере развития

цивилизации процесс образования различных субкультурных систем будет возрастать. Видим парадоксальный феномен: с одной стороны, происходит процесс унификации культуры, сведение ее к единому усредненному знаменателю, а с другой стороны, налицо появление все новых и новых субкультурных групп, рождение которых обусловлено именно взаимопроникновением друг в друга различных социокультурных пространств. Такое положение вещей грозит превратиться в проблему не только отдельной личности, но и всего общества в целом, в его планетарных масштабах. Д. Белл отмечал: «Идеи и культурные стили не меняют хода истории – по крайней мере, в одночасье. Однако они являются необходимой прелюдией к переменам, поскольку сдвиги в сознании – в системе ценностей и моральном основании – толкает людей к изменениям их социальных отношений и институтов»[13].

Переходное сознание провоцирует своеобразный разрыв между культурой общества и социальными отношениями. Продуцированная переходным сознанием субкультура характеризуется разрывом коммуникаций внутри общества как целого. Этот разрыв представляет собой некоторый смысловой порог, переходя через который все значимые смыслы существенно изменяют свое содержание, вплоть до превращения в свою противоположность, включая коренное изменение ценностей того или иного явления.

Примечания

1. **Московичи, С.** Социальное представление : исторический взгляд / С. Московичи. // Психологический журнал. – 1995. – № 1. – С. 3.

2. **Кондаков, И. В.** «Смута» эпохи «безвременья» в истории России / И.В. Кондаков. // Общественные науки и современность. – 2002. – № 4. – С. 57.

3. **Гегель, Г. В. Ф. //** Энциклопедия философских наук. «Наука логики». – М., 1975. – Т. 1. – С. 238.

4. **Гуссерль, Э.** Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука / Э. Гуссерль. – Мн., 2000. – С. 481.

5. **Сорокин, П. А.** Социальная и культурная динамика : исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / П.А. Сорокин. – СПб., 2000. – С. 777.

6. **Сорокин, П. А.** Человек. Цивилизация. Общество / П.А. Сорокин. – М., 1992. – С. 433.

7. **Захаров, А. В.** Массовое общество и культура в России : социально-типологический анализ / А.В. Захаров. // Вопросы философии. – 2003. – № 9. – С. 14.

8. Художественная жизнь современного общества. «Субкультуры и этносы в художественной жизни». – СПб., 1996. – Т. 1. – С. 19-25.

9. **Земсков, В. Б.** Одноликий Янус. Пограничная эпоха – пограничное сознание / В.Б. Земсков. // Общественные науки и современность. – 2001. – № 6. – С. 132.

10. Там же. – С. 133.

11. Африканцы в странах Америки : негритянский компонент в формировании наций западного полушария. – М., 1987. – С. 107-226.

12. **Фромм, Э.** Бегство от свободы. Человек для себя / Э. Фромм. – Мн., 2000. – С. 38.

13. **Белл, Д.** Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М., 1999. – С. 650.

Рецензент: С.А. Мельниченко,
канд. филос. наук, профессор ОГИ

УДК 316.3

А.Б. ЖБАНКОВ,
аспирант ОГИ

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Автор рассматривает различные подходы к понятию «безопасность». Особенности его толкования официальной коммунистической идеологией в Советский период отечественной истории. Акцент в понимании «национальной безопасности» в современной Российской Федерации на безопасность народа как носителя суверенитета. Защита личности, общества и государства от терроризма как важнейшая часть национальных интересов в современном мире.

Национальная безопасность. Государственная безопасность. Терроризм.

Methodological aspects of national safety

The author examines various approaches to concept «safety». Features of its interpretation by official communistic ideology during the Soviet period of a domestic history. Accent in understanding of «national safety» in the modern Russian Federation on safety of people as carrier of the sovereignty. Protection of the person, the society and the state against terrorism as the major part of national interests in the modern world.

National safety. State security. Terrorism.

К рассмотрению особенностей соотношения понятий «национальная безопасность» и «государственная безопасность» невозможно приступить без краткой характеристики такой важной социально-философской проблемы как безопасность.

Абсолютное толкование безопасности предусматривает идеальную ситуацию, при которой отсутствует какая-либо опасность. Такой подход достаточно идеалистичен и вряд ли пригоден для объяснения явлений и событий повседневной жизни.

В действительности практически всегда имеется возможность какого-либо негативного воздействия на личность, общество и государство, в результате которого может быть причинен определенный ущерб или вред, ухудшающий прежнее состояние, оказывающий негативное влияние на динамику развития. Следовательно, необходимо учитывать относительность понятия безопасность.

В советский период в отечественной философской мысли господствовал подход, согласно которому социально-философское понятие «безопасность» рассматривалось как состояние защищенности. В рамках официальной коммунистической идеологии общепринятый подход к проблеме безопасности базировался на утверждении партийной историографии о том, что становление молодого советского государства проходило в крайне неблагоприятных условиях внешней агрессии и внутренней контрреволюции. Провозглашалось, что все силы партии, а значит, общества и государства, должны быть направлены на решение главной задачи – защиты советской власти.

Первоочередной задачей, с необходимостью решения которой столкнулся Совет Народных Комиссаров практически сразу после захвата большевиками власти, стало обеспечение нормального функционирования государственного аппарата, который в революционных условиях оказался фактически полностью дезорганизованным и неработоспособным. Именно после обсуждения Совнаркомом 6(19) декабря 1917 года сообщения Военно-революционного комитета «О возможности забастовки служащих в правительственных учреждениях во всероссийском масштабе» было принято решение поручить Ф.Э. Дзержинскому «составить особую комиссию для выяснения возможности борьбы с такой забастовкой путем самых энергичных революционных мер, для выяснения способов подавления

злостного саботажа»[1]. И такие способы были в кратчайшие сроки найдены – уже на следующий день постановлением Совнаркома была создана ВЧК.

Безопасность тоталитарного государства невозможно представить себе иначе как государственную безопасность, понятие которой трактовалось весьма широко и включало в себя весь комплекс вопросов, направленных на обеспечение «диктатуры пролетариата» (во внутриполитической сфере) и достижение «окончательной победы над происками мировой контрреволюции» (во внешней политике).

Как свидетельствует история, коммунистический режим уделял повышенное внимание борьбе с внутренними врагами. Уже в протоколе СНК о создании ВЧК перед ней была поставлена задача: «Пресекать и ликвидировать все контрреволюционные и саботажные попытки и действия по всей России, со стороны кого бы они ни исходили», используя в качестве одной из мер «опубликование списков врагов народа»[2]. В последующем среди врагов народа оказалось немало большевистских лидеров и самих чекистов, а общее количество жертв, понесенных народами СССР в результате красного террора, раскулачивания и политических репрессий сталинского режима сопоставимо с потерями от внешней агрессии.

Отражением изменений приоритетов в сфере защиты и охраны безопасности государства явилось проведение многочисленных реформ и структурных преобразований в системе советских органов государственной безопасности, функции которых то расширялись, и данные органы сливались с органами внутренних дел, то вновь сокращались, и госбезопасность выделялась в самостоятельную структуру. Так, 3 февраля 1941 года Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) «О разделении Наркомата внутренних дел СССР на два наркомата» на выделенный из состава НКВД СССР Народный комиссариат государственной безопасности было возложено выполнение следующих задач по обеспечению государственной безопасности: а) ведение разведывательной работы за границей; б) борьба с подрывной, шпионской, диверсионной, террористической деятельностью иностранных разведок внутри СССР; в) оперативная разработка и ликвидация остатков всяких антисоветских партий и контрреволюционных формирований среди различных слоев населения СССР, в системе промышленности, транспорта, связи, сельского хозяйства и пр.; г) охрана руководителей партии и правительства[3].

Однако на практике деятельность НКГБ решением перечисленных задач не ограничивалась. По нашему мнению, основной причиной расширительного толкования понятия «государственной безопасности» являлся тот факт, что определяющее влияние на всю деятельность советских органов государственной безопасности оказывал принцип руководящей роли коммунистической партии, которому чекисты неукоснительно следовали вплоть до ликвидации КГБ СССР. В результате имело место не простое усиление роли органов госбезопасности в системе партийно-государственных органов, – под контроль государства (партии) были взяты практически все стороны политической, экономической, социальной и общественной жизни страны. При этом зачастую перед органами ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – КГБ власть ставила такие задачи, проведение в жизнь которых требовало от чекистов выполнения несвойственных им функций.

Активная деятельность репрессивной государственной машины, чрезмерное влияние органов госбезопасности на все сферы жизни общества являлось, как представляется, неотъемлемой чертой азиатского способа производства, предполагающего, в рамках экстенсивного пути развития экономики, реализацию масштабных проектов. Достижение высоких результатов развития советской экономики (индустриализация, развитие инфраструктуры, становление целых отраслей промышленности и т.д.) было бы невозможно без широкого использования труда заключенных в системе ГУЛАГА.

---

[1] Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии (1917–1921 гг.) : сб. док. – М. : Политическая литература, 1958. – С. 72.
[2] Там же. – С. 79.
[3] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне : сб. док. – Т. 1. «Накануне». Кн. вторая (1 января – 21 июня 1941 г.). – М. : А/О «Книга и бизнес», 1995. – С. 24.

Таким образом, хотя в разные годы советской власти в понятие «государственная безопасность» и вкладывался различный смысл, однако в целом понимание проблем безопасности оставалось в рамках охранительной парадигмы. В традициях данной парадигмы в Большой Советской Энциклопедии дано следующее понятие государственной безопасности: «охрана государственной безопасности, совокупность мер по защите существующего государственного и общественного строя, территориальной неприкосновенности и независимости государства от подрывной деятельности разведывательных и иных специальных служб враждебных государств, а также от противников существующего строя внутри страны»[4].

Поскольку главной целью государства провозглашалась охрана (защита) самого себя, существующего государственного строя от внешних и внутренних врагов, безопасность граждан и их объединений не представляла такой ценности, которая нуждается в сбережении и безопасное существование которой требует государственного участия. Чаще наблюдалось обратное – большинство социальных групп населения СССР рассматривалось правящим режимом в качестве основного источника угрозы «государственной безопасности».

В советский период понятие «национальной безопасности», как правило, использовалось для характеристики враждебной по отношению к Советскому Союзу политики идеологического противника в лице империалистических государств Запада, поэтому данное понятие имело негативный, чуждый идеологическим установкам советской власти оттенок. Предельное расширение внешней и внутренней безопасности государства ставилось в вину правящим кругам империалистических государств. В то же время в стремлении к расширительному толкованию «государственной безопасности», понимание которой не слишком отличалось от осуждаемого и отвергаемого понятия «национальной безопасности» империалистических государств, СССР не уступал своим идеологическим противникам. Разница лишь в том, что для реализации своих экспансионистских целей во внешней политике советская империя использовала лозунги интернационализма и «братской помощи» народам всего мира, которая должна была способствовать проведению национально-освободительного движения, укреплению влияния Советского Союза в мире.

Таким образом, в рассматриваемый период понимание государственной безопасности было неразрывно связано с такими базовыми понятиями как «охрана» и «защита» от враждебных внутренних и внешних сил. Причем данный тандем подразумевал исключительно интересы государства, тогда как охрана и защита отдельных личностей и всего общества понималась только в контексте их связи с государством. По этой причине привычные понятия наполнялись особым смыслом и в ходу были не представления о личности как таковой, а представления об особой породе граждан – «советский гражданин». Вместо понятия общества использовалось вполне конкретное, со своими специфическими особенностями «советское общество», а философское осмысление понятия государства строилось на противопоставлении «советского государства» его антиподу государству «буржуазному», «империалистическому».

В рамках господствовавшей парадигмы национальные интересы и угрозы национальной безопасности хоть и умалчивались, однако практически всегда подразумевались, невольно присутствовали в контексте. В частности, официальные источники так описывали цели агрессии фашистской Германии на СССР: «…гитлеровская Германия была избрана международной реакцией в качестве главного орудия в борьбе с Советским *государством*»[5]. Т.е. целью агрессии представлялось именно государство. Вместе с тем в действительности главный удар был направлен не на государство, поскольку «гитлеровцы понимали, что, не сокрушив *великий и могучий русский народ*, они никогда не добьются своих целей»[6]. Фашистами «намечалась целая система мер, направленных на постепенное *духовное*

[4] Большая Советская Энциклопедия. – М. : «Советская энциклопедия», 1976. – Т. 7. – С. 151.
[5] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945. – М. : Военное изд-во Министерства обороны Союза ССР, 1963. – Т. 2. – С. 15.
[6] Там же. – С. 15.

и физической вырождение русской нации, на подрыв «биологической силы народа»[7]. В результате делался справедливый вывод о том, что «советский народ вынужден был взяться за оружие, чтобы ***защищать себя, спасти жизнь своих детей, отстоять свое право на независимое политическое и национальное существование***, сохранить великие завоевания социалистической революции»[8]. Т.е. на полях сражений решались вопросы безопасности, в первую очередь, личности (бойцы шли на смерть во имя будущего своих детей и близких), общества (ради обеспечения права на суверенное существование нации) и лишь затем государства. В жизни всегда происходит именно так, а не иначе.

Становление новой демократической России обусловило отказ от охранительной парадигмы в понимании проблем безопасности. Проведение демократических преобразований в общественно-политической сфере и либеральных экономических реформ способствовало тому, что на смену господствовавшему в советское время понятию «государственной безопасности» для характеристики широкого спектра проблем не только государства, но и всего общества, каждой отдельной личности пришло понятие «национальная безопасность».

В 90-е годы XX века под безопасностью стали понимать «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз»[9]. В свою очередь жизненно важные интересы определяются как совокупность потребностей, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование и возможности прогрессивного развития личности, общества и государства. Как видно, обеспечение безопасности не сводится только к функции защиты, реализация которой является прерогативой правоохранительных органов, имеющих прямое либо косвенное отношение к обеспечению безопасности личности, общества и государства.

В современных условиях «государство оценивается как находящееся в состоянии безопасности, если оно не приносит в жертву свои национальные интересы и, ориентируясь на собственные национальные цели, способно отстоять их путем политических, экономических, социально-психологических, военных и других действий»[10]. В этой связи весьма актуальным является формирование и реализация политики, адекватной объективному месту и роли России в мировом сообществе и реальным угрозам ее национальным интересам и безопасности.

В состоянии безопасности государство находится только тогда, когда «его социально-экономическое устройство позволяет на социально приемлемом уровне удовлетворять потребности его граждан и всего общества и государству не приходится приносить в жертву базовые национальные ценности и интересы»[11].

Современная система взглядов на обеспечение в Российской Федерации безопасности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз во всех сферах жизнедеятельности нашла свое отражение в Концепции национальной безопасности Российской Федерации, в которой сформулированы важнейшие направления государственной политики России. В Концепции под национальной безопасностью Российской Федерации понимается безопасность ее многонационального народа как носителя суверенитета и единственного источника власти в Российской Федерации.

Концепцию национальной безопасности РФ определяет триада социальных институтов: безопасность личности, безопасность общества и безопасность государства. Ориентированная на социальные ценности, она содержит в себе множество интересов и аккумулирует различные меры предотвращения ущерба этим интересам, а также разные представления об угрозах личности, обществу и государству и их последствиях. Поэтому обеспечение

---

[7] Там же. – С. 15-16.
[8] Там же. – С. 16.
[9] О безопасности : Закон Российской Федерации // Правоохранительные органы : сб. законов. – М. : Иван, 1994. – С. 186-198.
[10] **Метелев, С.Е.** Национальная безопасность и приоритеты развития России : социально-экономические и правовые аспекты : монография / С.Е. Метелев. – М. : Закон и право ; Изд-во «ЮНИТИ-ДАНА», 2006. – С. 9.
[11] Там же. – С. 9.

национальной безопасности России не возможно иначе, как путем совместной целенаправленной деятельности государственных и общественных институтов, а также граждан, принимающих участие в выявлении, предупреждении различных угроз безопасности и в противодействии им. Данное обстоятельство является обязательным и непременным условием эффективной защиты национальных интересов Российской Федерации.

Национальные интересы России определены в Концепции как совокупность сбалансированных интересов личности, общества и государства в экономической, внутриполитической, социальной, международной, информационной, военной, пограничной, экологической и других сферах. При этом интересы личности состоят в реализации конституционных прав и свобод, в обеспечении личной безопасности, в повышении качества и уровня жизни, в физическом, духовном и интеллектуальном развитии человека и гражданина. К интересам общества отнесено упрочение демократии, создание правового, социального государства, достижение и поддержание общественного согласия, духовное обновление России. Интересы государства – незыблемость конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности России, политическая, экономическая и социальная стабильность, безусловное обеспечение законности и поддержание правопорядка, развитие равноправного и взаимовыгодного международного сотрудничества[12].

Как представляется, в XXI веке национальная безопасность России подразумевает общенациональный интерес в сохранении национальных духовных, культурных ценностей, исторических корней и традиций народов нашей страны. Идея национальной безопасности рождена прагматическим общественным сознанием и является жизненно необходимой для существования и развития общества и человека.

Для получения поддержки своих действий со стороны населения государство должно использовать такие методы, которые формируют у людей убеждение в том, что они позволяют достаточно эффективно и справедливо решать проблемы безопасности в политической, социально-экономической, информационной, духовной сферах. О значении сохранения и развития духовной жизни народов России в 2007 году Президент РФ заявил в Послании к Федеральному Собранию: «Духовное единство народа и объединяющие нас моральные ценности – это такой же важный фактор развития, как политическая и экономическая стабильность. Убежден, общество лишь тогда способно ставить и решать масштабные национальные задачи, когда у него есть общая система нравственных ориентиров, когда в стране хранят уважение к родному языку, к самобытной культуре и к самобытным культурным ценностям, к памяти своих предков, к каждой странице нашей отечественной истории»[13].

Идея, совокупность взглядов, структура научных, общественных и государственных организаций, входящих в понятие «национальной безопасности России», претендуют на роль объединяющей силы, которая обеспечивает единство многонационального, социально разнородного российского общества. Понятие национальной безопасности объединяет разные политические движения, которые по-разному подходят к данной идее, неодинаково видят в ней не цель, а средство достижения более узких общественных и партийных интересов.

В современных условиях понятие «государственная безопасность» целесообразно рассматривать как сбережение и охрану, закрытость и секретность всего того, что полезно защищать от урона стране и вреда, если этими знаниями завладеют враждебные силы.

Безусловно, по своему содержанию и объему понятие «государственная безопасность» является составной частью общего понятия «национальная безопасность». Поэтому угрозы национальной безопасности в международной, военной и других сферах, в полной мере следует относить и применительно к российскому государству, всем его институтам, в той или иной степени обеспечивающим государственную безопасность. Не случайно, в Концепции национальной безопасности важным фактором, способствующим обеспечению на-

---

[12] Концепция национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 10 января 2000 г. № 24) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 52. – Ст. 5909.

[13] Послание Президента к Федеральному Собранию Российской Федерации от 26 апреля 2007 // Российская газета. – № 4353. – 27.04.2007.

циональной безопасности Российской Федерации, названо укрепление российской государственности, совершенствование федеративных отношений и местного самоуправления[14].

Вместе с тем на волне либерализации произошел отказ от использования понятия «органы государственной безопасности» применительно к российским спецслужбам. Однако, несмотря на это, в системе федеральных органов исполнительной власти важная роль в обеспечении государственной безопасности, отводится органам федеральной службы безопасности, на которые возложены обязанности обеспечения безопасности: силовых структур, федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов РФ. Органы ФСБ России также решают весь комплекс проблем, связанных с разработкой и реализацией мер по защите сведений, составляющих государственную тайну, осуществлению контроля за обеспечением сохранности данных сведений в государственных органах, воинских формированиях, на предприятиях, в учреждениях и организациях независимо от форм собственности, а также допуск граждан к сведениям, составляющим государственную тайну[15]. Другими словами, и в настоящее время обеспечение государственной безопасности относится к числу приоритетных вопросов деятельности органов ФСБ России.

В качестве стержневого понятия, вокруг которого целесообразно формулировать смысловое содержание государственной безопасности, по нашему мнению, необходимо рассматривать понятие «государственной тайны». Государственная тайна – защищаемые государством сведения в области его военной, внешнеполитической, экономической, разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности, распространение которых может нанести ущерб безопасности Российской Федерации[16]. При этом не следует допускать, как это было в советский период, излишне расширительного толкования данного понятия, ведь российский законодатель не только четко определил, но и существенно ограничил перечень сведений, составляющих государственную тайну.

Однако сводить государственную безопасность только к защите секретной информации и носителей сведений, составляющих государственную тайну, было бы не правильно. В условиях становления информационного общества, для которого характерно бурное развитие и внедрение в повседневную жизнь самых передовых информационных технологий, причинить существенный вред интересам обеспечения безопасности Российской Федерации может бесконтрольное распространение персональных данных. Т.е. любой информации, относящейся к определенному или определяемому на основании такой информации физическому лицу (субъекту персональных данных)[17]. Завладение персональными данными отдельных граждан (групп граждан) РФ может быть использовано враждебными силами в целях проведения деятельности, формирующей угрозы безопасности личности, обществу и государству. Например, угрозу безопасности государству создает доступ представителей (членов и пособников) террористических организаций к персональным данным в целях планирования и подготовки террористических акций на территории Российской Федерации.

В настоящее время понятие безопасность становится основным и смыслосодержащим, а его составляющее «национальная безопасность» показывает направленность деятельности, одновременно характеризуя объект этой деятельности. При этом важно понимать, что в человеческом сознании безопасность «вообще» не существует, она всегда предметна. Человек либо чувствует себя относительно благополучно и безопасно, либо нет. Т.е. имеет место субъективная оценка человеком его состояния в связи с угрозами извне. От того, как именно личность воспринимает окружающий ее мир, во многом зависит внешняя и внутренняя

---

[14] Концепция национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 10 января 2000 г. № 24) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 52. – Ст. 5909.

[15] Об органах федеральной службы безопасности в Российской Федерации : Закон РФ // Российская газета. – № 72. – 12.04.1995.

[16] О государственной тайне : Закон РФ (с изменениями на 6 октября 1997 года) // Российская газета. – № 196. – 09.10.1997.

[17] О персональных данных : Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ // Российская газета. – № 165. – 29.07.2006.

политика демократического государства.

В современном мире защита личности, общества и государства от терроризма, в том числе международного, являются важнейшими составляющими национальных интересов России. Обострившаяся угроза терроризма прямо либо косвенно влияет на внешнюю и внутреннюю политику многих государств. В последние годы в России и за рубежом немало примеров, когда те или иные действия властей обосновываются и оправдываются интересами безопасности. Так, после терактов 11 сентября во внутренней политике США именно потребностями национальной безопасности и необходимостью ее усиления обосновывались требования Белого Дома о расширении прав и полномочий ЦРУ, ФБР и других правоохранительных и карательных органов. Стремясь реализовать реваншистские настроения, царящие в американском обществе, США стали проводить агрессивную внешнюю политику: Вашингтон осуществил вторжение в Афганистан и без санкции Совета Безопасности ООН – военную агрессию в отношении суверенного Ирака.

Борьба с терроризмом является одной из самых проблемных задач обеспечения национальной безопасности, поскольку ее решение сопряжено со сложностью искоренения не только самого явления терроризма, но и социальных условий и предпосылок, которые непосредственно способствуют его возникновению и культивированию. Обеспечение национальной безопасности в современных условиях становится задачей не только соответствующих правоохранительных структур, но и других субъектов политической системы России, представляющих социальную самоорганизацию ее общества. Все большее значение приобретает негосударственная система обеспечения безопасности, в основу которой положен принцип равновесия государственных и общественных интересов.

Современный терроризм уже не является актом возмездия против конкретного деятеля, олицетворяющего неугодную идею или позицию, а становится формой устрашения и деморализации населения, оказывая мощное воздействие на состояние коллективного бессознательного. Целью терроризма стал духовно-творческий потенциал нации как определяющий фактор развития общества. Его характерной чертой является большое число пособников, так или иначе соучаствующих в террористических актах, но идеологически не связанных с террором. Ведущим мотивом соучастия в терроризме является материальные причины, что свидетельствует не только о бедности, но и о крайней ограниченности используемых способов ее преодоления.

Помимо террористической угрозы, бедность широких слоев российского населения формирует и другие угрозы безопасности. В частности, данный фактор оказывает негативное влияние на развитие межнациональных отношений в нашей стране. Поэтому для достижения приемлемого уровня безопасности, как и в борьбе с терроризмом, усилий одного государства недостаточно. Вмешиваться и контролировать все сферы жизнедеятельности, которые в большей или меньшей степени оказывают влияние на обстановку в сфере межнациональных отношений в стране, государство не в состоянии. Наряду с государственными органами, деятельно участвовать в поддержании стабильности в данной сфере должно российского общество, каждый отдельный человек, от которого в решающей степени зависит не только его личная безопасность, но и безопасность общества и государства в целом.

Приведенными выше примерами недостаточность действий государственных институтов, направленных на выявление причин и условий, приводящих к формированию угроз национальным интересам в различных сферах жизнедеятельности, ликвидации последствий воздействия негативных факторов на личность, общество и государство, не ограничивается. Необходимость совместных усилий со стороны личности, общества и государства распространяется практически на все элементы, составляющие понятие «национальной безопасности» Российской Федерации.

«Современная стратегия национальной безопасности России имеет тенденцию к защите фундаментальных ценностей общества, составляющих его основу, эффективному развитию отечественной экономики и обороноспособности страны, совершенствованию функционирования исполнительной власти, упрочению институтов гражданского общества и

демократии»[18]. Для обеспечения национальной безопасности в различных сферах жизнедеятельности требуется совместные целенаправленные усилия как со стороны государственных, так и общественных институтов, а также граждан, которые, как представляется, должны активнее участвовать в выявлении и предупреждении угроз безопасности, выработке возможных мер противодействия данным угрозам.

Национальная безопасность России есть необходимое условие стабильности общества. Общество становится более стабильным, когда оно обеспечивает допуск каждого гражданина к открытой информации, распространяемой с помощью средств, передающих ее в момент совершения события или явления. Такая информация наиболее правдива, открыта, доступна, поэтому наиболее убедительна. С помощью телевидения все мы узнаем и оцениваем события не только в своей стране, но и за рубежом, становясь очевидцами данных событий. В XXI веке такие средства массовой информации как телевидение и Интернет оказывают, и будут оказывать в дальнейшем, огромное влияние на персонификацию внутренней и внешней политики и политиков, участвующих в реализации национальной безопасности.

Комплекс мер по национальной безопасности есть олицетворение идеологии российского возрождения, которая впитает в себя исторические корни и традиции русского народа, опыт западных цивилизаций, идеи общества социальной справедливости, свободы и равенства.

Для формирования действующей национальной идеологии, объединяющей Россию и определяющей ее перспективы, будущее нации принципиально важно не отбрасывать то один, то другой кусок исторического развития, а смело вовлекать в информационный оборот все то положительное, что нашло отражение в историческом сознании народа. Главное условие всестороннего творчества и полнокровной жизни человека – свобода, а сильное государство есть страж и гарант этой свободы. В этом и заключается суть нашей заботы о национальной безопасности России.

Рецензент: О.В. Волох,
д.полит.н., проф. ОГИ

[18] **Зинченко, Н. И.** Социально-правовые институты обеспечения национальной безопасности России : состояние и перспективы развития (социологический аспект) : автореф.… д-ра социол. наук / Н.И. Зинченко. – М., 2006. – С. 44.

УДК: 330. 342.146: 364. 22 (477)

С.А. БЕЛАЯ,
д-р наук гос. управления,
проф. Института экономики и
прогнозирования НАН Украины

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ БЕДНОСТИ РАБОТАЮЩЕГО НАСЕЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ УКРАИНЫ)

В статье на примере Украины исследуются причины и социально-экономические последствия бедности работающего населения. Автор прослеживает связь этого явления с консервацией экстенсивного типа экономического роста. Выявляются перспективы реформирования оплаты труда с учетом реализации стратегического курса на структурно-инновационные преобразования украинского производства, роста его конкурентоспособности в XXI в.

Socio-economical consequences of poverty of employed population (labor forces)

The causes and social economical consequences of poverty of employed population are explored by the example of Ukraine.

The connection of this phenomenon with the conservation of extensive type of economical growth is deduced. The prospective of labour payment reformation is recognized, taking into account the realization of strategical policy for structural and innovational fundamental changes of Ukrainian production, the growth of its competitiveness in the 21st century.

Результативность экономических реформ в любом обществе наиболее наглядно проявляется в социальной сфере, состояние развития которой не только отражает успехи и просчеты экономической политики, но и определяет перспективы дальнейших преобразований национального хозяйства. Ликвидация командно-административной системы управления логично обусловила и ликвидацию традиционных для СССР государственных гарантий обеспечения социальных стандартов уровня жизни: полной занятости; бесплатного образования и медицинского обслуживания; гарантированного государственного пенсионного обеспечения и др. Высокие темпы инфляции, безработица, отсутствие уверенности большинства населения страны в будущем и прочие явления, постоянно сопровождавшие рыночные реформы в бывших союзных республиках, становятся причиной демографического кризиса, имевшего место как в России, так и на Украине.

«Шоковая терапия» 1991-1993 гг. существенно активизировала процессы депопуляции и старения населения. По данным Государственного комитета статистики Украины, за годы реформ численность населения страны сократилась. В 1989 г. на территории Украины проживало 51,45 млн. человек, в 1991 г. – 51,94 млн. чел.; в 1992 г. – 52,056 млн. чел. Начиная с 1993 г. на Украине начался процесс депопуляции. По данным Всеукраинской переписи населения (2001 г.), в Украине проживало 48,92 млн. чел., а по состоянию на 1 января 2007 г. – 46,646 млн. чел. (данные Государственного комитета статистики Украины) [1].

На протяжении 90-х годов XX ст. смертность на Украине традиционно превышала рождаемость. Ежегодно население страны сокращалось почти на 400 тысяч человек. На начало XXI ст. на территории Украины не осталось областей, в которых рождаемость превышала бы смертность. Как утверждают эксперты, такая демографическая ситуация стала следствием психологического стресса, духовно-культурного кризиса нации (сопровождавших «шоковую терапию»). Экономическими причинами снижения рождаемости признано: резкое падение уровня жизни, социальная стратификация и расслоение населения по уровню доходов; недоступность полноценного питания, образования, медицинского обслуживания, достойного трудоустройства и отдыха для подавляющего большинства населения Украины (по оценкам экспертов – это приблизительно 85 % населения страны). Неблагоприятная демографическая ситуация характерна для всей территории Украины. Наиболее неблагоприятной она остается в северных и восточных областях, традиционно имевших наиболее низкие показатели естественного прироста населения (это Черниговская, Харьковская, Донецкая, Луганская, Днепропетровская, Запорожская, Сумская, Полтавская, Одесская области). В западных регионах Украины, хотя демографическая ситуация и ухудшилась, показатели рождаемости (в среднем) в 2,2 раза традиционно остаются выше по сравнению с общенациональными [2, с. 40-41]. Для Украины становится проблематичным не только расширенное, но и простое воспроизводство населения, следовательно, в перспективе страну неизбежно ожидает сокращение экономически активной части населения, сокращение трудового потенциала нации.

Снижение темпов прироста, а в конечном итоге и абсолютное уменьшение экономически активной части населения неминуемо приведет к ряду отрицательных последствий для национальной экономики. Во-первых, общее старение населения увеличивает уровень экономической нагрузки на население трудоспособного возраста, а старение работающих снижает их способность к освоению новых профессий, замедляет процесс освоения новых технологий и внедрения инноваций. Во-вторых, старение экономически активного населе-

ния отрицательно влияет на эффективность производства, поскольку с возрастом выплаты по заработной плате (как правило) растут (с учетом выплат за стаж, за категорию и т.д.), а производительность труда работников с возрастом неминуемо снижается. Практика свидетельствует: неминуемым следствием старения экономически активной части населения для стран с индустриальной экономикой (такая ситуация присуща и для Украины), становится резкое снижение конкурентоспособности как предприятий так и страны в целом, поскольку резервы экстенсивного варианта экономического роста (а именно трудовые ресурсы) быстро исчерпываются. Для изменения ситуации требуется немедленная активизация процессов структурно-инновационной перестройки национального производства, осуществление «инновационного прорыва» для решения как социально-экономических проблем страны, так и проблем повышения конкурентоспособности украинской экономики на мировых рынках.

Политический кризис на Украине (2005-2007 гг.) и, как следствие, – возрастающая нестабильность экономики усиливают «негативные ожидания» по изменению демографической ситуации. Попытки государственных органов за счет отдельных «пожарных» мер (в частности, повышения разовых выплат при рождении ребенка) улучшить ситуацию с рождаемостью, не дают ожидаемых быстрых положительных результатов. Так, в составе домашних хозяйств Украины количество семей с двумя и более детьми постоянно уменьшалось и лишь в 2006 г. появились признаки улучшения ситуации с рождаемостью (табл. 1). *Отметим, что Таблицы 1-3 рассчитаны по международной методике Системы Национальных Счетов (СНС ООН 1993). Государственный комитет статистики Украины использует эту методику с 2000 г.*

Таблица 1

Характеристика домашних хозяйств на Украине

	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Средний размер домашних хозяйств (человек)	2,77	2,76	2,73	2,71	2,62	2,62	2,61	2,60
Распределение домашних хозяйств по количеству человек в их составе	процентов							
один человек	20,1	20,9	21,0	20,9	22,4	22,4	22,2	24,6
два человека	28,2	27,6	28,1	29,2	29,6	30,2	29,3	27,2
три человека	21,4	22,0	22,1	22,6	23,5	23,3	24,5	23,4
четыре человека и более	30,3	29,5	28,8	27,3	24,5	24,1	24,0	24,8
Удельный вес домашних хозяйств с детьми до 18 лет (в процентах)	44,2	43,6	42,5	41,3	38,9	37,2	37,5	37,7
Удельный вес домашних хозяйств без детей (в процентах)	55,8	56,4	57,5	58,7	61,1	62,8	62,5	62,3
Удельный вес домашних хозяйств, имеющих детей, по показателям количества детей в их составе (в процентах)								
один ребенок	60,0	61,0	61,9	62,3	64,2	65,3	68,3	65,9
два ребенка	34,3	33,3	32,5	31,8	30,5	29,5	28,3	29,1
три ребенка и более	5,7	5,7	5,6	5,9	5,3	5,2	3,4	5,0

Источник: Таблица составлена по данным Государственного комитета статистики Украины, 1998 – 2007 гг. Дата последней модификации: 9/09/2007. http : // www. ukrstat. gov. ua

Как свидетельствуют данные таблицы 1, подавляющее большинство домашних хозяйств на Украине являются малосемейными, поскольку это существенно снижает риск бедности. Действительно, проблема бедности (а особенно – проблема бедности работающего населения), стала весьма актуальна для Украины. Во всем мире занятость – это гарантия благосостояния всех членов семьи (по меньшей мере, речь идет о двух работающих в семье). Однако на Украине за период рыночных реформ появился новый феномен – «бедность работающего населения». Это явление имеет отрицательные последствия для общества: «убивает» веру людей в социальную ориентацию рыночных реформ; усиливает аполитизацию общества, порождает «политический цинизм» и такое явление как «продажу голосов» на выборах; дискредитирует идею создания на Украине демократического «гражданского общества», делает крайне проблематичным единение нации под эгидой «национальной идеи». Именно поэтому решение вопроса о сохранении трудового потенциала страны одновременно с преодолением бедности работающего населения приобретает все большую актуальность.

Отметим – «бедность» на Украине до сих пор не имеет официально принятого измерения. Ученые различают «абсолютную» и «относительную» бедность. Принадлежность человека к категории «абсолютной» бедности (как правило) определяют так называемые «индикаторы бедности», то есть наличие в семье (домашнем хозяйстве) одного или нескольких признаков, тесно коррелирующих с бедностью. Например: не менее пяти детей в семье; семья пенсионеров (или одинокие пенсионеры, возраст которых более 75 лет и т.д.). Преимущество такого подхода – упрощение процедуры предоставления государственной помощи и, соответственно, сокращение административных расходов на поддержку таких групп населения. Недостатки такого подхода в том, что вышеупомянутые индикаторы бедности лишь косвенно характеризуют ее. Соответственно могут возникать и ошибки – или неполнота охвата государственной помощью бедных, или, наоборот, предоставление помощи небедным.

В отличие от официально принятого на Украине курса на поддержку рождаемости, одним из причин бедности для домашних хозяйств на Украине остается наличие несовершеннолетних детей. По оценкам специалистов «Института демографии и социальных исследований» НАН Украины, именно семьи с детьми подпадают под воздействие риска бедности (эта зависимость прямо пропорциональна количеству детей). Уровень бедности семей с одним ребенком оценивается в 25,8 %, а с четырьмя и более – 87,7 %. По оценкам специалистов «Института демографии и социальных исследований» НАН Украины, рождение каждого последующего (как и первого) ребенка, в среднем в полтора раза увеличивает для семьи риск попасть в категорию бедных [3, с. 95].

Одним из показателей благосостояния семьи (по мнению экспертов) являются данные о распределении дохода домашних хозяйств. Мировой опыт свидетельствует, что при возрастании удельного веса расходов на текущее потребление (пища, одежда, оплата коммунальных услуг и т.д.), прослойка среднего класса в обществе уменьшается, а количество бедных возрастает. Именно такая ситуация характерна для Украины (см. таблицу 2).

Как свидетельствуют данные таблицы 2, выплаты украинских домашних хозяйств, в основном, направлены на покупку продуктов питания, оплату жилья и коммунальных услуг и т.д. Расходы на культуру, образование и здравоохранение в среднестатистическом украинском домашнем хозяйстве незначительны. Такая структура распределения доходов свидетельствует о склонности украинских домашних хозяйств преимущественно к текущему потреблению, что, в свою очередь, обусловлено низким уровнем жизни населения Украины. Увеличение текущего потребления уменьшает уровень сбережений домашних хозяйств, что автоматически уменьшает потенциальные инвестиции в будущее развитие экономики.

Решение проблемы «бедность» требует комплексного подхода. Прежде всего, речь идет о решении материальных проблем, связанных с рождением и воспитанием ребенка; решения жилищной проблемы и т.д. Современная система социальной защиты семьи с детьми предусматривает: денежные выплаты наименее обеспеченным семьям (адресную помощь, жилищные субсидии); выплаты при рождении и по уходу за ребенком. Большую

роль в системе социальной защиты уделяют государственному льготному кредитованию молодежи (на образование, строительство жилья и т.д.). Естественно, полностью ликвидировать бедность с помощью отдельных мер едва ли удастся, но государственное регулирование социальной защиты населения (в направлении выравнивания показателей уровня жизни) дает возможность существенно снизить риск бедности. Показатели наличия в семье детей, уровень безработицы, количество членов семьи преклонного возраста, одиноких и т.д. – это показатели, тесно коррелирующие с «абсолютной» бедностью.

Таблица 2

Структура совокупных расходов домашних хозяйств на Украине

	1999	**2000**	**2001**	**2002**	**2003**	**2004**	**2005**	**2006**
Совокупные расходы в среднем за месяц в расчете на одно домашнее хозяйство (гривен).	426,5	541,3	607,0	658,3	736,8	903,5	1229,4	1442,8
Структура совокупных расходов домашних хозяйств	**в процентах**							
Потребительские совокупные расходы	96,6	93,3	93,7	92,8	93,3	92,6	91,1	90,5
продукты питания и безалкогольные напитки	65,2	64,9	62,6	59,1	58,6	57,5	56,6	53,2
алкогольные напитки, табачные изделия	2,9	3,0	2,8	2,6	2,8	2,8	2,9	2,6
непродовольственные товары и услуги	28,5	25,4	28,3	31,1	31,9	32,3	31,6	34,7
в том числе								
одежда и обувь	x	x	x	5,4	5,3	5,7	5,7	5,8
жилье, вода, электроэнергия, газ и прочие виды топлива	x	x	x	10,5	10,4	9,7	8,5	9,6
предметы домашнего потребления, бытовая техника и текущее содержание жилья	x	x	x	1,7	2,0	2,3	2,6	2,8
здравоохранение	x	x	x	3,0	2,8	2,8	2,5	2,5
транспорт	x	x	x	3,0	3,3	3,0	3,0	3,7
связь	x	x	x	1,3	1,5	1,8	2,1	2,6
отдых и культура	x	x	x	1,9	2,3	2,4	2,6	2,7
образование	x	x	x	1,2	1,1	1,3	1,1	1,2
рестораны и отели	x	x	x	1,1	1,4	1,6	1,7	2,0
разные товары и услуги	x	x	x	2,0	1,8	1,7	1,8	1,8
Непотребительские совокупные затраты	3,4	6,7	6,3	7,2	6,7	7,4	8,9	9,5
Дополнительно: оплата жилья, коммунальных товаров и услуг	8,6	6,9	9,0	9,2	8,7	7,7	6,4	7,1

Источник: Таблица составлена по данным Государственного комитета статистики Украины, 1998-2007 гг. Дата последней модификации: 9/09/2007. http : // www. ukrstat. gov. ua

К категории бедных относятся и пенсионеры (по состоянию на конец 2007 г., на Украине их насчитывается 13,9 млн. чел.). По экспертным оценкам, соотношение работающих и пенсионеров оценивается как 1,2:1. При этом такое соотношение имеет стойкую тенденцию к ухудшению[1]. По прогнозам демографов, очень скоро производственная сфера Украины начнет испытывать острый дефицит рабочей силы, вызванный демографическим кризисом. К работе приступит поколение, родившееся в период «перестройки». В таких условиях сохранение старой пенсионной системы становится невозможным. В Пенсионный фонд Украины (при сохранении действующей системы пенсионного обеспечения), в 2010 году (по оценкам экспертов) будет поступать лишь около 28 процентов средств, по сравнению с поступлениями 2000 г. Такая ситуация может стать катализатором катастрофического роста бедности среди населения Украины (в частности, среди пенсионеров); способна вызвать новые «всплески» социальной нестабильности. Для предупреждения подобной ситуации, реформирование пенсионной системы на Украине предусматривает становление трех уровней. Во-первых, предполагается сохранить солидарную систему пенсионного обеспечения. Пенсионный возраст на Украине составляет: для мужчин – 60 лет, для женщин – 55 лет. В ближайшее время его не будут увеличивать. Чтобы иметь право на пенсию по возрасту за счет солидарной системы, работающий минимум пять лет должен ежемесячно платить минимальный страховой взнос. В общеобязательную солидарную пенсионную систему попадают страховые взносы всех граждан Украины. Этот уровень обеспечивает базовый доход человека после выхода на пенсию.

Второй уровень новой пенсионной системы – обязательные отчисления в систему накопительных пенсионных счетов. То есть – чем выше заработная плата, тем больше накопления; чем дольше работает человек – тем больше пенсия. Накопительные взносы можно инвестировать и передавать по наследству. Третий уровень – добровольная негосударственная система пенсионных сбережений. В ее основе – негосударственные пенсионные фонды, подразделяющиеся на открытые, корпоративные и профессиональные.

Формирование новой пенсионной системы Украины предполагалось завершить еще к началу XXI ст. Однако политическая нестабильность, политические катаклизмы в обществе не способствовали пенсионной реформе. Как следствие – нынешнее экономически активное население рискует попасть в группу бедных. Действительно, даже при самых благоприятных обстоятельствах (при немедленном введении добровольной системы пенсионного страхования, создания обязательной системы пенсионного накопления и формирования действенных структур негосударственных пенсионных фондов) не все граждане Украины смогут равноценно воспользоваться преимуществами новой реорганизованной пенсионной системы. Выделяют три группы участников пенсионной реформы: молодежь в возрасте до 35-40 лет (женщины и мужчины), которые смогут принимать участие как в солидарной так и в накопительной системах пенсионного обеспечения; граждане среднего возраста – женщины в возрасте 35 – 45 лет и 40 – 50-летние мужчины, для которых участие в накопительной системе будет добровольным; женщины старше 45 лет и мужчины старше 50 лет, которые смогут пользоваться только пенсией, предоставляемой солидарной системой. Последняя группа, по оценкам экспертов, автоматически попадает в группу риска (потенциальную группу «абсолютно» бедного населения Украины) [4, с. 97].

Как свидетельствует хозяйственная практика, сократить объемы «абсолютной» бедности можно достаточно быстро – за счет «адресной» помощи. Однако такие меры носят, преимущественно, пассивный характер. Речь идет о денежных выплатах, субсидиях, помощи нуждающимся продуктами, одеждой и т.д.. Вместе с тем для Украины довольно большую угрозу представляет «относительная» бедность, связанная с экономическим неравенством населения и таким «специфически украинским» явлением как «бедность работающего населения». Фактически следует признать, что именно бедность стала для Украины (которая еще во времена существования СССР считалась одной из наиболее развитых советских республик) объективным препятствием к вступлению в Евросоюз; одной из важнейших причин сохранения социальной и политической нестабильности украинского общества.

Следует отметить, хотя официально на Украине и был провозглашен курс на построение социально-ориентированной рыночной экономики, **на практике, все реформы осуществлялись за счет игнорирования социального фактора, усиливая обнищание работающего населения (а не только безработных и экономически не активного населения).** На начальном этапе реформ (1991-1999 гг.), хронический экономический кризис сопровождался разрывом устоявшихся за период существования СССР производственных кооперационных связей, высокими темпами инфляции и либерализацией цен (прежде всего на энергоносители). В таких условиях насущной необходимостью стало «выживание» национальных предприятий. Прибыль (и валютные поступления) обеспечивали, в основном, отрасли производства, ориентированные на экспорт (металлургия, химическая промышленность, то есть производство сырьевой ориентации). Преимуществами таких предприятий в конкурентной борьбе с иностранными товаропроизводителями стали «символическая» плата за загрязнение окружающей среды, крайне низкий уровень оплаты труда при достаточно высокой квалификации рабочей силы. В 90-е годы XX ст. на Украине такая ситуация рассматривалось как вынужденная мера, обусловленная объективно. Однако в последующий период (2000 – 2007 гг.), хотя экономическая ситуация и менялась, кардинальных изменений в политике доходов населения и в системе оплаты труда на Украине не наблюдалось (см. таблицу 3).

Как свидетельствуют данные таблицы 3, наибольший удельный вес доходов населения Украины традиционно составляет заработная плата. Дивиденды на ценные бумаги и депозиты, рентные платежи и т.д. не играют большой роли. Такая структура формирования доходов не соответствует критериям экономически развитых стран мира, к которым стремится присоединиться Украина. Помимо этого, низкими остаются и показатели, характеризующие удельный вес заработной платы в структуре ВВП и в себестоимости продукции. Этот показатель за 2000-2006 гг. составлял менее 45%, тогда как в странах Европы он традиционно находится на уровне 65%. На Украине оплата труда продолжает составлять основу доходов населения. Вместе с тем заработная плата остается весьма низкой для выполнения ее основных функций – обеспечения благосостояния и достойного уровня жизни работающего населения. Кроме того, для Украины характерным остается высокий уровень межотраслевой дифференциации и чрезмерные межквалификационные расхождения оплаты труда: высокий уровень оплаты труда (финансовое посредничество, транспортные услуги, сфера строительства и т.д.) соседствует с отраслями, где оплата труда граничит с уравниловкой – прежде всего речь идет о бюджетной сфере.

В последнее время эксперты все чаще говорят о нарастающих тенденциях искусственного занижения размеров заработной платы на Украине. Это гарантирует сверхприбыли и дает дополнительные преимущества в конкурентной борьбе на мировых рынках собственникам предприятий, производство которых ориентировано на экспорт (металлургическое производство, химическая и деревообрабатывающая промышленность и т.д.). Следовательно, украинские собственники предприятий, работающих на экспорт и собственники финансово-промышленных групп (ФПГ) крайне заинтересованы в «консервации» такого явления как «бедность работающего населения». В этом случае частнохозяйственный интерес противостоит общественному интересу.

«Относительная» бедность, а особенно, одна из ее разновидностей – «бедность работающего населения» – отрицательно влияет на развитие национальной экономики. Важнейшим макроэкономическим последствием распространения относительной бедности (в частности бедности работающего населения) становится сокращение платежеспособного спроса домашних хозяйств, что неизбежно отражается на сокращении производства товаров и услуг национальных товаропроизводителей, ориентированных на удовлетворение потребностей внутреннего спроса. Бедность работающего населения дестабилизирует производственную активность рабочих, их стремление к повышению квалификации, к росту производительности труда. Бедность и отсутствие доминирующей стабильной прослойки среднего класса в социальной структуре общества становится препятствием интеграции Украины в

структуры Европейского Союза. Бедность превращается в фактор социальной дестабилизации и социального напряжения. Важнейшим следствием бедности, с одной стороны, становится политическая апатия, а с другой – «политический цинизм», «продажность» избирателей, отсутствие гражданского единения.

Таблица 3

Структура совокупных ресурсов (доходов) домашних хозяйств на Украине

	1999	**2000**	**2001**	**2002**	**2003**	**2004**	**2005**	**2006**
Совокупные ресурсы в среднем за месяц в расчете на одно домашнее хозяйство (в гривнах)	332,0	422,9	520,8	608,1	708,6	911,8	1321,4	1611,7
Структура совокупных ресурсов домашних хозяйств	**в процентах**							
Денежные доходы	63,8	68,1	75,8	80,0	81,1	85,1	86,4	87,6
– оплата труда	34,1	37,1	40,8	42,8	44,9	45,2	46,0	48,4
– доходы от предпринимательской деятельности и самозанятости населения	2,6	2,4	3,1	3,2	3,4	4,4	4,9	4,6
– доходы от продажи сельскохозяйственной продукции	3,8	5,3	5,5	5,0	5,4	4,8	4,6	3,8
– пенсии, стипендии, социальная помощь, выплаченные наличными *[1]	16.2	15,9	18,0	20,4	18,4	22,2	24,0	23,7
– денежная помощь от родственников, других лиц и иные денежные доходы	7,1	7,4	8,4	8,6	9,0	8,5	6,9	7,1
Стоимость потребленной продукции, полученной с личного подсобного хозяйства и от самозаготовок	23,0	17,1	13,1	10,3	9,5	7,0	6,0	5,4
Льготы и субсидии (безналичные) на оплату жилищно-коммунальных услуг, электроэнергии, топлива	3,7	2,9	2,5	2,0	1,4	0,9	0,5	0,6
Льготы (безналичные) на оплату санаторно-курортных путевок, на покупку лекарств, лечение, протезирование зубов и.т.д., на оплату услуг транспорта, связи *[2]	0,9	0,9	0,7	0,7	1,0	0,9	0,6	0,6
Иные поступления	8,6	11,0	7,9	7,0	7,0	6,1	6,5	5,8

*[1] Начиная с 2002 г. – с учетом субсидий на возмещение затрат для приобретения сжиженного газа и топлива, предоставленных наличными.

*[2] В 1999 – 2002 гг. – льготы безналичные на оплату санаторно-курортных путевок, услуг междугороднего транспорта, связи.

Источник: Таблица составлена с использованием данных Государственного комитета статистики Украины, 1998-2007 гг. Дата последней модификации: 9/09/2007. http : // www. ukrstat. gov. ua

Из всего сказанного выше можно сделать следующие выводы. Одной из важнейших стратегических задач для современной Украины является реализация курса на структурно-инновационные преобразования национального производства. Только этот путь, по мнению ученых экономистов, способен изменить статус Украины как страны – поставщика на международные рынки сырья и полуфабрикатов. Одним из направлений таких преобразований является построение «экономики знаний». В то же время, «замораживания» низкого уровня оплаты труда на Украине; ориентация на модель развития национального производства, предусматривающую сохранение практики использования дешевой рабочей силы будет иметь для национальной экономики, как в среднесрочном, так и в долгосрочном периоде крайне негативные последствия:

1. Украинские предприниматели и работодатели не имеют действенных экономических стимулов к внедрению инноваций, новых технологий и экономии живого труда. Действительно, в составе занятых на Украине очень высокий удельный вес неквалифицированной рабочей силы (а, следовательно, и низкооплачиваемой). Такая ситуация способствует тому, что выгоднее нанять больше низкооплачиваемых рабочих, чем платить за дорогое и высокопроизводительное оборудование. В тоже время, у предпринимателей и потенциальных инвесторов нет стимулов к внедрению научно-технических инноваций, поскольку низкооплачиваемая (дешевая) рабочая сила (а, следовательно, бедное население), не имеют возможности приобрести высококачественную (и дорогую) конечную продукцию [5, с.10].

2. Низкий уровень оплаты труда приводит к активизации трудовой миграции с Украины. По официальным оценкам количество украинских трудовых мигрантов составляет 2,5-3 млн. человек. Трудовая миграция двойственно влияет на национальную экономику. С одного стороны, на заработки выезжает наиболее мобильная и квалифицированная часть экономически активного населения страны, что отрицательно сказывается на национальном рынке труда и на общих показателях производительности труда. С другой стороны, доходы трудовых мигрантов в виде переводов и финансовых трансфертов поступают на Украину, что положительно сказывается на покупательной способности населения. Так, по данным НБУ, через банковскую систему, только за 2006 г. на Украину поступило свыше 2 млрд. долл. США и дополнительно около 1 млрд. долл. США через специализированные системы денежных переводов (Western Union, Money Gram и т.д.). По оценкам специалистов «Института демографии и социальных исследований» НАН Украины, мигранты зарабатывают 4,7-7,5 млрд. долл. США в год и большую часть этих средств переправляют на Украину (что приблизительно, оценивается в 2,5-3,5 млрд. долл. США в год) [6, с. 8]. Миграционный капитал повышает покупательский спрос домашних хозяйств, обеспечивая тем самым инвестиции на внутренний рынок (в жилищное строительство, сферу услуг и т.д.). Вместе с тем, приток миграционного капитала, в соответствии с законами экономики, способствует нарастанию диспропорциональности между имеющейся товарной и денежной массой (в том числе и за счет валютных поступлений), что провоцирует рост «доларизации» экономики Украины и усиливает инфляцию

3. Доминирующие на Украине тенденции к «консервации» низкого уровня оплаты труда, снижают у экономически активного населения стимулы к обучению, переквалификации и повышению уровня знаний. Такая ситуация превращает в фикцию провозглашенный на Украине стратегический курс на построение «экономики знаний». Действительно, современная структура занятости на Украине (как, по секторам экономики так и по профессиональному составу) несопоставима со стандартами экономически развитых стран мира. Почти 5 млн. человек (это около четверти общего количества занятых), сконцентрированы в сельском хозяйстве, лесном и рыбном хозяйстве; более половины от общего количества экономически ак-

тивного населения работает в личных крестьянских хозяйствах, где до сих пор сохраняется патриархальный способ производства, основанный на простом физическом труде. На низком уровне остается часть занятых в строительстве и обрабатывающей промышленности, в частности в машиностроении; в отраслях, производящих электрическое и электронное оборудование; транспортное оборудование, то есть именно в тех сферах экономики, которые обеспечивают инновационно-инвестиционный тип развития страны [7, с. 8-9].

4. Почти пятая часть занятых на Украине (по итогам 2005 г.), работала на должностях, не отвечавших уровню их образования. В частности, каждый двенадцатый работник с высшим образованием был занят на работах, которые такого уровня образования не требовали. На Украине рост подготовки специалистов с высшим образованием достаточно долгий период традиционно обеспечивается за счет специальностей экономики и права (за 2000-2005 гг. количество этих специалистов увеличилось в полтора раза). Количество выпускников инженерных специальностей, которые и должны внедрять новые технологии в производство, за этот же период увеличилась всего на 8%. Удельный вес лиц с профессионально-техническим образованием среди экономически активного населения Украины за период 2000-2006 гг. сократился до 24 %. Около трети экономически активного населения на Украине вообще не имеют профессиональной подготовки, в том числе 7 % не имеют полного общего среднего образования [7, с. 19]. Такие параметры занятости обусловлены существующим на сегодня высоким спросом на низкоквалифицированную рабочую силу и сохранением тенденций к преимущественно экстенсивному типу экономического роста.

Только за счет ликвидации практики низкой оплаты труда и «бедности работающего населения» на Украине возможен переход от экстенсивного типа экономического роста к интенсивному, реализация официально провозглашенного стратегического курса на построение «экономики знаний», осуществление структурно-инновационных преобразований национального производства и рост конкурентоспособности страны в XXI ст.

Библиографический список

1. http : // www. ukrstat. gov. ua

2. **Лібанова, Е. М.** Людський розвиток в Україні : можливості та напрями соціальних інвестицій (колективна науково-аналітична монографія) / Е.М. Лібанова [и др.] ; за ред. Е.М. Лібанової. – К. : Ін-т демографії та соціальних досліджень НАН України, Держкомстат України, 2006. – 356 с.

3. **Зотова, О.** Бідність сімей з дітьми ти проблема їх державної підтримки / О.Зотова. // Регіональні проблеми зайнятості і ринку праці. – Матеріали всеукраїнської науково-практичної конференції. – Тернопіль : «Економічна думка», 2004. – С. 95-96.

4. **Біла, С. О.** Реформування пенсійної системи в Україні / С.О. Біла. // Регіональні проблеми зайнятості і ринку праці. – Матеріали всеукраїнської науково-практичної конференції. – Тернопіль : «Економічна думка», 2004. – С. 96-97.

5. **Лібанова, Елла.** Кому вигідна дешева робоча сила? / Е. Лібанова. // Дзеркало тижня. – 2007. – 28 квітня – 11 травня.

6. **Гайдуцький, А.** Міграційний капітал в україні : прихована реальність / А. Гайдуцький. // Дзеркало тижня. – 2007. – 21-27 квітня.

7. Про соціально-економічне становище України за 2005 рік. – Київ : Інститут стратегічних досліджень, 2006. – 687 с.

Рецензент: О.Ю. Патласов,
д-р экон. наук, профессор ОГИ

УДК 316

Е.Н. ДЕМЧЕНКО,
аспирант ОГИ

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Автор рассматривает изменения в понимании «цивилизации» и «культуры», происходившие на протяжении XX столетия. Особенности развития цивилизации и культуры на современном этапе. Особенности духовной жизни как основы включенности человеческой личности в общественную систему в современном мире. Переход от техногенной цивилизации к антропогенной.

Цивилизация. Культура. Духовность.

Socio-cultural context of activity

The author examines the changes in understanding of «civilization» and the «cultures» happened during XX century. Features of development of a civilization and culture at the present stage. Features of a spiritual life as bases включенности the human person in public system in the modern world. Transition from technogenous civilization to anthropogenous.

Civilization. Culture. Spirituality.

Понимание современной цивилизации отличается многозначностью, сочетанием традиционных и новационных подходов. Это понятие остается достаточно эклектичным и означает разнокачественные состояния общества в реальном времени истории, этапы эволюции мирового сообщества как дистанцирование от «первобытного варварства», а также организационные средства и программы деятельности по достижению перспективных общественных целей[1].

При этом опора на фундаментальные культурные символы подтверждает близость, но не синонимичность понятий «цивилизация» и «культура». Сегодня развитие цивилизации предполагает набор способов, программ, проектов в границах саморазвивающегося общественного организма. Его духовные основания задаются метафизикой цивилизации как высшими принципами и универсальными причинами бытия[2]. Вместе с тем образ современной культуры подвергается кардинальным трансформациям со стороны новых общественных явлений, соответственно порождая возможности его радикального рассмотрения[3]. Какие поворотные узлы (процессы, связи) указывают на качественность происходящих изменений?

В «Очерках социологии знания» К. Манхейма содержится характеристика всеобщего для первой половины XX столетия мировоззрения индустриализма и интерпретация ряда категорий социокультурного процесса (шире – принципов культурсоциологии). Речь идет о культивировании установок и способностей человека в условиях социальных факторов индустриального общества. Новая эпоха» пронизана потребностью в особом типе людей, включенных в «фабрику повседневной жизни» и ориентированных на предпринимательский успех, развитие экономических амбиций, деловое честолюбие. Вместо «старорежимных» приемов и средств формирования личности появляются «новые центры власти» – прежде всего экономической, которые управляют поведением людей, превращают его в «шаблоны» и «оптимумы», делают более предсказуемым и рационалистичным. Если в доиндустриальный период «приручение» человека происходило посредством культуры и

---

[1] **Грицанов, А. А.** Цивилизация : социология : энциклопедия / А.А. Грицанов. – Мн., 2003. – С. 1221.
[2] Философский энциклопедический словарь. – М.., 1989. – С. 357.
[3] Слово «радикальный» понимается как решительные действия и перемены, коренное преобразование сфер жизнедеятельности (**Ожегов, С. И.** Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, И.Ю. Шведова. – М., 1993. – С. 659).

духовности, в новой социальной структуре действует экономический автоматизм, и «длинная рука» социального контроля предопределяет межличностную коммуникацию как «адаптивную», «рационально-карьерную», «правильную»[4].

В условиях постиндустриальной эпохи развитие культуры и ее обновление также попадают в зависимость от энергии действующих индивидов. Социальная инерция экстенсивных видов деятельности приводит к появлению больших подсистем общества (мегамашин), которые ориентируют культуру (вместе с ней религию, образование и науку) на более значительное преумножение формально-организационных аспектов жизнедеятельности[5]. овременные структуры активно адаптируют (оптимизируют) индивидуальную жизнь и обусловливают стандартность, ограниченное понимание духовно-культурного и образовательного развития. В результате культивирование традиционализма в понимании ценностей культуры смещается на периферию социальной жизни.

Новые человеческие качества вырастают из постоянно изменяющейся ткани социального процесса. Но на смену метафизике как аксиоматике всеобщих очертаний жизни, универсальных качеств бытия приходит постметафизическая тематика: подвижность связей обновления, многомерность и полифония жизни, развертывание далево-близкой адресатности, опосредованной и непосредственной контактности[6]. Соответственно, «новая» (modern), или индустриальная, эпоха завершается вместе с ее отказом от религиозного взгляда на мир, теоцентризма и переходом к антропоцентризму. С середины XX века можно говорить о постиндустриализме с корректировочными определениями «научно-техническая революция», «информационное общество» и появлением нового термина postmodern. Его существенной чертой является стремительное расставание с прошлым[7].

Не случайно первая половина XX века – время критики позднего индустриального общества как «варваризации общества», «восстания масс», порождения «некультурной культуры». В частности, Н. Бердяев предостерегает против исключительной веры в технику и, как следствие, отмечает появление безличных социальных сил. Возобладание цивилизации над культурой вызывает к жизни, по мнению П.А. Сорокина, феномен чувственной культуры. Позднеиндустриальное общество оказывается перед опасностью политических диктатур и государств как машин, под воздействием которых человек превращается в «хорошо накормленный и хорошо одетый автомат» для Э. Фромма. Появление массового человека становится сообразным развитию массовой культуры как средства стереотипизации сознания и развития «механической конвенциальности» (К. Ясперс). Конкретные упреки информационной революции заключаются в том, что современная информация (шире – информатизация общества), как определяет эти процессы К.Э. Шеннон, является поиском альтернатив. Иначе говоря, жизнедеятельность человека сводится к тому, чтобы разыскивать, собирать и обрабатывать многочисленные данные. В результате появления многосоставных структур (больших организаций) внешне продуктивная деятельность обнаруживает примитивность духовных и культурных начал.

Какие конкретно силы заключают антагонистичность по отношению к системе культуры общества? Прежде всего, человек не является частью социальной системы, он – сама система. Иначе приходится констатировать, что развитие общества не предполагает существование живых индивидов и целиком состоит из безличной структурности. Как

---

[4] **Манхейм, К.** Очерки социологии знания / К. Манхейм. – М., 2000. – С. 112, 113, 124, 125.

[5] **Кемеров, В. Е.** Концепция радикальной социальности / В.Е. Кемеров. // Вопросы философии. – 1999. – № 7. – С. 5.

[6] В классической философии метафизика («то, что идет после физики») означает комплекс естественнонаучных сочинений Аристотеля, в дальнейшей историко-философской мысли эта позиция заключает множество точек зрения. В современный период Ю. Хабермас использует понятие «постметафизическое» во взаимосвязи с реальностью и информационного мира (трансформации в сетях коммуникаций, возрастающая мобильность граждан, вторжение в социальный процесс активных сил). См.: **Хабермас, Ю.** Демократия. Разум. Нравственность / Ю. Хабермас. – М., 1995. – С. 62.

[7] **Киселев, Г. С.** «Кризис нашего времени» как проблема человека / Г.С. Киселев. // Вопросы философии. – 1999. – № 1. – С. 40.

подчеркивает Д. Хоманс, предназначением личности является многосторонний обмен с жизнью социума, что обеспечивает ее духовно-культурную мотивацию[8]. Это значит, что подлинное существование «начинается» с духовной жизни, которая предполагает умопостигающее отношение к миру.

Анализ духовности ориентирован на рассмотрение ума (духа) как философского понятия, означающего нематериальное начало. Первенствующий аспект – объяснение духовной жизни как особой области бытия, реальность которой непосредственно присутствует в людях, является частью их личности (идеи, мысли, чувства, идеалы). Речь идет о производстве сознания в интеллектуальной, нравственно-религиозной и художественно-эстетической формах. Именно на данной основе человеческая личность включается в широкую общественную систему, и существо проблемы духа составляют Истина, Добро, Красота. В отношении этих идеальных начал осуществляется мыслительная и духовно-практическая работа.

Более конкретно следует говорить о духовных интересах, потребностях и ценностях. В отличие от материального существования, которое заключает «предел» стремлений к комфорту, жилищным условиям, пище (не случайно их превышение считается анормальной страстью), духовная жизнь в своих нормах беспредельна. Так, изначально формируются первичные духовные потребности, например, общепознавательного характера (каким образом устроен мир, что понимать под его пространственно-временной размещенностью), постепенно происходит их неограниченное развитие в стремлении познать «истину». Подобная логика распространяется на постижение сущности добра, всеобщей гармонии и универсальной организации мира. По этой причине духовное производство есть производство человека. Его компонентами являются, во-первых, идеи, теории, образы, во-вторых, духовные связи между людьми, в-третьих, отдельный человек и его внутренний мир (совесть, идеалы, представления о добре, истине, красоте). Соответственно, духовное производство включает три основных вида освоения действительности: научное, эстетическое, нравственно-религиозное[9].

Политические и правовые взгляды связаны с практическими отношениями по поводу власти, законности норм поведения людей, оценками их действий (политику отличает целесообразный характер, связанный с расчетом и выгодой, обманом и подкупом, поведенческим лицемерием, соответственно, право ориентировано на претворение воли государства в выгодных ему кодификациях, что не соотносится с поисками истины, добра и красоты человеческих отношений). Распад духовных начал в жизни человека XX века усиливается в том смысле, что, прежде всего, страдают Истина, Добро, Красота. Из духа (духовного) постепенно уходят рефлексивность, альтруистичность и начинают преобладать рационализм, тяга к внешней информированности, влюбленность в сервис и комфорт, превознесение товарно-вещной оболочки жизни. Даже социальное благополучие напоминает заученную механику потребления, общение развивается в замене открытых контактов стыковочными узлами утилитаризма.

Если прежде в систему культуры включалась наука, сегодня их взаимосвязь предстает разделенными началами, что предопределяет новое негативное соотношение культуры и цивилизации. Культура подчиняется остаточному принципу не только в ее финансовом выражении, но и философском понимании: это остаток того, что мы получаем после «вычета» научных знаний и технических достижений как синонимов цивилизационного развития[10].

Культура и духовность взаимообусловлены и их взаимный распад приводит к отождествлению этих явлений с функционализмом, поверхностной информированностью и

---

[8] **Хоманс, Д.-К.** Возвращение к человеку / Д.-К. Хоманс. // Американская социологическая мысль. – М., 1984. – С. 60.
[9] **Лавриненко, В. Н.** Социальная философия / В.Н. Лавриненко. – М., 1998.
[10] **Кутырев, В. А.** Духовность, экономизм и «после» : драма обновления / В.А. Кутырев. // Вопросы философии. – 2001. – № 8.

внешним благочестием. Культура представляет собой институциональную структуру духа, дух выражает непосредственное содержание культуры. Непонимание духовной жизни как средоточения Истины, Добра и Красоты приводит к распространению мнений о непродуктивности «чистых» интеллектуальных начал жизни, абстрактности нравственно-человеческих состояний, вторичности принципов прекрасного. Общество вновь не осознает того, что жить вне культуры и духовности как «непрактичных занятий» в условиях современной цивилизации невозможно.

Потеря альтруистических ориентации на «чужого-другого» устраняет внутренний стержень культуры, нивелирует многообразие духовной жизни и интересов. Все, что не эффективно и не сопрягается с успехом и удовлетворением делового честолюбия объявляется утратой смысла жизни, ненужной растратой времени и бесполезными начинаниями. Даже требования свободы сводятся к абсолютной независимости и отгороженности от гражданско-общественных состояний. В прежний период отношения эгоизма, расчета, калькуляции выгод и невыгод были «прикрыты» духовной культурой. Сегодня проявляют себя крайне широкие формализации и целерациональные действия, универсальная социотехническая регуляция как существо межчеловеческих отношений. Объяснение основ рыночной экономики исключает ее культурные основания, инструментальные средства и принципы предпринимательства не сопрягаются с социокультурными подходами. Деконструкция и деструкции культуры в появлении негативных идейных манифестов, аннулирование духовно-идеальной ориентации приводят к отождествлению социально-человеческой жизни со взаимовыгодными отношениями по типу контрактно-проектных взаимосвязей.

Глобальный характер экономического сообщества, расширяющийся феномен Homo economicus порождают скрытые и открытые формы давления на личность. Развитие духовной жизни редуцируется до меценатства, покровительства, спонсорских поддержек, денежных фондов, назначения премий деятелям искусства финансовыми структурами, учреждениями попечительских советов во главе с бизнесменами при учреждениях культуры и искусства. Одновременно поддержка населения в его социальных заботах и культурных ориентациях вызывает возражение как «проедание денег», поскольку их лучше вкладывать в структуры материального порядка. Если вспомнить о том, что духовная жизнь является составной частью личности, современные критические упреки излишней социально-культурной благотворительности являются выступлениями против самой идеи духовности (не случайны выпады обществен политических деятелей против крупнейших деятелей русской культуры, в частности, в адрес Ф.М. Достоевского, который взывал к участливости, говорил о «бедных людях», «общечеловеческом человеке» – все это «невыгодно» и отвлекает людей от соображений прибыли, эффективности, расчета и т.п.).

В общественной жизни оптимальная идея «смешанной экономики» уступает место понятию «всеобщего рынка», соответственно социальная жизнь понимается как широкая «рыночная площадь». Попытки редуцирования (смягчения) императивов экономизма не результативны: разговоры о креативности мотивации, личности, приватности консультативной деятельности, областей «высоких технологий» только внешне облагораживают жесткие императивы экономической целесообразности и принуждения. Культурный фактор в условиях глобалистических притязаний постепенно принимает форму технологизма, который замещает мыслительные, в том числе духовные способности», умением осуществлять необходимые «операции». В этом случае акцент на развитие межчеловеческих коммуникативных связей переносится на взаимовыгодные расчеты и контакты, хотя и лишенные прежней прямой утилитарности и функционализма.

Не случайно прогрессивные ученые, педагоги и деятели культуры подчеркивают: духовность является целеполагающим основанием устройства мира, предопределением человеческих судеб и направлений исканий. Как бытие идеального, дух отражает субстанциональность мира и обращение к нему необходимо для возрождения гражданского состояния людей, их общекультурного развития, формирование личности и полноты ее

внутренних качеств. При этом современная адаптация проблем духа не должна возвеличивать узкоутилитарные ориентации человека, его прагматические, сверхцелерациональные установки. Прежде всего этому препятствует сфера культуры как преимущественно связанная с укреплением и формированием духовных начал, смысложизненных исканий и общечеловеческих оснований жизни.

Как отмечает Л.П. Буева, духовность является показателем существования иерархии ценностей и целей, в ней концентрируются проблемы высшего, собственно духовного освоения мира, первоначал развития духовно-культурного пространства. Именно в нем происходит разделение возвышенного (сакрального) и низменного, обыденного (профанного), «земного» и «небесного», «верха» и «низа», в конечном счете, «добра» и «зла». Это истинный путь обретения проблемного смысла истины, добра и красоты как высших человеческих ценностей.

В этом случае создаются возможности противостояния механистичности поведения, утилитаризму и функционализму, внеличностной структурности и одновременно осуществления экзистенциально-человеческих измерений бытия, «человека-в-мире» как альтруистического действования. Субъективные процессы осмысления, духовного переживания взаимоотношений с жизнью порождают систему духовно-культурных ценностей. Междумирие этих пространств обнаруживает напряжение социально-человеческих сил, осуществление высоких культурных задач, реализацию потребностей и интересов нефункционального плана, осмысление собственных человеческих исканий и нравственного выбора[11].

Дисгармоничность развития современного мира и деформация сфер науки, образования, искусства исключаются, когда общество развивается по «законам добра», на основе духовно-нравственных исканий как компонентов личностного развития. Сегодня необходимы динамическая «энергетичность» духовного поведения, интеграция мысли, знания и чувств человека, преодоление косности и черствости взаимоотношений, устранение того, что мешает человеку стать «измерителем» бытия. При этом развитие контекстов культуры, прежде всего культурно-антропологического, предполагает различные пути общественно-гражданского возрождения духовности, в частности светского и религиозного.

Л.П. Буевой подчеркивается, что искусственные переакцентировки понимания этих сфер малооправданы. Понятие совести – не только богоподобное, но гражданско-общественное, социально-личностное состояние. Духовное развитие человека и его моральная культура сосредоточены в границах общественных исканий, причем не только в нравственно-религиозной области (художественные произведения раскрывают процессы нравственного развития людей вне лона церкви и ее адептов). Материальные основания культуры необходимы, как и «возвышение», «возвещение» духовных начал, направленность человеческой судьбы к общению с «небесными» субстанциями. Реальная жизненность и религия должны обоюдно противостоять явлениям бездуховности как антиподных культурному пространству личности.

Отдельные группы населения демонстрируют отсутствие интереса к сфере религиозно-нравственных исканий и зацикленность земного существования на вещных благах, пренебрежение соображениями духовно-культурного и культурно-психологического порядков. Со своей стороны, для религии светское пространство жизни есть средоточение духовного упадка, нравственного разложения людей, «обезбоживание» как причина потери истинного человеческого существования («веры», «любви к ближнему», семейных ценностей, святости, утраты себя как культурного существа). Вместе с тем общественно-гражданскую жизнь необходимо исследовать вне сакральности и абстрактных духовных постулатов.

В этом отношении актуальным является анализ плюрализма культур, толерантности взаимоотношений. Понимание этих понятий нередко обнаруживает свои противоположности,

---

[11] **Буева, Л. П.** Духовность и проблемы нравственной культуры / Л.П. Буева. // Духовность, художественное творчество, нравственность : материалы «круглого стола» // Вопросы философии. – 1996. – № 2. – С. 4.

переходит в абсолютный релятивизм, обоснование неразборчивости средств, стирание граней национальной культуры и самобытности. Неправомерно высшие сферы культуры поглощать рассуждениями о взаимотерпимости, политической корректности, необходимости борьбы с радикализмом и экстремизмом, культурном многообразии и несовпадения рамок культуры, причем одновременно демонстрировать пренебрежение к вторжению в общественную жизнь безобразного, уродливого, дисгармоничного, иррационального.

Выравнивание вместо свободного развития культуры оказывает деструктивное воздействие на человеческие взаимоотношения, способствует развитию их суррогатных форм. Так, в ряде случаев утверждается, что культура и антикультура – сопутствующие друг другу явления, и они могут меняться местами, в частности, необходимо понимать, в каком случае мы имеем дело с культурой как бывшей антикультурой, и наоборот.

Сегодня говорится о кризисе нравственной культуры общества, связанном с недостатками этического воспитания и просвещения, безучастностью государства по отношению к состоянию морали и социально-этическому уровню поведения. Вместе с тем эти процессы имеют реальные основания, связаны с модернизацией общественных институтов, в том числе форм правления. Сетование на отсутствие «героев нашего времени» и, соответственно, усилий по поддержанию «положительных примеров» свидетельствует о том, что неясными остаются общественные факторы культурно-образовательного процесса, исследователям свойственна ограниченность социологического кругозора (например, в качестве фактора моральных разрушений и деградации в условиях экономической модернизации приводится отсутствие ориентиров трудовой этики и морали).

Профессионально-трудовая деятельность существенно меняется, на ее характер воздействуют трансформационные процессы, принципиально новой является система социального контроля. В частности, происходит адаптация молодежи к специфике бизнес-поведения, получают развитие нормативные «оптимумы» поведения и регуляции межличностных отношений. Апелляция к данным «нравственной статистики» говорит о том, что исследователи лишены чувства «социологического реализма», остаются за рамками действительных экономических отношений, не ощущают мотивов делового честолюбия, импульсов постиндустриальной эпохи. По аналогии с идеей «индустриальной педагогики» К. Манхейма, которая отвергает принципы «фальшивого воспитания», сегодня можно говорить о постиндустриальной педагогике[12].

Моральному нигилизму определенных слоев и групп общества нельзя противопоставлять отрицание реалий современного социально-экономического процесса, например, вместо анализа фактических сторон информационных процессов говорить об «информационном мусоре» как антиподе идеалов чистого духовного пространства. То, что «возвышенные идеалы» вызывают недоуменные улыбки молодежи, нуждается в объяснении со стороны самих этиков и моралистов. Падение «морали» до уровня бизнеса является объективным процессом, вызванным трансформационными сдвигами в структуре современного общества. «Ползучая рациональность» как «равная утилитаризму» конкретное социально-историческое явление, которое не является следствием господства иррациональных сил или стихийно нагрянувших факторов. Причины современного духовного кризиса заключаются в нарастании радикальной социальности, которую нельзя объяснять с позиции абстрактного знания и ностальгии по традиционному преобладанию фигур культуры и духовности. Нельзя делать ставку исключительно на «возрождение» былых традиций культуры, просвещения и этики, «очищение» духовного пространства, в том числе с помощью государства и его элиты. Более правомерно обращение к социально-экономи-ческой реальности, которая является мощной детерминирующей силой в отношении сферы духовного производства.

Необходимо помнить о том, что факторы формирования духовности всегда будут располагаться особняком. Не случайно М. Пришвин подчеркивал: культура – это связь людей; цивилизация – это сила вещей. Конечно, педагоги и педагогика, культура и культурология

[12] **Манхейм, К.** Очерки социологии знания / К. Манхейм. – М., 2000.

способны на более значительный успех в возвышении человека, чем экономика и политика. Но следует реально преобразовать почву его «возделывания»: вместо этого речь идет об обратном духе неприятия искусством соблазнов экономической реформы с ее духом цинизма, стяжательства, расчета, рациональных рецептов и проектов (много говорится о необходимости отказаться от искусственно навязанных реформ и перемен, в этом заключается счастье избавления, основной опорой является «остаток» того, что остается в душе народа от прошлого развития»[13].

Вряд ли реалистическим можно считать проект завышения педагогикой своих целей как целительницы человеческих душ, придания приоритетного статуса воспитанию перед образованием. Развитие духовного мира и культуры В.А. Лекторский справедливо связывает с выходом человека за границы эгоизма, личной пользы, своекорыстия, мелочных расчетов. Автор ссылается на трактовки духовного начала в традициях западной философии, которая связывает духовность с прочными занятиями личности. В этом случае она опирается на себя, достигает самоосвобождения и самоопределения, погружается в мир реальных взаимоотношений и взаимосвязей, хотя, например, науку, научное познание нельзя связывать с достижением реальных результатов по типу современных проектов.

Такая наука – не лучше бизнес-проектов. Духовность – всегда альтруизм, погружение человека в мир бескорыстных, не обремененных «профессионализмом» действий. Он должен принимать во внимание общественную ситуацию, ориентации и поведение окружающих людей, но эвристические поиски предполагают сложные мотивационные коллизии и варианты морального выбора[14].

Технологическая цивилизация – это процесс рационализации, причем нередко «сплошной», но при этом неправильно выводить природу межкультурных отношений из экономических (рыночных) отношений, хотя рационализм является крайне действенным началом и его неправомочно считать аналогом бездуховного развития (в этом случае труд современного ученого-профессионала, конкретного специалиста выносится за рамки культуры). Другое дело, что технологизация, в худшем случае, машинизация и механизация деятельности образует «зазор» между идеальными целями и чисто проектным началом по «переливанию» готового знания в сосуды прикладных целей и задач. Рациональный порядок определенного периода не должен приводить к отказу от цивилизационных завоеваний человечества, возвращению к новому «культурному одичанию».

Существует ли открытое место, универсальная «площадка» для собственно культурной, духовной деятельности? Прежде всего это зависит от степени развития бескорыстных начал деятельности человека. Технологическая цивилизация обнаруживает конечные пределы, является наступлением того, что современные исследователи называют культурно-антропологической катастрофой. «Преобразовательное» отношение к миру следует поставить на службу культуре многообразия и диалога, всеобщей связи людей и народов, времени их актуальных свершений, соединению традиционного и новаторского. Человеческую активность следует охватить духовно-культурным измерением, способами межкультурного обмена и взаимопонимания. В противном случае культура, искусство, образование оказываются в тисках запрограммированности, элементарного прагматизма и неизбежного оскудения. Соответственно, феномен культуры и культурного развития человека перестает являться предметом научного анализа.

---

[13] **Щербаков, В. Н**. О познавательном, нравственном и эстетическом отношении человека к действительности / В.Н. Щербаков. // Материалы круглого стола «Культура, культурология и образование» // Вопросы философии. – 1996. – № 2. – С. 31.

[14] **Лекторский, В. А.** Гуманизация, гуманитаризация и культурологический подход к образованию / В.А. Лекторский. // Материалы круглого стола «Культура, культурология и образование» // Вопросы философии. – 1997. – № 2 ; **Толстых, А. В.** Традиции культуры : гримасы идентичности. – Там же. Конфигуративные ориентации культуры будущего во многом остаются неопределенными и связаны с переходом от техногенной к антропогенной цивилизации.

Современный человек живет и действует в знаково-символическом мире, творит и саморастворяется в нем. Символические системы и закрепленные в них ценности определяют характер человеческой деятельности, хотя некоторые из них, например, экономика, естественно-научное знание, на первый взгляд, представляются независимыми от культуры. Но это не значит, что новые поколения не должны быть заряжены культурно-продуктивным началом.

Сегодня общепризнано, что техногенная (как «старая» и «добрая» цивилизация) оставляет свои позиции, несмотря на то, что в ее основе лежит точное, размеренное понимание окружающего мира, его устройства, в том числе в государственных измерениях. При этом расходятся фазы (параллели) общего процесса взросления и культурного развития. Культура XX столетия предельно вербализована, овеществлена в электронных устройствах связи и передачи информации, рационализирована в предельном устранении аффективно-эмоционального начала, психологической спонтанности и способности к интуиции. Отсюда – возрастающая внешняя профессионализация личности, взаимосвязанная с рецидивами бездуховного развития. Более того, культурные основания ее формирования, сочетаемые с традиционными методами и стереотипами, приходят в противоречие с общественным развитием и экономической необходимостью. В результате появляются неизвестные ранее каналы социализации и формирования социально-человеческих качеств (компьютеры, телекоммуникации, средства массовой информации).

Так, рассредоточение жизненного пространства не порождает новых культурных жилищ. Необходимо развитие самоопределения как показателя богатства отношений человека с внешним миром, стабильности «образа Я», его зрелости как культурного существа. Сегодня массовыми являются феномены деперсонализации, крайней индивидуализации поведения, хотя возрастающая профессионализация не должна исключать таких качеств личности, как фантазия, интуиция, «авантюрность», внутренняя борьба активных и пассивных начал личности.

Переход к антропогенной цивилизации порождает более гетерогенное общество, в котором дифференциация отношений обеспечивается разнообразием идентификационных образов поведения. Соответственно, индивидно-личностные проявления в границах коллективной идентичности будут принципиально иными. При этом необходимо, чтобы культура была слита с историей, развитие которой усиливает культурное разнообразие мира. По этой причине следует сказать об исходном содержании понятия «культура».

Слово культура, напоминает В.М. Межуев, латинского происхождения[15]. Но в немецкой философии XIX века его смысл был максимально приближен к слову «образование». Х.Г. Гадамер отмечает, что «образование» самым тесным образом связано с понятием культуры и обозначает специфический человеческий способ преобразования природных задатков и возможностей. Смысл культуры как образования закрепляется Г. Гегелем: это «подъем ко всеобщности», «общая сущность человеческого образования состоит в том, что человек делает себя во всех отношениях духовным существом»[16].

Рецензент: С.А. Мельниченко,
канд. филос. наук, профессор ОГИ

[15] **Межуев, В. М.** Культурология как наука / В.М. Межуев. // Культура, культурология и образование : материалы «круглого стола» // Вопросы философии. – 1997. – № 2. – С.9, 10.
[16] **Гадамер, Х.-Г.** Истина и метод / Х.-Г. Гадамер. – М., 1988. – С. 54.

РАЗДЕЛ IV
Литературоведение, журналистика

УДК 070 + 32.001

В.А. ЕВДОКИМОВ,
д-р полит. наук, профессор ОГИ

ВЛИЯНИЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ НА ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИЮ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

Автор анализирует последствия нарушения масс-медиа баланса в политическом процессе, который находится в состоянии постоянной модернизации, и предлагает конкретные меры по деэскалации и предупреждению деструктивного развития социально-политических конфликтов. Исследование носит комплексный характер и может быть использовано при изучении политологии и журналистики.

Influence of mass media on institutiolisation of sociopolitical conflicts

The author analyzes consequences of infringement mass-media of balance in political process which is in a condition of constant modernization, and offers concrete measures on a deescalation and the prevention of destructive development of sociopolitical conflicts. Research has complex character and can be used at studying political science and journalism.

Mass media (MM). Mass-media. An information policy.

Может ли журналистика содействовать институциализации социально-политических конфликтов? Поиск ответа на этот вопрос актуален, так как для масс-медиа в условиях острой конкуренции на информационном рынке и борьбы за аудиторию, как правило, привлекательны конфликтные ситуации, сенсации, вследствие этого не уделяется сколько-нибудь значимого внимания возможности выполнения миротворческих функций. Однако, несмотря на то, что средства массовой информации (СМИ) чаще всего способствуют деструктивному развитию социально-политических конфликтов, возможно и проявление масс-медиа конструктивной позиции, связанной с раскрытием важности соблюдения норм, определенных социальными институтами, или формированием новых, а также выработкой различных форм сотрудничества.

Проявление СМИ конструктивной позиции вызывает интерес в связи с тем, что в результате слома советской системы и перехода к демократическим общественным ценностям, осуществления процессов идентификации граждан, формирования мобильной социальной структуры, становления гражданского общества в России произошло резкое усиление социальной конфликтогенности, т.е. процесса нарастания противоречий в связи с изменением экономической, политической жизни, сменой приоритетов, ценностей и нарушением традиций. Все эти противоречия отражаются в масс-медиа. Разрыв в доходах и качестве жизни, недостаточная эффективность системы управления служат постоянным источником социально-политических конфликтов.

В связи с необходимостью их урегулирования, обеспечения устойчивого развития страны немаловажно участие масс-медиа в институциализации конкурентных взаимодействий. По степени и характеру нормативной регуляции социально-политические конфликты подразделяются на институциализированные и неинституциализированные. О принадлежности

взаимодействия к тому или иному виду можно судить по способности или неспособности людей (институтов) следовать действующим правилам политической игры [1].

Неинституциализированные конфликты чреваты непредсказуемым развитием событий. Может быть нарушено равновесие в политическом процессе, который находится в состоянии постоянной модернизации, непрерывного развития, каждый участник политического процесса одновременно выступает объектом воздействия других субъектов политики. Сохранение равновесия в политическом процессе необходимо для того, чтобы каждый субъект мог действовать в единстве с другими, подвергая постоянной корректировке собственное политическое поведение. Нарушение равновесия ведет к тому, что один из субъектов политического процесса утрачивает возможность влиять на его развитие и выступает лишь как объект воздействия [2, с. 14].

Баланс нарушается, когда в процессе политического взаимодействия один из субъектов лишается информационных ресурсов или добровольно отказывается от их применения. В 2004 году эскалация политического конфликта, возникшего между администрациями Краснодарского края и Краснодара, достигла такой высокой степени, что руководитель городской администрации Н. Приз обратился за поддержкой к федеральным органам государственной власти. Информационная кампания против мэра Н. Приза была прекращена после того, как прессе, подконтрольной администрации края, была дана соответствующая команда [3]. Естественно, резкие изменения, происходящие в информационной политике органов государственной власти, действиях печатных изданий, телевидения и радио, не остаются не замеченными аудиторией. Если журналисты не объясняют причину основательной коррекции редакционной политики «потребителям», то авторитет прессы снижается.

Содействуя институциализации политических конфликтов, масс-медиа разъясняют важность соблюдения норм, определенных социальными институтами (право, государство и т. д.), или формирования новых норм, необходимых для налаживания диалога, урегулирования разногласий, достижения согласия сторон. Такой подход не без успеха применяется прессой, информирующей граждан с целью поддержания единства общества.

Журнал «Российская Федерация сегодня», сообщив о политическом конфликте, возникшем в городе Кемерово между администрацией города и городским Советом по поводу размеров тарифов на коммунальные услуги, привлек внимание субъектов взаимодействия и аудитории к необходимости проводить социальную экспертизу тех или иных решений либо намерений органов государственной или муниципальной власти [4]. А в одном из номеров «Российской газеты» читателям рассказано о социальном конфликте, возникшем между группой интересов – владельцами и продавцами автомобилей с правосторонним рулевым управлением, с одной стороны, и Дальневосточным таможенным управлением, с другой стороны, в связи с введением мини-каталогов и удорожанием подержанных машин [5]. В публикации газеты приводятся слова эксперта, депутата Государственной думы РФ В. Драганова, о том, что для снижения напряженности таможенники должны заключить с автомобилистами «некий социальный контракт», «подписать с дилерами некий протокол».

В 2007 году российские СМИ (телеканалы НТВ, Рен-ТВ, газета «Коммерсант» и др.) затронули в ряде программ и публикаций тему обсуждения в Государственной думе РФ законопроекта, связанного с ужесточением санкций за нарушение правил дорожного движения. Между разработчиками документа и общественными организациями автомобилистов возник конфликт – последние обещали провести масштабные акции протеста. В результате проведения переговоров, подробно, объективно освещавшихся масс-медиа, отдельные статьи законопроекта были скорректированы, что с удовлетворением воспринято группой интересов. Напряженность в отношениях субъектов конфликта резко пошла на убыль.

На институциализацию отношений субъектов политического процесса масс-медиа способны влиять и в доконфликтной ситуации. Пресса, радио и телевидение могут содействовать налаживанию конструктивного диалога власти и групп интересов, созданию постоянных или временных форм сотрудничества (штабов, комиссий и т.д.), поддерживать

стремление сторон предконфликтной ситуации к совместной разработке и принятию решений в интересах социально-экономического развития территорий.

В 90-х годах XX века, когда на ряде промышленных предприятий Омской области сложилась напряженная обстановка в связи с отсутствием государственного заказа и были регулярными сокращения кадров, задержки зарплаты, в регионе была создана и успешно действовала трехсторонняя комиссия, в которую вошли представители администрации области, объединений работодателей и профсоюзов. Комиссия действовала в конструктивном ключе, ее решения регулярно освещались СМИ, благодаря этому были предотвращены акции протеста.

Новым автор считает выявление реальных возможностей СМИ как социального института содействовать институциализации социально-политических конфликтов. Результативность анализа определяется использованным разнообразным эмпирическим материалом, раскрывающим опыт выполнения российскими масс-медиа миротворческих функций. Вывод заключается в том, что конструктивным и полезным обществу может быть функционирование СМИ, нацеленных на формирование гражданской позиции людей, налаживание диалога в рамках действующих правил политической игры, сохранение равновесия в политическом процессе в условиях его постоянной модернизации.

Библиографический список

1. **Соловьев, А. И.** Политология. Политические теории. Политические технологии / А.И. Соловьев. – М., 2001.

2. **Лунцова, Н. Р.** Функционирование СМИ в политическом процессе (на материале федеральных печатных СМИ) : автореф. дис.… канд. полит. наук / Н.Р. Лунцова. – Екатеринбург, 2003.

3. **Турьялай, С.** Мэр Краснодара меняет профессию / С. Турьялай. // Коммерсант. – 2004. – № 172.

4. **Попок, В.** Депутаты не согласились с мэром и защитили интересы избирателей / В. Попок. // Российская Федерация сегодня. – 2005. – № 21.

5. **Журман, О.** Владивосток снова бурлит вправо / О. Журман, Е. Арсюхин, Т. Зыкова. // Российская газета. – 2005. – № 226.

Рецензент: О.В. Волох,
д.полит.н., проф. ОГИ

УДК 070 + 32.001

Л.Н. ТИМОФЕЕВА,
д-р полит. наук, профессор РАГС

ВЛАСТЬ ПРЕССЫ ИЛИ ВЛАСТЬ НАД ПРЕССОЙ: ЧТО ВЫГОДНО ОБЩЕСТВУ?

Эволюция информационно-коммуникационного пространства в конце XX века сделала революционный скачок и изменила мир политического, превратив его в медиаполитическое, а средства массовой информации – во власть. В связи с этим возникает вопрос, что же этому способствовало, какие изменения произошли в поле медиа и что оптимально для современного общества: власть прессы или власть над прессой и выигрывает ли от этих изменений общество?

Authority of press or authority above press: what is favorable to the society?

Evolution of information - communication space at the end of XX century has made revolutionary jump and has changed the world political, having transformed it in mediapolitical, and mass media – in authority. In this connection there is a question, what has promoted to this, what changes have taken place in the field of media and what is optimum for a modern society: the authority of press or authority above press and whether wins a society from these changes?

Mass media (MM).Information-communicative space. Media. Mediacratio or authority media. Mediasystem.

Процесс эволюции информационно-коммуникационного пространства начался давно и шел постепенно, но с определенным нарастанием темпа. Один из оригинальных исследователей медиа, канадский литературовед Маршал Маклюэн в 60-е годы прошлого столетия выдвинул любопытную версию решающего влияния средств коммуникации на развитие человеческой цивилизации и провозгласил тезис: «средство и есть коммуникация», разделив всю историю общества на четыре этапа в зависимости от того, посредством чего люди общались.

Первый этап он связал со становлением речевой культуры и характеризовал его как дописьменное варварство. Общение между людьми с помощью звуков, жестов, рисунков и других невербальных и появляющихся вербальных сигналов было строго ограничено племенем и понятием деревни, иначе люди не услышали и не поняли бы друг друга. Человек жил в мире одновременных связей с другими людьми и со всей деревней.

Второй этап – этап письменности связан с возникновением фонетического письма и появлением алфавита. Грамотность, а также возможность запечатлеть и передать свои мысли другому на каком-то носителе – папирусе, бересте и т.д. – выталкивает человека из племени и тем самым разрушает деревню, расширяет территорию общения. Информацию можно было уже не только слышать, но и видеть, а также хранить. Таким образом, положено начало эпохе великих путешествий, освоения мира.

Третий этап Маклюэн назвал «эпохой Гуттенберга»[1] по имени изобретателя печатного станка (XV в.). Это техническое новшество позволило адресовать письменность массовой аудитории. Печатный станок способствовал развитию всеобщей грамотности, национальных языков и образованию национальных государств, рынка и других черт индустриальной эпохи. Возникли условия для выпуска периодических изданий – газет и журналов. Так появились средства массовой информации и коммуникации.

Четвертый этап ознаменовался созданием электрического телеграфа, телефона и азбуки Морзе, что значительно упростило коммуникацию и сократило дистанцию между общающимися. Теперь, чтобы получить необходимую информацию, не надо было долго ждать ответа. А с изобретением радио и телевидения информация превращается в постоянную среду обитания человека, без которой современному успешному человеку уже трудно прожить. Приходя домой, он включает все, что «говорит и показывает», к тому же, переключая кнопки, он сам может теперь выстраивать свое информационное окружение. А благодаря мгновенной передаче информации пространство как препятствие к общению исчезает и опять воцаряется «деревня», теперь уже «глобальная», как возвращение внутренне связанного мира, характерного для человека, живущего в настоящей деревне. Человек от однонаправленности общения, что давало простое чтение по горизонтали, как у европейцев или арабов, только в разных направлениях, или в столбик сверху вниз, как у китайцев или японцев, вновь возвращается к множественности отношений. При этом аудиовизуальные (электронные) СМИ выигрывают соревнование с печатными.

Современный уровень и характер развития информационно-коммуникационных (технологических) и политических отношений позволяет говорить о том, что в мире появился

[1] **Маклюэн, М.** Понимание Медиа : внешние расширения человека / М. Маклюэн ; пер. с англ. М. Жуковский. – М. : «КАНОН-пресс-Ц» ; «Кучково поле», 2003.

новый феномен – медиакратия, или власть медиа. Утвердилась она и в России. Что означает в реальности медиакратия?

Прежде всего, появились реальные механизмы кибер- и теледемократии, соответственно обеспеченные конституционно-правовым механизмом доступа граждан к информации. Если вслед за русским мыслителем и общественным деятелем 20-х годов XX века А. Богдановым представить себе механизм как «осознанную организацию», то механизм кибердемократии можно определить, как осознанное стремление правящей политической элиты использовать систему электронных СМИ для оказания определяющего воздействия на все общество и государство. Но, такая же возможность появляется и у народа – направить свое послание правительству, депутату, президенту и ждать ответа. В ряде стран Западной Европы сегодня возможно даже оказывать поддержку народным представителям не выходя из дома, с помощью электронного голосования. Таким образом, двух- или трехпартийная система в современных демократиях замещается на систему вещания двух, трех каналов. Появляются и новые способы политического участия с помощью медиа: медиа-опросы, интернет-плебисциты, интерактивное общение первых лиц с населением. Например, ежегодное интерактивное общение президента (губернаторов) с массовой аудиторией или такие передачи, как «К барьеру!» Вл. Соловьева (НТВ), «Судите сами» М. Шевченко (ОРТ), «Народ хочет знать» К. Прошутинской (ТВЦ), где люди голосуют за ту или иную точку зрения по результатам обсуждения проблемы.

Современное общество превращается в «общество спектакля», когда резко повышается не только роль телевидения, но и технологий шоу-бизнеса («Пусть говорят» с Андреем Малаховым, «Ледовый период», «Минута славы» на «Первом канале» и др.), которые охотно воспринимают миллионные аудитории.

Политическое пространство начинают формировать отношения между крупнейшими медиаструктурами, обеспечивающими информационное взаимодействие в обществе. Позиция власти все больше зависит от медиасобственников, а распределение властных полномочий подчиняется законам движения массовой информации. Поэтому власть сама стремится быть держателем мощного государственного сектора вещания – «Первый канал», ВГТРК, НТВ и региональные каналы, учрежденные и финансируемые губернаторами. Вторым крупным сектором стали многочисленные, популярные, но гораздо менее влиятельные частные холдинги и телерадиокомпании. Третьим – остаточным, переходным, гибридным сектором являются телекомпании смешанной формы собственности.

Информационное пространство феномена власти обретает ярко выраженный кросскультурный и транснациональный характер. Появляется институт глобальной власти и глобального гражданского общества. Информационные отношения превращаются в определяющий механизм формирования политической власти.

С одной стороны, новый медиапорядок снижает заинтересованность людей в использовании представительных политических механизмов для защиты своих интересов, что порождает массовый конформизм и другие формы гражданской пассивности. Но с другой – медиакратия трансформирует политику структур и институтов в политику людей (в частности, с помощью Интернета). Они теперь могут устраиваться на работу, работать и даже протестовать с помощью Интернета.

Поскольку ведущим каналом политической коммуникации становятся СМИ, то они образуют в каждом государстве медиасистему, которая зависит от типа политической системы. Медиа и политсистемы тесно, но по-разному связаны друг с другом. Это дало основание отечественным и зарубежным исследователям говорить о медиатизации политики и о различных современных медиаполитических системах.

Впервые об этом написали еще в 1956 г. Г. Сиберт, Т. Петерсон, В. Шрамм в книге «Четыре теории прессы», где выделили четыре идеальные модели функционирования прессы. На их взгляд, в задачи *авторитарной модели* прессы входит поддержание господствующего политического режима, обеспечение его властной функции, служение интересам государства. *Либертарная модель* прессы призвана информировать, развлекать народ, продавать услуги и

товары, но главное – раскрывать перед ним истину и контролировать власть. *Модель прессы социальной ответственности* предполагает в первую очередь решение задачи перевода конфликта сторон в плоскость дискуссии. *Советско-коммунистическая модель* способствует утверждению и дальнейшему успешному существованию советской социалистической системы, а главное – закреплению диктатуры правящей партии.

В дальнейшем эта типология была дополнена, расширена. Например, Дэвидом Нордом в книге «Первые шаги на пути к теории медийного контроля» (1977), который по-своему описал четыре эти модели. При *авторитарной системе* СМИ могут находиться в частных руках, но посредством лицензирования, патентов, цензуры государство осуществляет тотальный контроль над ними. Назначение СМИ – поддержание целей государства. При *либертарной системе* каждый, кто может себе это позволить, управляет средством информации и говорит все, что угодно, за исключением клеветы, личных оскорблений, непристойностей и пр. *Пресса социальной ответственности* независимо от того, в чьих руках находится, обязана каждому предоставить возможность высказаться, если данная информация общественно значима. Назначение СМИ – обеспечивать общественно-политический дискурс, открытый диалог. При *советско-коммунистической системе* все медиа находятся в собственности государства (или руководящей партии) им контролируются и управляются. Назначение СМИ – достижение целей государства.

В американской практике все это принято считать основанием для построения теории СМИ. Однако уже в 70-е годы ее стали критиковать за нормативность и негибкость. Ральф Лоунштейн говорил о ней: применять ее, значит, «забивать квадратный кол в круглое отверстие» и предложил двухуровневую концепцию медиасистемы.

Первый уровень зависит от формы собственности: *частная* (собственники СМИ – частные лица и НПО, существуют эти медиа за счет рекламы и подписчиков); *многопартийная* (медиасобственность принадлежит конкурирующим политическим партиям); *государственная* (собственники СМИ – государство или правящая партия, финансируются они из госфондов или за счет контролируемых государством лицензионных сборов).

Второй уровень зависит от «философии» медиасистемы. При *авторитарной медиасистеме* используется гослицензирование, когда цензура пресекают всякую критику в адрес государства, сохраняя правящую элиту у руля власти. При *социально-авторитарной медиасистеме* государство использует СМИ для достижения своих экономических и идеологических целей. *Либертарная* использует саморегуляцию, при ней отсутствует госконтроль (за исключением государственных тайн и компромата), существует гарантия свободы мнений. Минимальный госконтроль действует в *социально-либертарной медиасистеме.* В *социально-центристской медиасистеме* государство или общественные структуры являются собственниками ограниченного числа каналов массовой коммуникации, чтобы только гарантировать ведущую роль либеральной философии в построении национальной системы масс-медиа. Этот подход заменяет социально ответственную модель из-за ее двусмысленности на две новые модели: социально-либертарную и социально-центристскую, где в одной присутствует плюрализм, а в другой – проведение единственно правильной точки зрения – государственной. Р. Лоунштейн отказывается от слова «коммунистическая», поскольку в нем, на его взгляд, содержится негативный смысл.

Денис Мак-Квайл в книге «Теория массовой коммуникации» (1984), хотя и поддерживает концепцию «четырех теорий», считает, что она не учитывает медиасистемы развивающихся стран, и вводит две новые типологии: по критерию «страны развивающиеся» и «страны развитые».

Для развивающихся стран применима концепция медиаразвития. Она включает в себя следующие положения: 1) медиа должны принимать и пропагандировать идеологию развития, осуществляя свою деятельность в русле проводимого государством политического курса; 2) свобода СМИ может быть подвержена ограничениям, если это необходимо в экономических целях и востребовано идеологией развития общества; 3) следование традициям национальной культуры и языка должно оставаться приоритетным направлением медиапо-

литики; 4) журналисты имеют не только право на свободу слова, но и несут ответственность за распространяемую информацию; 5) в интересах «идеологии развития» государство оставляет за собой право вмешательства в медиасферу путем наложения ограничений на тот или иной вид медиадеятельности, введения цензуры, осуществления прямого или косвенного контроля над СМИ.

Для развитых стран применима демократико-партиципаторная медиаконцепция. Она включает в себя следующие основные характеристики: 1) индивиды и социальные меньшинства имеют право доступа к СМИ (право на информацию), а также право на информационную защиту со стороны СМИ (уверенность, что о них не будет распространяться клевета); 2) СМИ не подчиняются политическому или государственно-бюрократическому контролю; 3) СМИ должны ориентироваться на свою аудиторию, а не на медиаорганизации, профессиональные союзы или своих собственников; 4) группы, организации, локальные сообщества должны иметь свои медиаструктуры; 5) небольшие по размерам, но разнообразные медиа предпочтительнее крупных, ориентированных на один вид деятельности (только радио, например); 6) существуют определенные социальные потребности, которые могут удовлетворить только масс-медиа.

Своеобразную концепцию медиаполитической системы можно найти у Обенг-Квайдоу в работе «Культура и коммуникативные исследования методологий в Африке» (1985), который рассуждает о «симбиотической медиапарадигме» прессы, где журналисты являются частью трехсторонних отношений между правительством и юрисдикцией (судопроизводством) и где возникающие конфликты решаются с помощью закона.

Особое внимание при формировании своей концепции медиасистемы Роберт Пикард в книге «Пресса и упадок демократии» (1985). уделяет частному сектору, состоящему из множества индивидуальных и групповых интересов. Он предлагает внедрять на практике *демократико-социалистическую концепцию медиа*, где ее главным противником становится не государство, а частный сектор, в частности, бизнес, являющийся владельцем большинства медиа. Государство в этих условиях обязано регулировать их отношения, заботясь о доступе граждан к информации и плюрализме СМИ.

В свое время английский политолог Раймонд Уильямс в работе «Коммуникации» (1967) утверждал, что для медиасистемы неприемлема как идея свободного рынка, так и государственная собственность на СМИ, а потому он предложил двойное подчинение медиасистемы, не только частным лицам и государству, но и профессиональным производителям информации.

Естественно, что теория медиа не стоит на месте и развивается. Критерием справедливости той или иной концепции является практика, в том числе и российская, которая за двадцать с небольшим лет претерпела серьезные изменения.

Медиатизация политики произошла и в России. Роль медиа в политической системе России неизмеримо возросла и прошла, по мнению Я. Засурского, Е. Яковлева и других российских исследователей несколько этапов.

Первый этап (с 1985 по 1990 г.) входит в российскую историю как период гласности. Партийное управление СМИ ведется в соответствии с курсом М.С. Горбачева на демократию. Развиваются две модели журналистики: *перестроечная* – критика бюрократии, командно-административной системы и *инструментальная* – СМИ выступают инструментом демократизации под управлением партии и государства.

В течение второго периода – с 1990 по 1995 г. – укрепляется роль СМИ как самостоятельного института. Этому способствовало и принятие в 1990 г. Закона РФ «О средствах массовой информации», отменяющего цензуру в стране, благодаря чему в 1993–1995 годах масс-медиа проводят эффективную антивоенную медиакампанию против войны в Чечне. Журналистика противопоставляет себя государству и утверждается в обществе как «четвертая власть».

Во время третьего периода, с 1995 по 1999 г., начинается период коммерциализации прессы, или управления прессой, осуществляемого капиталом. Крупные собственники кон-

вертируют деньги в прессу, а прессу – во власть. Журналистика становится *корпоративно-авторитарной.* Журналистами стал управлять не агитпроп ЦК КПСС, а крупные бизнесмены: Б. Березовский, В. Гусинский и др. По мнению И. Засурского, именно с 1996 по 1998 г. в России складывалась медиаполитическая система, характеризующаяся двумя взаимозависимыми процессами: политизацией СМИ и медиатизацией политики[1].

Четвертый период (2000–2004) знаменуется борьбой государства за влияние на СМИ, когда создается модель подконтрольных государственных медиа.

Что же происходит в России сегодня? Политический режим в России некоторые исследователи[2] характеризуют как плебисцитарно-вождистскую демократию (авторитарный режим с опорой на бюрократический аппарат при соблюдении демократических процедур), которая при отсутствии в обществе серьезной демократической опоры и одновременной ставке власти на консолидацию, стабильность и порядок, считается вполне логичной и оправданной. Либертарная модель взаимодействия власти и СМИ осталась в прошлом и была характерна для России в эпоху гласности и последующей демократизации общества.

Что же лучше для России? Опыт современных демократий показывает, что оптимальными медийными отношениями считается концепция социально-ответственных СМИ, при которой государство вправе ограничивать политическую свободу СМИ рамками национального интереса, а СМИ должны функционировать от имени и в интересах общества, реализующего через них свободу слова. В России переход к модели социально ответственной прессы возможен через усиление контрольных функций государства и одновременно через воспитание по-граждански ответственного журналиста.

Как же изменился в постсоветском информационно-коммуникационном пространстве российский медиарынок? Прежде всего, электронные СМИ потеснили печатные. С возникновением радио, телевидения и Интернета неуклонно снижается количество газет, приходящихся на одну семью. Особенно упало число газет, проданных группе читателей в возрасте от 20 до 30 лет. Для молодежи характерно аудиовизуальное восприятие информации. Но даже люди старшего и среднего возраста стали меньше читать, а больше смотрят телевизор и слушают радио. Около 40% россиян ежедневно смотрят новости по центральным телеканалам, вещающим из Москвы, в то время как совокупная аудитория общенациональных газет не превышает 20%. Для 40% населения именно ТВ является источником местных новостей, и только 19% граждан читают газеты, чтобы узнавать местные новости. Почему? Не только потому, что людям это больше интересно, но и потому, что не надо платить: тарифы на печатную продукцию чрезвычайно выросли.

По данным Национальной ассоциации телевещателей, основу любого регионального рынка составляют девять телевизионных каналов, доступ к которым имеют более 50% россиян. В эту группу входят: три общенациональных канала с разным имущественным статусом: «Первый канал», ВГТРК, НТВ; четыре федеральные телесети: ТВ-6, РЕН-ТВ, СТС, ТНТ; два межрегиональных канала (государственный «Культура» и столичный муниципальный – ТВЦ). Популярность «Первого канала» – 41%; НТВ – 25%: ВГТРК– 13%. Все другие суммарно – 15%. Недавно появился еще один, быстро набирающий популярность «Пятый канал».

Еще в конце 90-х годов в России возник кризис доверия ко всем средствам массовой информации. Социальное расслоение населения на бедных и богатых, рост социально-экономических проблем вызвали социальное и политическое разочарование у населения в недавних кумирах перестройки – партиях, церкви, СМИ. Как показывали опросы, в 1995 г. моральными авторитетами для россиян были церковь и СМИ. Медиа доверяли 70%. Но уже в 2000 г. только 30-40%. Кризис доверия в основном коснулся печатной прессы. Сегодня в России только 13% доверяют газетам, а 36% – телевидению. «Постарались» здесь и сами

---

[1] **Засурский, И.** Реконструкция России : масс-медиа и политика в 90-е / И. Засурский. – М., 2001.

[2] См., например: **Швидунова, А. В.** Взаимодействие политической и медиа систем в условиях российских трансформаций : характер и параметры теоретического измерения : автореф. дис.… канд. полит. наук / А.В. Швидунова. – М. : МГУ, 2005.

работники СМИ, виновные в появлении необъективной «заказной журналистики», которая за деньги может создать любую «объективную реальность».

В связи с социальным расслоением растет в России, как и во всем мире, «цифровое неравенство». Персональные компьютеры и доступ в Интернет имеются только у состоятельных людей и людей среднего достатка.

Произошла регионализация СМИ или, иными словами, изменилась структура медиарынка, превратившись из вертикально-иерархической в горизонтальную и приняв почти сетевую конфигурацию на региональном уровне. Там местные новости и реклама быстрее находят своего потребителя.

Важную роль стала играть реклама как источник финансирования СМИ, как средство информирования и одновременно формирования бытовой и потребительской культуры. Благодаря ей появилась современная индустрия СМИ с ее крупными производителями и распространителями.

Однако как бы ни складывались отношения в медиаполитической системе и что бы ни происходило с российским рынком СМИ, налаживание диалога между личностью, обществом и государством остается одной из фундаментальных задач российской прессы, ибо это естественная функция средств массовой информации как представителя публичных интересов. Проблема же заключается в том, что, являясь по природе своей социальным институтом, агентом общества, пресса берет на себя функции власти, за что подвергается критике как с ее стороны, так и со стороны общества.

Действительно, СМИ часто представляются многим в России как неформальное или альтернативное правительство, чье мнение (согласно социологическим опросам) кажется обществу гораздо весомее, чем мнение истеблишмента, политиков и государственных служащих, нередко пекущихся о чести мундира больше, чем о нуждах людей. Есть ли для этого основания?

Безусловно, есть. Они, прежде всего, заложены в психологии и мироощущении самого российского общества: не доверять власти частично или полностью; воспринимать прессу как своего единственного и последнего заступника, помощника в борьбе с произволом властей и т.д. Не последнюю роль в повышении внимания к прессе играет неэффективное политическое правление, порождающее социально-экономический кризис в стране и растерянность у населения: где же справедливость и кто виноват?

Даже если пресса ошибается, искусственно преувеличивает свое значение, подкупается и манипулирует общественным мнением, граждане, браня ее, все же вынуждены на нее полагаться. Почему? Да потому что они объективно нуждаются в ней. Пресса обладает такими качествами, без которых жизнь современного общества трудно себе представить. Ей присущи антропологическое начало, ибо информация является важнейшим ресурсом для самой жизни человека; социальное начало, смысл которого – в объединении людей для совместной деятельности и общения; и, наконец, духовное начало, которое отвечает за развитие, образование, формирование ценностной шкалы личности.

Но все же у СМИ есть и такие черты, которые напоминают качества власти: 1) публичность, т.е. пресса выступает от имени всего общества; 2) массовость, которая позволяет ей благодаря своим тиражам обращаться к широким массам народа (особенно это касается электронных СМИ – телевидения и радио); 3) односторонний процесс общения с аудиторией «сверху вниз». Общение «снизу вверх» затруднено рядом технических и других условий (например, редакторским отбором); 4) неодномоментность общения: ответ всегда запаздывает, подается журналистами выборочно в соответствии с их соображениями целесообразности или игнорируется вовсе.

Однако ресурсы власти и прессы разные. Если в руках власти могут находиться все без исключения ресурсы, включая информационные (СМИ в том числе), то у прессы только один ресурс (но какой?!) – общественное мнение, если, конечно, оно свободно формируется и живет самостоятельной жизнью. Чем сильнее, развитее общественное мнение, тем мощ-

нее власть прессы. Вот на чем зиждется вполне оправданное представление о СМИ как о «четвертой власти».

«Властные претензии» прессы и объясняют необходимость контроля над деятельностью самих СМИ, которые берут на себя столь важную функцию контроля над государством и обществом. Поэтому обеспечение прозрачности деятельности СМИ, создание всевозможных наблюдательных общественных советов на телевидении и в печати, составление общественностью рейтингов самых объективных средств массовой информации и присуждение журналистам заслуженных наград на этом поприще, очевидно, наверняка изменит ситуацию к лучшему. Поможет, наконец, поднять рейтинг доверия к социально ответственной медиасистеме, если таковую удастся создать в России, как со стороны власти, так и общества. В конечном итоге это поможет им действовать более эффективно. Ибо, как говорил отец кибернетики Нойберт Винер, чтобы быть успешным, человеку нужна достоверная информация. Это единственно верный критерий при ответе на вопрос, что выгодно обществу: власть прессы или власть над прессой.

Рецензент: В.А. Евдокимов,
канд. полит. наук, доцент ОГИ

РАЗДЕЛ V
Информационные технологии в образовании

УДК 37.0 + 629.7

О.М. АЛИФАНОВ,
д.т.н., член-корреспондент РАН, декан Аэрокосмического факультета МАИ;

В.С. ХОХУЛИН,
к.т.н., доцент МАИ

РОЛЬ КОСМИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В XXI ВЕКЕ

Автор рассматривает значение решения глобальных задач в области космонафтики для дальнейшего развития цивилизации на Земле. Проникновение процесса космизации во все сферы жизнедеятельности человечества и в сознание каждого индивидуума. Космическое образование как спектр воспитательно-образовательной деятельности, обеспечивающий формирование в обществе космического мировоззрения.

Процесс космизации. Космизация сознания. Космизация образования (КО).

Role of cosmic education in XXI the century

The author examines the value of the decision of global tasks in area astronavtic for the further development of civilization on the Earth. Penetration of process cosmisation in all spheres of ability to live of mankind and in consciousness of each individual. Cosmic education as the spectrum of breed-educational activity providing formation in a society of cosmic outlook.

Process of cosmisation. Cosmisation of consciousnesses. Cosmisation of educations.

На рубеже тысячелетий наиболее заметно, что цивилизация на Земле вступило в фазу интенсивного поступательного развития. Всего лишь две сотни лет назад (во времена Пушкина) любое путешествие было проблемой и событием, настраивающим на созерцательное восприятие окружающей действительности.

Начало века двадцатого ознаменовалось первыми шагами и стремительным развитием авиации. Для человечества это было эпохальным событием. Процитируем знаменитого революционера и ученого Николая Морозова: «Когда я взлетел на аэроплане и увидел перед собой в вихре несущегося мимо воздуха раскрывшиеся берега Финского залива и крыши петербургских домов, как будто грани кристаллов, вросшихся в Землю, мне показалось что передо мной как некогда перед Моисеем, с вершины Синайской горы раскрылась обетованная земля будущего человечества, когда оно, свободное, взлетит за облака. Вот пейзаж, который будет привычен нашим потомкам, думалось мне. Какое счастье родиться и жить на рубеже двух эр нашей земной истории и хоть мельком увидеть абрисы будущего!» Интересно отметить, что эти слова были выбраны эпиграфом исторического анализа развития авиации «Дебют крыла», опубликованного Верой Алексеевой 28 апреля 2000 г. в газете «Поиск» №17(571).

Прошло немногим более 50 лет, и 4 октября 1957 года началась новая эра в истории развития человечества – эра исследования и освоения космического пространства. Это событие, а также дальнейшее успешное развитие космонавтики неразрывно связано с нашей страной.

Историческая роль России в становлении и развитии теоретической и прикладной космонавтики признана во всем мире. Запуск первого искусственного спутника, первый полет человека в космос, эксплуатация уникальных автоматических космических комплексов, создание и длительная эксплуатация орбитальных станций, а также успешная реализация многих других ракетных и космических программ открывают широкие перспективы перед человечеством не только в плане освоения космического пространства и использования космической деятельности в интересах человечества, но и в плане овладения человеком космическим мировоззрением, пониманием ответственности человека перед обществом, перед окружающей средой, перед будущими поколениями.

Первые практические достижения космонавтики в конце пятидесятых – начале шестидесятых годов XX века, как в нашей стране, так и за рубежом были во многом обусловлены успешной разработкой в сороковые – пятидесятые годы ракетной техники военного назначения. В результате этой удачной конверсии разработок ВПК родились ракетно-космическая наука и промышленность, которые по своему потенциалу и по уровню разработок имеют мировое значение. Кроме того, с этого момента начался все более убыстряющийся процесс космизации науки, производства, информатизации и, на фоне этого, общественного сознания населения Земли.

В настоящее время практическая космонавтика является мощнейшим фактором глобализации отношений в системе «человек – общество – природа». Эти отношения многогранны и охватывают практически все направления жизни и деятельности современного общества. Поэтому космическая деятельность рассматривается как составная часть правительственной концепции перехода Российской Федерации на модель устойчивого развития (опубликована в 1995 году). В этом документе с учетом специфики условий осуществления производственно-хозяйственной деятельности в нашей стране определены основные тенденции развития системы хозяйствования более высокого, общепланетарного уровня.

Развитие цивилизации на Земле выдвигает новые глобальные задачи в области космоса, которые становятся непосильными для решения одной страной, даже такой богатой как США, и требуют интеграции космических достижений всех стран, международного сотрудничества в фундаментальных исследованиях околоземного космического пространства и планет. Космическая техника, впитавшая все мировые достижения в области математики, физики, механики, химии, оптики, электроники, стала источником научно-технического прогресса в различных сферах как в России, так и во многих зарубежных странах. К космической деятельности присоединились более 120 стран мира, 20 из которых имеют свои национальные космические программы. Эти государства вкладывают средства в создание и развитие национальной космической науки и техники, в разработку ракет-носителей космических объектов и космических аппаратов, в реализацию международных космических проектов. При этом во многих странах (Индии, Бразилии, Аргентине, Пакистане и т.д.) не решены собственные социально-экономические проблемы. Тем самым подтверждается факт, что развитие космонавтики является вкладом в будущее, определяющим истинное отношение общества к следующим поколениям.

Сегодня каждому гражданину планеты Земля становится все более очевидной ведущая роль космонавтики в познании окружающего мира, в решении многих актуальных научных и технических проблем, а также практических проблем связи, информатизации, развития телекоммуникаций и т.д., ставших для многих из нас реальной действительностью и насущной необходимостью в повседневной жизни. Становится ясным, что состояние космических исследований и разработок, а также использование космических достижений в той или иной стране является наиболее точной оценкой уровня ее развития, благосостояния и будущих перспектив.

На наших глазах происходит осязаемый и быстропротекающий процесс космизации окружающей нас действительности. Основными составляющими этого процесса являются:

- Космизация науки – изучение процессов и явлений, происходящих в космосе и нередко не наблюдаемых на Земле, а также процессов, явлений, методов исследования и расчета, принципов перемещения и функционирования объектов космической техники.
- Космизация промышленности – производство космических аппаратов и средств их выведения, разработка для этой цели соответствующих технологий, материалов и процессов, использование этих технологий и материалов в других отраслях промышленности и в народном хозяйстве в целом и т.д. Необходимо отметить, что ракетно-космическую, аэрокосмическую и авиационную отрасли промышленности нельзя рассматривать в отрыве от других высокотехнологических отраслей, достижения которых являются основой национальной безопасности нашего государства.
- Космизация бизнеса – использование связных спутников и соответствующей инфраструктуры для оперативной и надежной передачи больших потоков информации, оперативное внедрение в производственную сферу современных космических технологий и материалов, коммерческое использование космической техники, разработка новых объектов космической техники на коммерческой основе, финансирование космических разработок, инвестиции в предприятия авиационного и космического профиля.
- Космизация коммуникаций – широкое использование космических средств связи для обеспечения трансляций радио- и телепрограмм, включая образовательные программы, для обеспечения космической поддержки компьютерных информационных сетей, а также для оперативной передачи информационных потоков в интересах различных пользователей.
- Космизация метеорологии, геофизических, геологических, метеорологических и других исследований, а также таких «некосмических» направлений деятельности человека, как сельское и лесное хозяйство, рыбная промышленность и т.д.
- Космизация здравоохранения – решение комплекса медицинских проблем обеспечения жизни и деятельности человека в условиях длительного космического полета, внедрение достижений этой области в практическую медицину.
- Космизация политики – обеспечение государственной поддержки, координации и планирования международного сотрудничества в исследовании и освоении космического пространства, в реализации международных проектов и программ.
- Космизация обороны – решение проблем национальной безопасности государства средствами космической техники и т.д.

Эти объективные процессы все в большей степени определяют направление эволюционного развития каждого государства в таких определяющих сферах, как экономика, политика, национальная безопасность, дипломатия и, конечно, наука и технология. Эти все более интенсивно протекающие процессы требуют от каждого из нас глубокого осознания окружающей действительности, более продуманного и ответственного принятия решений, глобального представления связи сегодняшней действительности как с прошлым, так и с будущим.

Сегодня мы уже являемся свидетелями формирования в человеческом сообществе ответственного отношения к выбору направлений своего дальнейшего развития, к выбору методов и средств достижения конечного результата. Это свидетельствует о формировании в обществе нового космического сознания или, иными словами, происходит космизация сознания землян.

Космизация сознания – формирование целостной картины окружающего материального и духовного мира, осознание принадлежности каждого землянина к единому человеческому сообществу как элементу социальной формы существования материи во Вселенной; осознание роли и ответственности индивидуума перед обществом и будущими поколениями за возрастающее воздействие человеческой деятельности на политическую, нравственную и экологическую обстановку на планете, на ход исторических процессов развития цивилизации на Земле.

Космизация сознания базируется на формировании в обществе в целом и у каждого человека в частности космического как базового элемента мировоззрения будущего.

Основными элементами космического мировоззрения – мировоззрения будущего – как системы взглядов на мир, на природу и общество, как общего понимания окружающей действительности и обобщенное представление о мире в целом, являются: всеединство человеческой цивилизации; конвергенция, духовная интеграция социумов, образующих человеческое общество; формирование целостной картины окружающего человека материального и духовного мира, способствующей осознанию принадлежности каждого землянина к единому человеческому сообществу; углубленное представление об истории развития цивилизации на Земле, обо все возрастающей роли и ответственности личности перед обществом и перед будущими поколениями, о расширяющемся и углубляющемся воздействии человеческой деятельности на окружающую среду и экологическую обстановку на планете, о состоянии природных и энергетических ресурсов; ориентация интеллектуальных ресурсов индивидуума и общества в целом на поступательное развитие цивилизации.

Однако сегодня нельзя сказать, что все государства и, тем более, каждый индивидуум осознанно представляют и разделяют космическое мировоззрение, осознают роль и значение космонавтики и достижений космической науки и техники для каждого человека и для каждого государства. Иными словами, коллективный разум общества, его интеллект не полностью осознает объективные процессы космизации практически всех направлений развития цивилизации.

Данное противоречие может быть устранено только в процессе всестороннего образовательного процесса, охватывающего все слои и все возрастные группы общества. Речь идет о космизации образования. Космизация образования базируется на аэрокосмическом образовании как составном элементе национальной системы образования [1].

Космическое образование – это широкий спектр воспитательно-образовательной деятельности, обеспечивающей формирование в обществе космического мировоззрения, получение знаний, необходимых для осознания роли и места человека в современном обществе и в том числе в освоении космоса как наиболее перспективной компоненты деятельности современного человека, взаимосвязи между земными и космическими явлениями, понимания значения и роли космических исследований и практической космонавтики в жизни человечества, практического использования достижений космонавтики в различных областях науки и экономики, овладения профессиями аэрокосмического профиля, выработки разумной политики в области космической деятельности.

Важными профессиональными компонентами космического образования являются аэрокосмическое, ракетно-космическое и авиационное образование, а также другие смежные направления профессионального образования. Эти компоненты космического образования ориентированы на профориентацию, подготовку и переподготовку специалистов соответствующего профиля.

Учитывая значение космического образования для будущего России и всего человечества, Российское космическое агентство в 1997 году инициировало разработку проекта Концепции и проекта Национальной программы космического образования в России. Эти документы были разработаны и утверждены на заседании секции «Космическое образование» научно-технического совета Российского космического агентства [2].

В разработанных документах отмечается, что космическое образование является составным элементом национальной системы образования. Космическое образование соответствует базовым императивам развития цивилизации, общества и человека:

- выживаемость и устойчивое развитие человечества в XXI веке;
- опережающее развитие качества общественного интеллекта и качества образовательных систем в обществе;
- становление цивилизации образовательного общества;
- формирование новой парадигмы проблемно-ориентированного профессионализма;
- всестороннее, гармоничное, универсально-целостное, творческое развитие;

- непрерывное образование личности на протяжении всей жизни как условие ее существования в «мире изменений», в мире большой социально-экономической, научно-технической и профессиональной обновляемости;
- переход в начале XXI века к всеобщему высшему образованию отдельных обществ и цивилизации в целом.

Основными направлениями космического образования являются:

- формирование у россиян космического мировоззрения;
- повышение качества профессионального космического образования.

Основная роль в реализации космического образования отводится действующей в стране системе непрерывного образования, включающей системы:

- дошкольного воспитания и образования;
- общего образования;
- профессионального образования и, в первую очередь, профессионального аэрокосмического образования;
- дополнительного (общего, профессионального, последипломного) образования,
- а также на структурах государственного управления, определяющих геополитику и политику в области космической деятельности и в области высоких технологий в целом.

Остановимся вначале на космическом образовании общества.

История развития цивилизации на Земле показывает, что во все времена и во всех формациях основной целью образования было формирование общественного интеллекта, т.е. совокупного интеллекта общества, который осуществляет управление будущим со стороны общества как целого на основе принимаемых доктрин и программ. При этом нужно иметь в виду, что интеллект человека не существует вне общественного интеллекта, а образование – основной механизм воспроизводства общественного интеллекта.

В то же время необходимо учитывать, что труды русских космистов К.Э. Циолковского, В.И. Вернадского, А.Л. Чижевского и их сегодняшних последователей научно обосновывают единство космоса, жизни и разума. Таким образом, коллективный разум общества, его общественный интеллект необходимо рассматривать как частицу космопланетарных, мировых процессов, а образование, формирующее общественный интеллект, в своей мировоззренческой компоненте должно нести обществу непрерывно развивающиеся знания о космосе [3, 4].

Поэтому основной целью космического образования общества является формирование современного научного мировоззрения общества как базового элемента мировоззрения будущего, так как именно оно напрямую воздействует на становление личности человека и должно формировать духовные и нравственные ценности человеческого сообщества, его коллективный интеллект.

Более того, прорывы в сфере образования, утверждение социальной роли образования на качественно более высоком уровне, стремительное развитие образовательных технологий обусловлены выходом в «космос» глобальных мировоззренческих проблем, стоящих перед человечеством в начале не только XXI века, но и нового тысячелетия [5, 6].

В этой связи необходимо отметить, что космонавтика, как новая сфера человеческой деятельности, расширяет и углубляет представление человека об окружающем мире, интенсифицирует непрерывный процесс познания Вселенной, дает возможность оперативно получать информацию об экологической обстановке на Земле средствами космического мониторинга, формирует у граждан чувство ответственности за результаты своей деятельности как при разработке новой, нередко не имеющей аналогов космической техники, так и в других профессиональных и общественных сферах, является мощным фактором единения и интернационализации в научной и производственной деятельности в процессе разработки международных космических проектов и программ, является постоянно развивающейся базой развития точных, прикладных и гуманитарных наук, создает условия для решения острых проблем развития цивилизации на Земле (рост численности населения, истощение полезных ископаемых, рост энергопотребления, получение принципиально новых материа-

лов, веществ и препаратов, вынос в космос экологически вредных производств и т.д.), предоставляет средствами космической техники широкий спектр различных актуальных услуг населению, предприятиям и организациям и тем самым способствует прогрессу цивилизации на Земле.

В результате в XX столетии космонавтика и космическая деятельность позитивно и наиболее кардинально повлияли на мировоззрение и мироощущение землян. Учитывая этот фактор, необходимо рассматривать космическое образование общества как наиболее доступное, деполитизированное, положительно воспринимаемое большинством средство формирования у населения нашей страны и других государств планеты основных положений мировоззрения будущего.

Основными направлениями космического образования общества являются:

- космическое образование молодежи (дошкольное и начальное образование, среднее и высшее непрофессиональное космическое образование, а также дополнительное образование молодежи средствами различных учебных заведений, космоцентров и общественных организаций);
- космическое образование взрослого населения страны;
- космическое образование общественных и политических деятелей и деловых кругов.

В числе основных целей космического образования общества необходимо выделить:

1. Формирование у россиян космического мировоззрения, обеспечивающего глубокое понимание взаимозависимости и взаимообусловленности процессов и явлений, происходящих в окружающей действительности, как в природной, так и в социальной сферах, понимание ответственности человека за выживание цивилизации, понимание значимости и полезности для общества освоения космического пространства.
2. Обеспечение реализации принципа опережающего космического образования общества как фактора, обеспечивающего гармоническое развитие личности, общественных отношений и государственной деятельности.
3. Введение космического компонента в действующие образовательные стандарты учебных заведений различных уровней как государственных, так и альтернативных при соблюдении подлинного равноправия всех субъектов Российской Федерации с учетом их культурно-образовательных, исторических и этнических традиций и национальных особенностей.
4. Обеспечение доступности и информативности космического образования, позволяющее личности и обществу в целом получать требуемые знания в сфере космонавтики, о космических и геофизических явлениях, о принципах работы и возможностях различных объектов космической техники, о космических материалах и технологиях, необходимую информацию о космической деятельности, ее результатах, а также понимать политику государства по всем направлениям космической деятельности.
5. Формирование системы непрерывного космического образования общества, позволяющей индивидууму самостоятельно преодолевать информационные загрязнения, искажение информационной экологии, которые могут привести к возможности манипулирования массовым сознанием людей.
6. Осуществление патриотического воспитания, в том числе военно-патриотического воспитания российского общества.
7. Обеспечение национальной безопасности, содействие экономической конкурентоспособности и устойчивому развитию России.
8. Расширение и дальнейшее развитие международного сотрудничества в области КО.
9. Развитие оздоровительного движения в обществе на базе прикладных и технических видов спорта, используемых при подготовке космонавтов.

Для достижения сформулированных целей космического образования общества необходимо решение следующих задач:

1. Координация деятельности действующих и вновь образуемых форм и структур космического образования.

2. Разработка и включение в государственные образовательные стандарты начального и среднего (общего и профессионального) образования и, соответственно, в образовательные программы дошкольных учебных заведений, школ, техникумов, колледжей разделов дисциплин, формирующих знания учащихся в области авиации и космонавтики на разных этапах учебного процесса в рамках единой системы непрерывного космического образования населения.

3. Разработка и быстрейшее внедрение «космических» дополнений в образовательные стандарты высшей школы для «некосмических» специальностей, а также разработка соответствующего методического обеспечения.

4. Разработка методического обеспечения космического образования детей и взрослых, обращая особое внимание на представителей деловых кругов, политических и общественных деятелей.

5. Разработка комплекса мер по повышению информирования населения страны о направленности, целях, задачах Национальной программы исследования и освоения космического пространства, об открытиях и уникальных разработках в области космической техники, о возможностях, перспективах и предполагаемых сроках внедрения в народное хозяйство новых материалов, технологий и технических средств, разработанных в результате космической деятельности.

6. Формирование и развитие в масштабе государства системы организационно-технического и нормативно-правового обеспечения космического образования общества.

7. Формирование и развитие многоканальных финансовых механизмов, обеспечивающих космическое образование.

8. Образование центров повышения квалификации учителей и других преподавательских кадров по научным основам авиации и космонавтики, принципам функционирования космической и авиационной техники, достижениям в области освоения космоса, результатам использования авиационных и космических технологий в народном хозяйстве.

9. Модернизация старых, открытие новых и материальное оснащение космоцентров, в том числе на базе вузов и предприятий, придание им функций центров дополнительного космического образования детей и взрослых.

10. Образование региональных учебно-научных комплексов (на уровне республики, области, города, района), интегрирующих возможности предприятий ракетно-космической, аэрокосмической, авиационной и других высокотехнологичных отраслей промышленности, а также возможности начальных, средних и высших учебных заведений для решения проблем и обеспечения дополнительного космического образования различного уровня.

11. Создание федерального и региональных центров дистанционного обучения, в том числе с использованием технических возможностей космического сегмента. Оснащение этих центров необходимым методическим обеспечением и программами по базовым направлениям космического образования.

12. Организация постоянно действующих выставок достижений российской космонавтики, регулярных встреч граждан с видными учеными и космонавтами во всех регионах страны.

13. Создание в России центров международного космического туризма, международных молодежных школ по космической тематике, международных молодежных космических центров, проведение конференций, симпозиумов, диспутов по многогранным проблемам развития космонавтики.

14. Создание в России центра «Космическое здоровье» по координации и организации оздоровительной работы с молодежью и взрослым населением по общефизической подготовке на базе прикладных и технических видов спорта, используемых при подготовке космонавтов. Организация выпуска «космических» тренажеров. Проведение общероссийских соревнований на спортивной базе ЦПК.

Необходимо отметить, что в настоящее время задачи космического образования общества в той или иной степени начинают решаться. Появляются заинтересованные и конструктивные публикации в различных изданиях, снимаются фильмы, выходят в эфир радио и

телевидения исторические, общеобразовательные и проблемные передачи, раскрывающие состояние и тенденции развития отечественной авиации и космонавтики. Хочется верить, что этот положительный процесс будет и дальше развиваться, раскрывая перед обществом потенциальные возможности отечественной науки и техники, патриотизм российских ученых и специалистов и перспективы отечественной сферы высоких технологий.

Библиографический список

1. Проект Национальной программы космического образования.
2. Цели и задачи национальной программы космического образования России / О.М. Алифанов [и др.] // Полет. – 2000. – № 5.
3. **Гершунский, Б. С.** Философия образования для XXI века. (В поисках практико-ориентированных образовательных концепций) / Б.С. Гершунский. – М. : Изд-во «Совершенство», 1998. – 608 с.
4. **Субетто, А. И.** Социогенетика : системогенетика, общественный интеллект, образовательная генетика и мировое развитие (интегративный синтез) / А.И. Субетто. – М. : Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 1994. – 168 с.
5. **Казначеев, В. П.** Здоровье нации, просвещение, образование / В.П. Казначеев. – Москва – Кострома : Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов ; Костромской государственный педагогический университет, 1996. – 248 с.
6. Формирование ежегодного доклада «Качество высшего образования в России : состояние, тенденции, перспективы» на базе комплексного мониторингового исследования / под ред. Н.А. Селезневой, А.И. Субетто. – М. : Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 1998. – Ч. I – 45 с.
7. Проект Федерально-региональной программы развития аэрокосмического образования. – М. : МАИ, 2002.
8. Проект Федерально-региональной программы воспроизводства научных и научно-педагогических кадров для авиационной и ракетно-космической промышленности. – М. : МАИ, 2002.

Рецензент: В.И. Трушляков,
д-р техн. наук, профессор ОГИ

РАЗДЕЛ V
Научная жизнь

РЕЦЕНЗИИ

УДК 821.161.1

А.Э. ЕРЕМЕЕВ,
д-р филол. наук, профессор

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ОСМЫСЛЕНИЮ МИРОТВОРЧЕСТВА В РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Рецензия на книгу Л.А. Ходанен «Миф в творчестве русских романтиков». – Томск, Изд-во Томского государственного университета, 2000. – 320 с.

Монография Л.А. Ходанен посвящена месту и роли мифа в творчестве русских романтиков. В книге впервые систематически на материале эстетических трудов, литературно-художественной критики конца XVIII – первой трети XIX веков, поэзии и прозы рассматривается эстетика и поэтика мифа, который формировался в русской литературе в процессе освоения трудов отцов Церкви, национального фольклора и был потенцирован философскими идеями Шеллинга, Гегеля и других немецких романтиков.

На огромном литературном поле художественных произведений В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, К.Н. Батюшкова, П.А. Вяземского, А.А. Дельвига, В.К. Кюхельбекера, А.И. Одоевского, Н.В. Гоголя, М.Ю. Лермонтова в монографии изучаются особенности трансформации мифа в художественную структуру произведений, что уже само по себе представляет определенную новизну и актуальность.

Несколько десятилетий в нашей академической вузовской науке отсутствовало должное внимание к проблеме мифа в творчестве русских писателей, ибо изучение этой проблемы до последнего времени было затруднено среди прочих причин и тем, что наша официальная наука большей частью находилась в плену «прогрессивной» логики, идеологических штампов, наконец, атеистического учения. Отсюда ставшее привычным и более незаметным искажение общего пафоса, порядка и направленности идейно-творческой деятельности писателей, поэтов, эстетиков прошлого.

В настоящее время создались все предпосылки для спокойного и освобожденного от спекулятивных подмен изучения мифа в творчестве русских романтиков. Именно в романтизме возникает широкое обращение к христианским текстам, к ветхозаветным мотивам, где по определению исследовательницы «главной стала, по сравнению с духовной поэзией XVIII века, личностная позиция поэта, – именно романтизм создает миф о божественной природе поэтического слова в контексте постижения вечных истин христианства» (с. 1).

«Завершить» мир произведения, иначе говоря, создать границы жизни героя и смысла этой жизни возможно только с «внежизненной» позиции, находясь в совершенно ином «плане бытия», – эту функцию и выполняет миф в структуре художественного произведения. «Внежизненная активность» автора-творца по отношению к герою (героям), его особая заинтересованность в нем подобны, по мнению М.М. Бахтина, отношению Бога к человеку

(в трактовке христианской религиозной философии). Изнутри земной человеческой жизни нельзя увидеть ее итоги – ни фактические, ни смысловые, но извне ее, в абсолютном сознании, эти итоги уже наличествуют, так что возможно любовное созерцание становящейся жизни как уже совершившейся. Согласно мифу, божественные деяния впервые создают сакральное время, которое тем самым неотделимо от наполняющих его событий. Исходя из этого, сакральное время может быть воссоздано в структуре художественного произведения путем «соучастия» в событии во время его совершения, но не передано «в готовом виде» дистанцирующимся от него повествованием.

Главный признак мифа в структуре художественного произведения, как видится из осмыслений Л.А. Ходанен, не наличие в произведении определенных (общественных) мифологических персонажей и сюжетных мотивов, а создаваемая художественной структурой возможность превращения всего сиюминутного, эмпирически или исторически реального в мире и человеке в отражение и воспроизведение вечных прообразов.

Методологически верными и значимыми замечаниями, на которых базируются историко-литературные осмысления исследователя, являются мысли, из которых можно сделать заключение, что система варьирования архетипических образов и мотивов, а также архаических пластов семантики слова в литературном произведении открывает в точках непрерывно меняющегося эмпирического времени область вневременного настоящего и придает всему современному глубинный и неумирающий смысл, укрупняет масштаб изображения, создает неколебимую нравственную меру. Романтики начала XIX века, как мы видим из глубоко продуманных мыслей автора, впервые в русской литературе с помощью введения в текст произведения «мифа» начинают выявлять важные тенденции современной действительности, тем самым автор-творец в их произведениях предстает не как замкнутое сознание, а как некий отвердевший взгляд на «нечто», как субъект собственной деятельности в плане постижения бытия. Таким образом, можно сделать вывод, что методологическая база книги весьма основательна, и тем самым дает возможность исследовательнице произвести весьма глубокий историко-литературный анализ.

Несомненное достоинство монографии, ее актуальная новизна в историко-литературном плане заключается в том, что автор восполняет существенные пробелы, направляет свое внимание на изучение типологии романтических мифов в связи с изучением мифологических форм: мифы о музе и пророке; широко осмысляется историко-героическая мифология, гипнология, демонология, – тем самым выявляются централизующие основы формирования мифопоэтической картины мира в русском романтизме первой трети XIX в.

Автор восполняет существенные пробелы, направляет свое внимание к малоизученным или вовсе не исследованным сторонам изучения мифа в творчестве русских романтиков, стремится прозреть внимание писателей изучаемого периода непосредственно к архаическим структурам национального мифа и в составе фольклорной традиции. В центре работы оказывается миф как эстетическая категория и как элемент поэтики в творчестве русских романтиков. Успешное решение поставленной задачи позволяет Л.А. Ходанен не только всесторонне уяснить роль мифа в поэтической системе русского романтизма, но и по-новому осмыслить теорию мифа в эстетике и литературной критике 1810-1830-х гг., восполнить мифопоэтическую картину русского романтизма в ее целостности, по-новому осознать масштаб влияния мифа как формы художественного мышления, его органичности романтической эстетики, прозреть его доминанту в творческом процессе А.С. Пушкина, В.А. Озерова, Е.А. Баратынского, М.Ю. Лермонтова, К.Н. Батюшкова, А.А. Дельвига, А.И. Одоевского, Н.В. Гоголя, О.М. Сомова и др. При этом, что весьма ценно, соискательница опирается в своей методологии исследования мифологии на историко-литературный и типологический подходы, а в изучении конкретных произведений, содержащих трансформированные авторами мифологические структуры, использует структурно-семиотический анализ, герменевтические и этногерменевтические наблюдения. Изучение функционирования мифа в структуре художественных текстов было проведено с точки зрения историче-

ской поэтики, что, в свою очередь, потребовало изучения жизни мифа в последующих эпохах с применением культурологического анализа.

Стремление к подобному синтезу дает возможность исследовательнице «увидеть миф как системный, структурообразующий элемент формы художественного мира, созданного русскими романтиками, в развитии которого выразилось своеобразие романтического художественного мышления, сочетающего трансцендентную, персоналистическую устремленность в сферы жизни духа, и универсализм, тяготеющий к открытию «бесконечного в конечном».

В монографическом анализе концептуальной совокупности осмысления мифа в творчестве русских романтиков следует особо выделить разделы, посвященные проблеме «гения» и вдохновения в русской эстетической мысли 1820–1830-х годов, а также осмысление споров о народности в русской критике и развития мифологии и фольклора. В этой связи продуктивным и интересным представляется анализ эстетических трактатов любомудров Д.В. Веневитинова, В.П. Титова, АС. Хомякова, С.П. Шевырева и др. По мысли исследовательницы «русская романтическая поэзия создает свою мифологию поэзии, основой которой является жизнь романтической души поэта-творца. В ее развитии будут использованы мифологические мотивы, мифологическая символика античности и христианства». В мифах отразился поиск новых идеалов, обращение к проблемам развития внутренней духовной жизни личности, стремление выработать новое миросозерцание, осознать новые цели общественной жизни 1820–1830-х годов. Эстетический идеализм и натурфилософия Шеллинга, по справедливому замечанию автора, больше всего отвечали этим настроениям. Русская культура выбрала путь самопознания личности и проникновения в сущность природы, дающей возможность индивиду спроецировать эти духовно-философские искания на практическую деятельность. Литература и эстетическая мысль переживают в этот период своеобразную эволюцию, интеллектуализируются, чему немало способствовал философский способ мышления. Именно в области литературы и эстетики осуществляются в русской культуре поиски возможностей целостного проявления личности. «Поэзия и философия – вот душа сущего», – пишет в этот период Н.В. Станкевич. Трудно не согласиться с мыслью Л.А. Ходанен, что именно в «русском романтизме формируется философская эстетика, в которой представление о прекрасном, концепция поэтического вдохновения синтезирует на национальной почве идеи романтической науки об искусстве. В области формирования романтической мифологии это сказалось в освоении новых мифологических сюжетов, а в развитии темы поэтического творчества – в создании новых мифопоэтических форм».

Действительно, интерес к мифологическим теориям античности и нового времени создавал эстетический контекст исканиям русских романтиков в области мифотворчества и мифологии искусства. Как аргументированно доказывает исследовательница, романтический миф о вдохновении проходит в русской эстетике 1820–1830-х годов свое развитие и глубоко осваивается русскими романтиками. Они создадут целый ряд повестей о творческой личности, в основу которых ляжет романтический миф божественного озарения, встречи с божественным идеалом. В этом плане круг осмысляемых в могорафии писателей и эстетиков можно было бы продолжить следующими именами и произведениями, это: «Владимир Паренский» Д.В. Веневитинова (1827), «Две жизни» (1832), «Остров» (1838) И.В. Киреевского, «Несколько мгновений из жизни графа Z***» (1834) Н.В. Станкевича, «Разговор о возможности найти единый закон для изящного» С.П. Шевырева, «Rapsodia Sonatina» И. Срезневского. Впрочем, нельзя объять необъятное, и тот круг произведений, который представлен в исследовании, вполне дает возможность согласиться с очень весомыми аргументами автора, а наши дополнения подтверждают справедливость выводов Л.А. Ходанен.

Следует только заметить, что мифологические мотивы в этот период проявились не только в создании образа поэта-гения, но и в целом способствовали изображению «универсума». Это универсальный образ XIX столетия в «Русских ночах», наука и техника будущего в повести «4338-й год» В.Ф. Одоевского; это жизнь фантастической колонии греков в

утопии И.В.Киреевского «Остров», это произведения А.И. Герцена, в частности «3 августа 1833» и «Вильям Пен», где Пен собирается в Новом Свете заложить основы «нового мира», основы идеального общественного строя.

Несомненная заслуга соискательницы заключается и в том, что Л.А. Ходанен в свою активную аналитическую орбиту внедряет другой значительный источник, питавший романтическую концепцию мифа в русском художественно-эстетическим сознании первой трети XIX века – просветительскую традицию изучения национальных культур, исторических периодов в развитии цивилизации, отталкивающуюся в первую очередь от идей Гердера.

Произведя тщательное изучение двух направлений в исследовании народной культуры (фольклора и мифологии) – академического и литературного, а также литературно-критического и художественного творчества Н.М. Карамзина, В.А. Жуковского, А.С. Кайсарова, О.М. Сомова, В.К. Кюхельбекера, Л.А. Ходанен выявляет специфику романтической концепции мифологии в русской критике и литературе 1820–1830-х годов, которая выражалась в спорах о «народности». В воплощении именно этого требования к современной литературе автор усматривает вектор осваивания сменяющихся научных концепций мифа и славянской мифологии (славянской, славяно-русской мифологии, народоведческого фольклорно-мифологического комплекса), – именно благодаря этим масштабным осмыслениям открывался путь к духовному космосу европейской и национальной культуры, классической и библейско-христианской, фольклорной и литературной, древней и новой.

Несомненная заслуга ученого заключается и в том, что отдельные произведения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, К.Н. Батюшкова, А.А. Дельвига, Н.В. Гоголя рассматриваются в контексте общих тенденций развития мифопоэтики русского романтизма 1820–30-х гг., который вписывается в непосредственную динамику историко-литературного процесса. Это позволяет Л.А.Ходанен, с одной стороны, весомее оценить произведения, содержащие отчетливый мифопоэтический уровень в своей художественной структуре, а с другой – отчетливее уяснить типологические закономерности уникальной мифопоэтики русской литературы.

Для полнокровного изучения развития мифологии в творчестве русских романтиков на материале произведений 1820–1830-х годов, содержащих отчетливую мифопоэтическую парадигму, Л.А. Ходанен подвергла детальному историко-литературному анализу, вкупе с типологическим, наиболее значимые «мифы» о поэте-гении, героический миф, миф о силе слова, «аркадские мифы», «скульптурный» миф, историко-героическую мифологию, романтическую гипнологию, демонологию.

На таком фоне, а также обращаясь к фактам усвоения русской поэзией эстетики немецкого романтизма и философии искусства Шеллинга, автор определяет новое понимание в национальной поэзии природы искусства как высшей формы интуитивно-интеллектуальной деятельности, на основе которой формируется новая мифология искусства, а пальму первенства в ведении мифа о поэте среди романтиков отдает В.А. Жуковскому.

Аргументированно осмысляя динамику развития мифа о поэте-творце от классического античного мифа о любимце Аполлона и муз к углубленному драматическому образу Пророка, навеянному библейскими мотивами в творчестве А.С. Пушкина, и, далее, заключая наблюдения над образом поэта уже в творчестве М.Ю.Лермонтова и выявляя у последнего в его поэзии трагический пафос, Л.А. Ходанен справедливо делает вывод, что «романтическая концепция поэта-пророка значительно усложнилась, в нее вошли не только ветхозаветно-христианские мифы о древних пророках, о псалмопевце Давиде, уже освоенные романтизмом, но и новые вариации архаических основ, которые связаны с историко-культурным и современным конкретным наполнением».

Автор анализирует знаменитое послание Пушкина «Моему Аристарху» (1815), обращенное к Н.Ф. Кошанскому, в котором «сгущена мифологическая лексика, упоминание муз, харит, Феба-Аполлона, но эта лирическая ситуация почти всегда разрушается, неизменно оборачиваясь игрой, иронической улыбкой, шуткой над святостью поэтического горения». Именно «муза» «первоначально была «героиней» лицейской поэзии Пушкина, пришедшей

к нему из французской «легкой поэзии» и анакреонтики, которыми поэт увлекался в эти годы». Сюда же исследовательница относит и другие стихотворения этого периода: «Мечтатель», «Послание к Юдину». Это заключение исследовательницы наталкивает на определенные размышления. Достаточно вспомнить известную статью И.В. Киреевского «Нечто о характере поэзии Пушкина» (1828), в которой молодой критик, характеризуя первый период творчества Пушкина, писал: «Сладость Парни, непринужденное и легкое остроумие, нежность, чистота отделки, свойственная характеру французской школы, соединились здесь с роскошью, с изобилием жизни и свободою» (подчеркнуто нами – *А.Е.*). Именно в изобилии жизненных сил и свободе поэтического творчества поэта кроется неприятие позиции Кошанского; это своеобразный диалог Моцарта и Сальери. На первый взгляд, ранние произведения Пушкина определяет французская культура poesie fugitive, молодость, влекущая к чувственным наслаждениям. Но так ли это, из чего же тогда вырастает Пушкин-философ, национальный гений? Кажется, вся гамма чувств обычно персонифицируется по классицистическому канону (Венера, Эрот, Вакх), условны и поэтические имена (Делия, Лила, Хлоя и т.п.). Все в первом чтении условно и представляет аллегорию молодости и свежести чувств. Характеристика, применяемая Пушкиным в его ранних стихах, это – поэтическая маска не просто философа-ленивца, но «монаха», «чернеца», «расстриги». В послании «Моему Аристарху», которое составляет единое поле с посланием «К другу стихотворцу», перед читателем предстает единый диалог, в котором сначала учитель-ритор назидает неопытного, но убежденного в своей одаренности «ученика», а затем «ученик», обретший свой «голос» в поэзии, отвечает «грозному Аристарху». Именно в этот период Пушкин-лицеист обращается к истинному учителю в послании «К Жуковскому» (1816), здесь его душа уже устремлена к «священному» диалогу с учителем-поэтом (он внутренне противополагается диалогу с учителем-ритором). В этом «противоположении» и рождается соотнесенность, цикличность этих стихотворений, отсюда и возникает определенная серьезность, драматичность стихотворения «Моему Аристарху», прозревается «феномен возникновения поэта», где мифопоэтика, конечно же, играет не заглавную роль, и именно она свидетельствует, что лицейская лирика – это не столько ученический этап в творчестве Пушкина, сколько особый период рождения гениального пушкинского сознания, согласно которому юный поэт не следует за логикой чужого художественного мышления, не подражает изначально, а преображает «чужое» в «свое». Впрочем, анализ поэтического «начала» Пушкина-поэта логично приводит исследовательницу к справедливой мысли, что это было «движением Пушкина от классического мифа о певце к христианско-православному мифу о поэте-пророке».

Важность и ценность исследования Л.А. Ходанен заключается и в том, что оно полезно для уточнения личностной и творческой типологии таких разных деятелей русской литературы, как только что упомянутые Пушкин, Жуковский, Лермонтов, как А.И. Одоевский, О.М. Сомов, П.А. Катенин, В.К. Кюхельбекер, К.Н. Батюшков, А.А. Дельвиг, П.А. Вяземский, Н.В.Гоголь и другие. В книге в целом усматривается как бы тройное освещение, что придает ей методологическую полноту и бесспорную научную весомость.

Анализ развития романтической эстетики мифа, мифотворчества оказывается в результате проделанных изысканий необходимым не только для уяснения его собственного самостоятельного значения, но и для выявления не всегда замеченных сторон как в деятельности конкретных писателей и поэтов первой трети XIX века, так и в историко-литературном процессе в целом (формирование национальной мифологии, тесно связанной с освоением традиции фольклорного эпоса, древнерусской литературы, использование мифологем из библейско-христианских текстов, создание крупных жанровых форм). Эти формы, по верному выводу ученого, «создавали универсальный мир романтической мифологии во всей его полноте и многообразии, включавшей язычество, античное и славянское, и библейско-христианскую мифологию. Свобода и фантазия, «народность» и «местность» как основополагающие эстетические принципы создания романтической мифологии давали возможность ведущим русским романтикам выйти в духовный космос национальной и европейской культур в единстве прошлого и настоящего».

Таким образом, есть все основания заключить, что монография Л.А. Ходанен «Миф в творчестве русских романтиков», – весьма нужное, своевременное и плодотворное синтетическое исследование. Автору удалось с помощью обильного и одновременно тщательно выверенного фактического материала соединить теоретический и историко-литературный анализ, прозреть важнейшие эстетические и поэтические достижения русских романтиков, родовую и жанровую перспективу развития отечественной литературы не только первой трети XIX века, но и определить магистральные пути развития русской литературы в целом.

РЕЦЕНЗИЯ на учебное пособие Р.Р. Неймана «Проблемы аудита и контроллинга персонала (управленческий подход)» – 2-е изд., перераб. и доп. – Омск : Изд-во НОУ ВПО «ОГИ», 2007. – 316 с. – ISBN 978-5-98566-037-1.

Книга Р.Р. Неймана описывает актуальные проблемы менеджмента персонала, причем автор не компилирует материалы известных учебных пособий по персонал-менеджменту российских и зарубежных ученых, которыми изобилует книжный рынок, а преподносит материал с принципиально новым видением решения проблемы управления рабочей силой. Квинтэссенцией изложения материала стала теория автора о возможностях инструментария аудита и контроллинга на рынке труда.

Учебное пособие «Проблемы аудита и контроллинга персонала» подготовлено по дисциплине, которая появилась в Государственном образовательном стандарте второго поколения и чаще всего является спецкурсом или курсом по выбору. Однако, как показывает практика, студенты и слушатели магистратуры и системы повышения квалификации проявляют большой интерес к современным возможностям управленческого консалтинга. Пособие особенно востребовано при обучении корпоративных клиентов, так как и контроллинг, и бюджетирование в области работы с человеческими ресурсами особенно важны для работников крупных хозяйственных организаций.

Книга по форме является учебным пособием, состоит из восьми глав, в конце приведен глоссарий для контрольно-развивающегося теста; после каждой главы приведены вопросы и задания для углубленного самостоятельного изучения. Привлечен богатый иллюстративный, статистический материал.

Контроллинг, как самостоятельная подфункция управления, стал выделяться в период технологической революции (50–80-е года двадцатого века). В России активно издавались переводные работы, в которых излагалась как теория, так и практика этой работы. Однако прямое использование опыта индустриально развитых стран в этой области весьма затруднительно из-за различий организации управления на предприятиях и особенностей экономического механизма. В конце XX и в начале XXI века стали публиковаться работы российских авторов. Их еще относительно немного, кроме того, большинство из них являются не «продвинутым», а начальным курсом.

Широта ожидаемой аудитории книги определяется новаторским раскрытием проблем управления трудом. Данная книга выгодно отличается от ранее опубликованных рядом положений. Во-первых, она дает исторический аспект формирования контроллинга, органически увязывая его с развитием предпринимательства, что очень важно, особенно если автор опирается на координационную, управленческую концепции контроллинга. Во-вторых, в книге органически увязываются позиции прогрессивных зарубежных школ и положения по организации системы управления, разработанные в России. В-третьих, работа оснащена весьма надежным научным аппаратом, что обеспечивает надежность выводов и рекомендаций автора.

Особо следует подчеркнуть, что автор пытается во всех разделах работы раскрыть логику формирования и развития аудита и контроллинга персонала в связи с таким явлением, как концентрации ряда функций управления персоналом в кадровых агентствах и управленческом аутсорсинге.

Методическая новизна заключается в применении инструментария финансового менеджмента к менеджменту персонала. Поскольку в пособии проблемы управления персоналом рассматриваются через призму финансового и инвестиционного анализа, очевидно, что она написана на стыке двух разных, но тесно взаимосвязанных наук в их диалектическом единстве. Бесспорно, объединение финансовых и управленческих дисциплин возможно и в некотором роде даже полезно, хотя в работе это не всегда удается и создается впечатление некоторой эклектичности, связанной, в частности, с включением разделов, посвященных оценке интеллектуальной собственности компаний.

Интерес представляет работа и с педагогической точки зрения. Каждая тема начинается с формулировки цели и перечня ключевых слов и понятий и завершается заданиями и вопросами не на закрепление материала, как это стало уже обычным, а на *углубление*. Это предполагает творческие усилия студентов по самостоятельному исследованию ключевых проблем, связанных, как правило, с их будущей профессиональной деятельностью, трудоустройством и карьерным ростом. Учитывая, что курс является новым и достаточно сложным, такие задания и вопросы имеют особое значение, их число можно было бы увеличить. Усвоению основных понятий, часть из которых является новыми, способствует глоссарий, который также можно было бы значительно расширить.

Пособие достаточно сложно и по замыслу, и по интегрированности материала (часть – из курса экономики фирмы, часть – из контроллинга, часть – из управления персоналом организаций и т.д.), и по форме изложения. В этой связи его следовало бы особо рекомендовать при подготовке магистров и для системы повышения квалификации и профессиональной переподготовки, в том числе слушателям MBI.

Представляет интерес материал по планированию бюджета расходов на персонал и современных форм оплаты труда и мотивации персонала через механизмы компенсационного менеджмента. В этой связи следует отметить, что данный аспект управления персоналом рассматривается крайне редко, хотя все специалисты подчеркивают, с одной стороны, значимость вложений в человеческие ресурсы, с другой – повышение эффективности от соответствующей инвестиционной деятельности. В этой главе в совокупности рассматриваются затраты на стимулирование работников, формирование мотивационных систем, подбор и расстановку кадров и т.п. Автор несколько излишне детально освещает проблемы организационного поведения, отвлекаясь от основной линии, «изюминки книги» – от аудита и контроллинга персонала, недостаточное внимание уделено бюджетированию персонала. На мой взгляд, работа бы выиграла, если бы называлась «Проблемы аудита, контролинга и бюджетирования персонала».

Особое внимание в пособии уделено проблемам инвестиций в человеческий капитал, в котором выделяются инвестиции в образование. Эффективность таких инвестиций тесно увязываются с организацией корпоративного обучения и формами обучающей деятельности. Автор особенно подчеркивает роль и необходимость наряду с техническим образованием развитие гуманитарного образования как наиболее эффективной сферы вложения капитала.

Большой интерес представляет изложение личного практического опыта возглавляемой автором методологической группы по проведению тренингов в коммерческих компаниях региона. Учебное пособие только выиграло бы при включении в него библиографического указателя, а также предисловия.

В целом можно отметить, что автором подготовлена интересная творческая работа, которая, бесспорно, полезна и может быть использована как в учебном процессе, так и в практическом управленческом консалтинге. Учебное пособие проходило уже серьезное рецензирование, имеет гриф Министерства образования и науки РФ и, вне всякого сомнения, займет свою нишу на книжном рынке.

О.Ю. Патласов,
д-р экон. наук, зав. кафедрой коммерции и маркетинга Омского гуманитарного института; профессор Омского института (филиала) Российского государственного торгово-экономического университета

CONTENTS

PART I. STATE, POLITICS, GOVERNANCE ……..... 4

Smolin O. N. Philosophy-economic bases of educational and the scientific-innovative policy in modern Russia ……..... 4
Shreyder V. F. Basis of the Russian form of political elite …… 19
Golev A. V. Sociopolitical phenomenon of public opinion ……..... 27
Dubrovina D. N. Phenomenon of public: modern treatments and vital embodiment …… 34
Dubrovin N. N. Historical unity of the society and development of public consciousness forms ……..... 39

PART II. ECONOMICS, CADRES, PERSONNEL …… 46

Pozdnyakov N. K., Krolevets Yu. L. Factors and forms of subjective business success …..... 46
Neyman R. R. To a problem of efficiency of investments into the person ……. 53
Anisin A. A., Patlasov O. Yu. Normalization of structure of assets and capital ……. 61
Dmitrenko Ye. A. Distribution centre in wholesale-retail trade of the foodstuffs ……..... 69
Lelechenko Yu. A. Perfection of methods of planning cost prices of road-building works …... 72

PART III. SOCIOLOGY, PSYCHOLOGY, PEDAGOGY …….. 84

Stepnova A. P., Stepnov P. A. The psychologist problems of price-making. The paradox of Russian price-making…….. 84
Zaytsev I. V. Subculture as one of parameters of transitive consciousness ……... 87
Zhbankov A. B. Methodological aspects of national safety ……..... 92
Belaya S. A. Socio-economical consequences of poverty of employed population (labour forces) …. 99
Demchenko Ye. N. Socio-cultural context of activity …… 109

PART IV. STUDY OF LITERATURE, JOURNALISM …… 117

Yevdokimov V. A Influence of mass media on institutiolisation of sociopolitical conflict … 117
Timofeyeva L. N. Authority of press or authority above press: what is favourable to the society? 119

PART V. INFORMATION TECHNOLOGIES IN EDUCATION …. 127

Alifanov O. M., Khokhulin V. S. Role of cosmic education in xxi the century ……. 127

PART VI. SCIENTIFIC LIFE ……...……..…... 135

Yeremeyev A. E. New approaches to comprehension of peacemaking in Russian classical literature…… 135
Review of a tutorial by Neyman R. R. “Problems of audit and personnel controlling (an administrative approach)……. 140

ПОЗДРАВЛЯЕМ С ЮБИЛЕЕМ!

Валерий Иванович Трушляков – проректор по дистанционному обучению и информационным технологиям, заведующий кафедрой естественнонаучных и математических дисциплин, доктор технических наук, профессор, член-корреспондент Сибирской академии наук высшей школы, советник Российской академии ракетных и артиллерийских наук.

Поздравляем с юбилеем!
Желаем крепкого сибирского здоровья, счастья и новых научных свершений!

Мы Вас сегодня поздравляем
Тепло, сердечно, от души!
И эти скромные цветы
Пускай подарком будут Вам.
Вы ж не ведите с сожаленьем
Счет быстро пройденным годам.
Пусть солнце светит Вам всегда,
Пусть долго Ваша жизнь продлится,
Пусть в Ваши двери никогда
Болезнь и старость не стучится!

Коллектив ОГИ

Биографическая справка

Валерий Иванович родился 17 октября 1947 года, в 1970 г. окончил физико-технический факультет Томского государственного университета.

С 1970 по 1993 г. работал в конструкторском бюро Омского авиационного завода (ныне ФГУП ПО «Полет»). Без отрыва от производства защитил кандидатскую (1978) – в Центральном научно-исследовательском институте машиностроения (г. Королев, Моск. обл.) и докторскую (1991) – в Центральным научно-исследовательском институте № 4 Министерства обороны (г. Благонравов, Моск. обл.) диссертации.

В период работы в Омском государственном техническом университете являлся зав. кафедрой (1991–2004), проректором по научной работе (1993–2002), с 2002 г. занимает должность профессора кафедры авиа- и ракетостроения.

С 1991 по 2004 г. работал в (зав. кафедрой автоматических установок с 1991 по 2004 г., проректор по научной работе с 1993 по 2002 г., профессор кафедры авиа- и ракетостроения с 2002 г. по настоящее время).

Награжден грамотами ОмГТУ, Министерства образования РФ, дипломами и медалями международных организаций (Брюссель, Париж, Москва).

В сфере интересов Валерия Ивановича – разработка спутниковых образовательных технологий, динамика, баллистика ракет и космических аппаратов, снижение техногенного воздействия ракетно-космической техники на окружающую среду.

В.И. Трушляков не раз участвовал в международных (Китай, Южная Корея, Таиланд, Италия), общесоюзных (Москва, Ленинград, Киев), российских конференциях (Москва, Владимир, Тула, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Барнаул, Омск, Томск, Новосибирск, Улан-Удэ, Красноярск и т.д.).

Под его руководством подготовлено 8 докторов и 9 кандидатов наук.

С 1997 по 2000 г. являлся председателем докторского диссертационного совета ОмГТУ по специальности «Динамика, прочность конструкций и оборудования», заместителем председателя совета по защите кандидатских диссертаций, заместителем председателя секретного совета по защите докторских диссертаций по ракетно-космической тематике. С 2001 г. по настоящее время является председателем этого докторского совета, членом ещё двух диссертационных советов.

Являлся одним из организаторов, а с 1997 по 2002 г. – зам. главного редактора межвузовского сборника «Омский научный вестник», членом редакционной коллегии (2001–2003) регионального журнала «Энергосбережение и энергетика в Омской области».

Как проректор по научной работе с 1993 по 2002 г. редактировал труды научно-технических конференций и сборников ОмГТУ.

С 2000 по 2002 г. являлся председателем организованного им совета проректоров по научной работе вузов г. Омска.

С 1995 по 2002 г. был членом координационных советов межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» по промышленной политике (Омск) и энергосбережению (Томск).

Свыше 120 научных публикаций, 60 авторских свидетельств и патентов, в том числе свыше 10 внедренных в производство (ФГУП ПО «Полет») с выплатой максимального в СССР вознаграждения за одно из внедренных авторских свидетельств (1986 г. в соавторстве с двумя сотрудниками КБ «Полет»).

В 2004 г. вышла его монография «Снижение техногенного воздействия ракетных средств выведения на жидких токсичных компонентах топлива на окружающую среду» (ОмГТУ).

Валерий Иванович поддерживает личные контакты с профессорами ряда ведущих российских и зарубежных вузов, в частности с профессорами Миланского политехнического университета (обмен магистрантами, аспирантами).